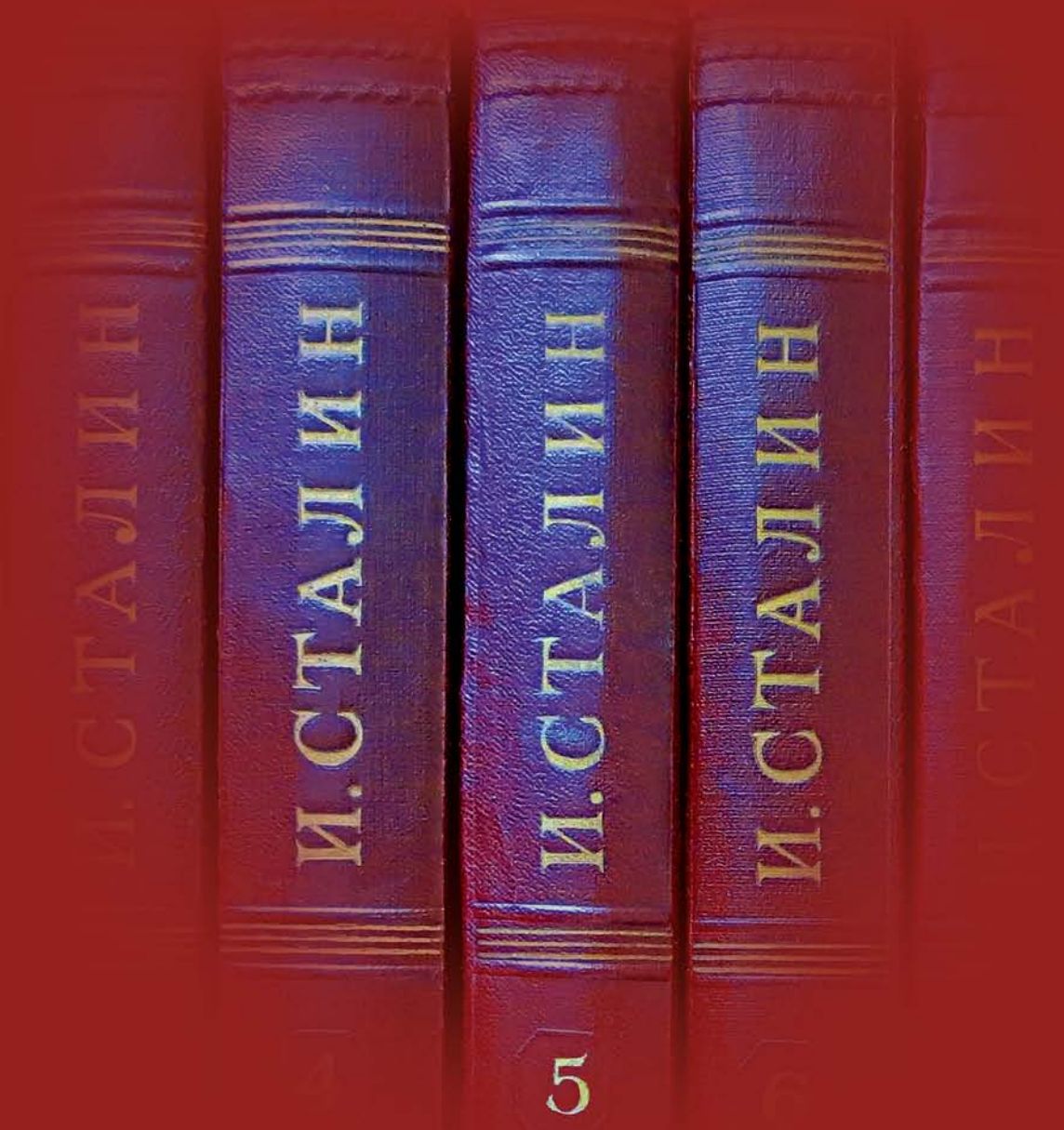

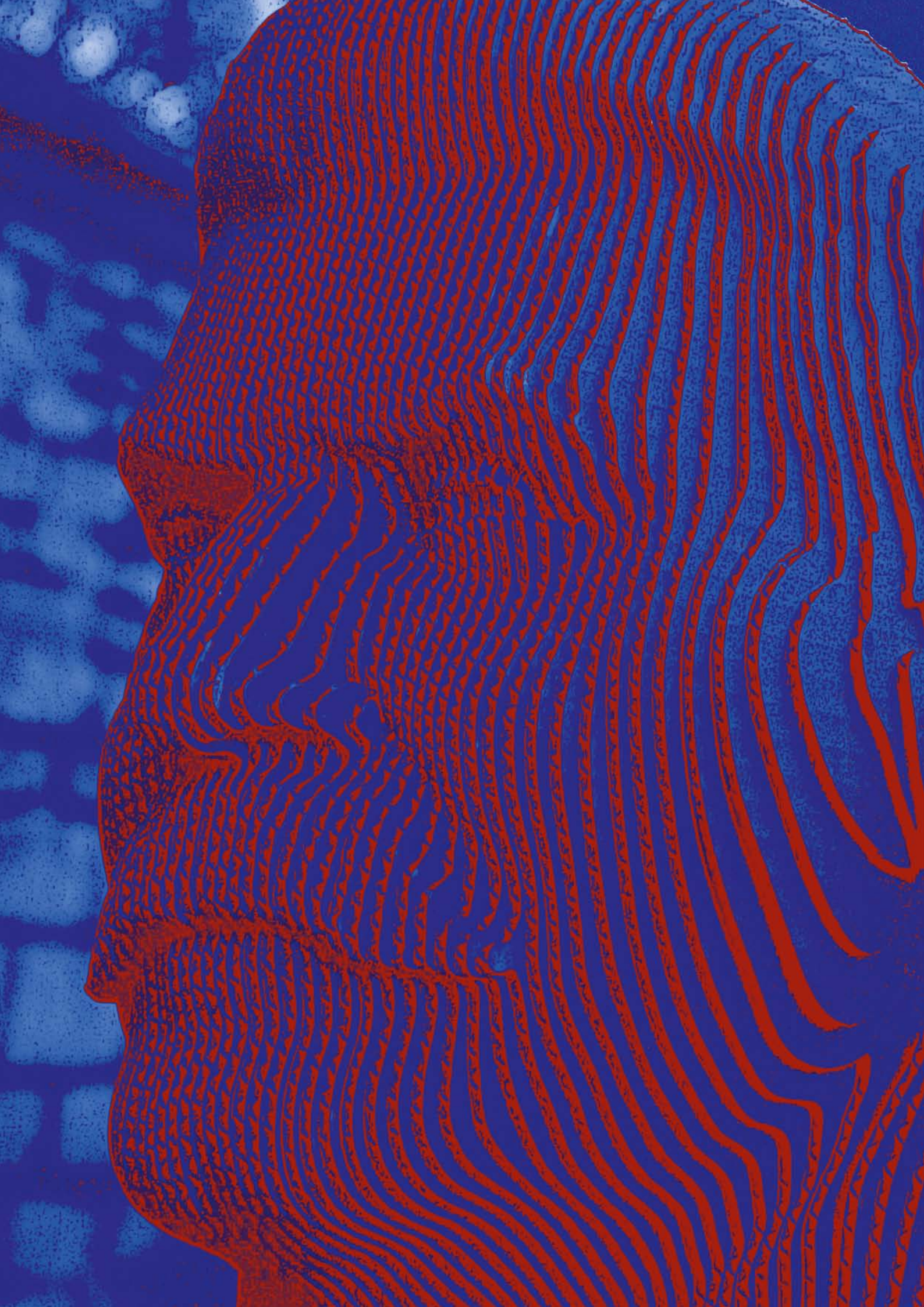
ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 5(81), 2020

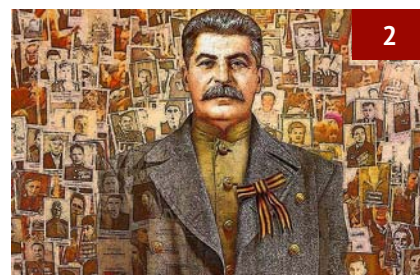
Пятый Сталин

Содержание:

- 2 Александр ПРОХАНОВ.
Пятый Сталин
- 10 Александр НАГОРНЫЙ, Владимир ВИННИКОВ.
Код Сталина
(доклад Изборскому клубу)
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ (стр. 11)
ОЦЕНКА ПРОБЛЕМЫ (стр. 14)
- 18 Александр ЕЛИСЕЕВ.
Особенности сталинского марксизма
- 24 Игорь ШИШКИН.
Триумф дипломатии Сталина
- 32 Алексей ИСАЕВ.
Сталин как Верховный главнокомандующий
- 36 Александр КОЛПАКИДИ.
Сталинские спецслужбы
- 40 Юрий ЖУКОВ.
Сталин и национальная политика
- 46 Шамиль СУЛТАНОВ.
«...Даже бешеными путями»: сталинский реализм
- 52 Андрей ФУРСОВ.
Почему СССР? Почему Сталин?
- 60 Евгений СПИЦЫН.
Мифы о Сталине: диалектика борьбы
- 66 Валентин КАТАСОНОВ.
Экономика Сталина
- 72 Михаил ДЕЛЯГИН.
Сталин и глобализация
- 78 Екатерина ГЛУШИК.
Сталин — организатор жизни города
- 82 Ольга ЧЕТВЕРИКОВА.
Сталин и Ватикан
- 92 Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Сталин и русские
- 106 Александр АЙВАЗОВ.
Два лидера — два парада
- 112 Вардан БАГДАСАРЯН.
Образ Сталина в российском обществе
- 120 Сергей БЕЛКИН.
Сталиниана: воспоминания и размышления
- 132 Библиотекарь
- 133 Поэзия сталинской эпохи
(стихи, вступительное слово Сергея БЕЛКИНА)

2

40

60

78

106

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» №5(81), 2020 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора — Сергей БЕЛКИН
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Верстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
Телефон: (499) 241 84 96
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 28.08.2020

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 800 экз. Заказ № 0817

/ Александр ПРОХАНОВ /

Пятый Сталин

Сколько в мире негодяев, сколько мерзавцев! Сколько людей, попирающих высшую христианскую заповедь — не предай благодетеля. Крохотные страны Прибалтики, которые были созданы декретами советской власти, сегодня неблагодарно обвиняют Россию в оккупации. Болгария, что была спасена Россией от турок, получила свою государственность, славилась Александра II и карающий поработителей русский меч, ныне называет Россию страной-оккупантом.

Сегодня все переписывают историю, пересматривают итоги Второй мировой войны, разрушают памятники русским солдатам и полководцам, оскверняют их могилы, танцуют на костях. Они приравнивают Сталина к Гитлеру, а фашизм — к коммунизму. Этим мерзавцам Россия даёт отпор. Отпор дают сегодняшние российские историки, исследователи, дипломаты, политики. Отпор даёт Путин. Россия сбрасывает с себя перхоть осквернителей, что даёт ей не просто.

Наша великая отповедь, наши справедливые упрёки — тем правительствам и странам, что были вырваны из-под вражеского ига ценою бесчётных смертей русских солдат из городов и деревень, где полвека после войны старились и доживали их вдовы и росли осиротевшие дети. В этой отповеди участвует каждый порядочный человек в России. Но есть странная неполнота, мучительная недоговорённость, невнятность формулировок, что обесценивает эту отповедь. До сих пор не сказано, что переписали историю

Второй мировой войны, смели её итоги не сегодняшние американские пропагандисты или польские витии. Итоги Второй мировой войны первым пересмотрел Горбачёв, объединив Германию, уничтожив ГДР — великий дар Победы, преподнесённый Советским Союзом немецкому народу. Это Горбачёв уничтожил Варшавский пакт, разрушил великий оборонный рубеж, отделявший враждебную Европу от Советского Союза. И теперь, когда русские танки ушли с Вислы, с Дуная, со Шпрее, эти земли полосуют гусеницы натовских танков. Это «перестройка» Горбачёва попрали все великие ценности, осквернила имена советских героев — панфиловцев, Зои Космодемьянской, осквернила Победу.

Оставалось исполнить гитлеровский завет — план «Ост», который ставил целью уничтожение Советского Союза. Двадцать семь миллионов советских людей положили свои головы, чтобы сорвать этот план, чтобы сберечь свою Родину. Ельцин уничтожил Советский Союз. Это он переписал историю, переписал итоги Второй мировой войны. Уничтожение Советского Союза, уничтожение армии, уничтожение дружбы народов, уничтожение культуры и её святынь — это и есть исполнение плана «Ост». Он, Ельцин, а не Сталин равен Гитлеру. Об этом не сказано вслух. Всё ещё сохраняется фигура умолчания, и Ельцина стремятся сделать кумиром русской истории. Существует целый сонм его сподвижников, участвовавших в разрушении СССР, в захвате советских заводов, советской собственности,

участвовавших в развенчании советской Победы и советских героев, в развенчании Сталина.

Иногда кажется, что «Ельцин-центр» в Екатеринбурге действует как цитадель гитлеризма, цитадель, где целые поколения воспитываются в неприязни и ненависти к советскому строю, к советской Победе, к советскому величию и советской жертвенности. Но настанет день, когда нынешнее поколение молодых людей совершит то, что не удалось нам, пожилым: они проникнут на купол «Ельцин-центра» и воздвигнут там знамя Победы.

Путин сделал много для восстановления исторической правды. Он не отдал на растерзание чёрных сил Россию, вернул Крым, а разорённую и разоружённую Россию вновь превратил в мощную мировую державу. Но странно, что его удерживает невидимая паутина, до сих пор мешающая окончательно избавиться от исторической лжи.

Когда во время священных парадов Победы, этих богослужений, совершаемых в самом великом храме России — на Красной площади, Мавзолее занавешивается материей, возникает недоумение и горечь, а также подозрение в слабости и неполноценности нынешней российской власти. Надевая на Мавзолее эту маску, отвергают два великих парада: парад 1941 года, когда с Мавзолея Сталин произносил свою историческую речь и посылал полки прямо под Волоколамск. И парад 1945 года, когда к подножию Мавзолея, к ногам генералиссимуса бросали изодранные русскими автоматами и пуш-

ками немецкие штандарты. Убеждён, что настанет день, когда святая, священная площадь примет парады во всей своей красоте, и в Храме русской истории перестанут закрывать чудотворную икону — она будет сиять во время литургического действа.

Почему до сих пор Сталинград возвращает своё имя великому городу только на три дня в дни Победы? Что за странная болезненная выдумка? Почему так страшатся назвать этот город его священным именем, которое положило начало победному шествию? Это имя — колоссальный, таинственный потенциал, что придаст городу громадную мощь. Этим потенциалом пользуются французы, англичане, множество стран, которые сберегают название «Сталинград» на своих улицах и площадях. Мы должны вернуть городу

на Волге его имя — Сталинград. И это будет великий шаг, удар по рукам тех, кто в действительности переписывает историю и отрицает итоги Второй мировой войны.

Непрерывная, мучительная, не завершаемая возня идёт вокруг имени генералиссимуса. Есть силы, которые здесь, в России, называют его исчадием ада и приравнивают к фашистскому фюреру. Не современные немцы, не французы, а именно сидящие в центре Москвы группировки равняют Гитлера со Сталиным, отвергают его великую роль, говорят, что Победу народ совершил вопреки Сталину. Чего стоят нападки в главном храме Вооружённых сил в парке «Патриот» на мозаику с изображением Сталина!

Сегодня, когда бушует эпидемия, грозящая нам огромными потерями: людскими, материальными, поте-

рями для нашей экономики, — идея Победы, само это великое слово — целительно. Это не просто слово, не просто лексическая комбинация, не просто историческая дата. Это живое молитвенное слово, это «живые помощи». И мы, лишённые сегодня возможности прошагать по улицам наших городов в Бессмертном полку, продолжаем это великое воскресительное, пасхальное шествие. Оно сильнее всех наветов, оскорблений, всех смертельных обид и обидчиков, что разрушают памятники нашему великому генералиссимусу, нашим великим полководцам, многие из которых погибли на полях сражений Великой Отечественной войны.

Настанет день, когда вновь не только на маленьких фресках, не только в робких патриотических фильмах, но во всей красе и силе

в галерее наших великих, священных государственников воссияет лик Иосифа Виссарионовича Сталина.

Потому что в русской истории действует загадочная синусоида, по которой развивается государство Российское. На протяжении всей русской истории было пять империй. Это условная формулировка, и многие историки «классического представления» будут возражать против такой моей кодификации и классификации русской истории. Но я убеждён, что все пять периодов русской истории имеют имперский характер. И в каждой империи присутствует свой Сталин. Империя и вообще Россия развивается рывками. Развивается конвульсивно, через «исторические инфаркты». И в каждом из этих периодов-рывков присутствует: может быть, условно, а может быть, и не условно, через реинкарнацию одного и того же демиурга, — Сталин.

Первая империя, Киево-Новгородская, начиналась ещё в языческие времена. Она охватывала огромные пространства: от Балтики до Чёрного моря, от Карпат до Урала. В этой империи жили славянские племена, жили угры, финны, варяги, которые двигались с севера «в греки», жили греки, которые двигались с юга на север к варягам, в ней жили хазарские евреи, жили представители Великой степи. И всё это множество пространств, народов, устремлений, верований, языков было организовано имперской силой. Силу эту, огромный имперский интеграл придал пространствам и народам Владимир Святой в Херсонесе. Приняв христианство, он наполнил империю, её пространства небесным, духовным смыслом — учением о Царствии Небесном. Владимир был первым Сталиным. Он сдвинул государство российское с язычества в сторону христианства, полыхнувшего из Херсонеса вплоть до Тихого океана.

Большой стиль этого первого Сталина, большой стиль Владимира Святого — это, прежде всего, Херсонес. Христианство в лице греческих

проповедников явилось в Херсонес и выбрало Владимира. Не он выбрал среди всех религий, перебирая верования, как на лотке перебирают товары, христианство... Нет! Православие выбрало его, вселилось в него, как таинственная Русская мечта, и создало гигантский имперский стиль — стиль первой русской империи. Перун, опрокинутый в киевские воды, плыл, обращая к небу своё раскрашенное многоцветное лицо, а по берегам рыдали язычники, провожая своё божество. Волхвы воспротивились явившемуся чужому Богу — Христу и подняли восстание. Владимир жестоко подавил это восстание. По Шексне и Волге плыли плоты, и на этих плотях торчали воздетые на колья головы волхвов, язычников.

Большой стиль — это София Киевская и София Новгородская — два великолепных храма с их чудодейственными неповторимыми фресками, золотыми мозаиками. Большой стиль, конечно, это и «Русская правда», и вся симфония явлений, текстов, свершений, побед, катастроф.

Но всё это кончилось, исчезло под копытами татарской конницы, которая положила конец первой империи. После краха Киево-Новгородской Руси остались только огрызки, осколки, которые жадно стремились подобрать соседние цивилизации. Свет первого Сталина погас и померк так, что не должен был возродиться.

Но произошло чудо. Из разверзшихся, чёрных для русского государства глубин, где Русская мечта только слабо мерцала и флюоресцировала, поднялась эта глубоководная рыба, и возникла вторая империя — Московское царство. В недрах второй империи появился свой Сталин — Иван Васильевич Грозный. Иван Грозный свинтил распадающиеся русские окраины и создал могучее государство. Его дизайн, его большой стиль — это, конечно же, покорение Казани, написание иконы Казанской Божией Матери. Это приручение, покорение Астраханского царства. Это Александровская слобода, куда царь ушёл, разгневанный на свой

народ, на подданных. Там он создал вторую столицу. В Александровской слободе, в Александрове вершились казни, допросы, шли пиры. Там возник таинственный Орден Ивана Васильевича Грозного.

Конечно, дизайном и большим стилем — ужасным большим стилем Грозного — явилось разорение Пскова и Новгорода, Твери. Плахи были воздвигнуты на всех русских перекрёстках.

Но его величие, его светоносная загадочная грозная сила пребывает в сегодняшней России. Мы живём в пору, когда Грозный и его образ прорастают сквозь тернии последующих поколений, последующих представлений о нём.

Царство Грозного, царство второго Сталина рухнуло в Смутное время. И опять рухнуло так, что невозможно было представить само дальнейшее существование России. В Кремле сидел супостат, по дорогам скакала бандитская конница, шумели восстания, грабились храмы... Кажется, государство российское кончилось. Поднималась Речь Посполитая, поднимались могучие европейские страны и цивилизации.

Но вновь поверхность моря русской истории начала светиться, и из таинственных зелёных вод явился третий Сталин, имя которому — Пётр I. Пётр совершил такой рывок, такой толчок, создал такую динамику русской жизни, русского движения, которые мы чувствуем и по сей день.

Большой стиль Петра — это, прежде всего, победа под Полтавой. Это Петербург с золотым шпилем Петропавловской крепости. Утро стрелецкой казни, когда хрустели позвоночники у мятежных стрельцов, до этого измученных на дыбах. Это и создание русского флота, и создание всего того, что было после Петра. Ведь в петровский дизайн, в большой стиль Петра входит и Пушкин, который обожал Петра и создал петровскую симфонию, образ Медного всадника Третьей русской империи. Но над этой империей, по мысли Пушкина, должна была воссиять «звезда пленитель-

ного счастья»: эта империя должна быть благой. Она должна отрешиться от чудовищного насилия, от рёва пушек, от «сиянья шапок этих медных, насквозь простреленных в бою». Петровский дизайн, или петровский большой стиль, дошёл до XX века: вплоть до 1917 года Россия жила петровским рывком.

Но и петровская империя, и петровский стиль, где были золотой век, серебряный век русской поэзии, великие оперы — всё это в два дня кануло на станции Дно, когда произошло отречение царя. Русская империя канула в бездну, в Ганинuyu на Урале, куда ушло всё: и победы, и флот, и пушкинские стихи, и романсы, и божественные русские предчувствия, и Николай Фёдоров... И уход этот сопровождался чудовищной бойней. Россия лязгала топорами, вгоняя их в спины своим детям, своим отцам. Гражданская война испепеляла все смыслы и ценности, с которыми враждующие стороны, белые и красные, вступали в схватку. И в этой кровище, в этой бойне, в этом до небес взрыве ненависти исчезало всё разумное и осмысленное.

Тогда возник четвёртый Сталин — собственно Сталин. Иосиф Сталин своей дланью выволок за волосы из хлюпающей, кровавой бойни русскую цивилизацию, жёстко и жестоко поставил её на ноги. Четвёртый Сталин — это центр Четвёртой, сталинской красной империи. Её большой стиль, стиль «Сталин» — это стиль необозримыхстроек, которыми закипела страна от океана до пустыни, от Карпат до Тихого океана. Гремели отбойные молотки, вспыхивали сварки — вся страна превратилась в грандиозную стройплощадку. Возникли заводы, создавались новые технологии, выпускались новые самолёты, танки. В предчувствии близкой войны строилась новая военная красная сталинская цивилизация.

Конечно, большой стиль Сталина — это и коллективизация, когда на дыбы было поднято вековечное русское крестьянство, оно было оторвано от земли. Его «перепахали»,

в него внесли абсолютно новый элемент силы — это террор, связанный с раскулачиванием. По всей земле появились многочисленные колхозы, которые мучились, корчились, но потом создали урожаи для будущей войны и урожаи времён войны. И страна выжила, хотя потеряла во время Великой Отечественной самые плодородные земли — Украины и Кубани.

Среди пятилеток, среди грохочущихстроек большим стилем Сталина были и грозные политические процессы, за которыми следовали расстрелы и расстрельные рвы. Он предложил, навязал России технологию страха, которая в итоге превратила Россию в мобилизованный отряд, где действовали инструментариистраха и повиновения. Но и инструментариистраха! Сталин создал в своём большом стиле две технологии: технологию страха, ужаса, повиновения — и технологию героизма. Он создал технологии, которые создавали из Советского Союза страну мечтателей, страну героев.

В сталинский стиль входят война и Победа. Это целая мистерия — мистерия войны. И каждая из грандиозных схваток в этой войне является своеобразной иконой — окровавленной, мироточащей. Битва за Москву, Сталинградская битва, Курская дуга, «десять сталинских ударов». Я слышал один апокриф, который говорит о том, что во время «десяти сталинских ударов» на небе появилось десять Млечных путей. Вот как мистики воспринимали эту войну!

И, конечно, Победа. А после Победы — Потсдам. До этого — Тегеран, Ялта. Это всё — части большого стиля Сталина, который в итоге покрасил две трети земного шара в красный цвет.

А ещё — ядерная бомба, которую Россия взорвала после американцев с опозданием на четыре года, ракетный взлёт сталинской цивилизации, Гагарин, который вышел в космос... Гагарин — не хрущёвский сын, он — сталинский сокол. Гагарин был задуман и сотворён сталинской цивилизацией. Он был Александром

Матросовым, который не погиб в 1943 году, а выжил, прошёл войну и потом улетел в космос.

Но и сталинский большой стиль тоже пал, рухнул в 1991 году. И вся Красная империя с великим сталинским стилем превратилась в прах, труху. Опять в России разверзлась бездна. Опять поверхность российской истории стала беспросветной и мрачной.

Но потом вновь что-то замерцало в этой воде. Опять стала всплывать гигантская рыба. Эту рыбу обнаружили, может быть, с опозданием. Одни изумились, восхитились ею, другие ужаснулись, стали её проклинать, бить гарпуном. Но она возникла!

Я не говорю, что Путин — Сталин. Он не стал Сталиным. Но у него есть время им стать. В Путине есть все черты этого сталинского всплытия, сталинского выхода из потаённой, из донной, глубинной русской исторической среды. И уже можно говорить о стиле «Путин».

Его большой стиль складывается из таких явлений, как, прежде всего, возвращение Крыма. Это огромный, мощный дизайн, действие которого мы видим по сей день. Это Крымский мост — изысканное инженерное, а может быть, даже культовое сооружение, которое соединяет Россию с Крымом и идёт куда-то дальше, это путь, по которому движется Русская мечта.

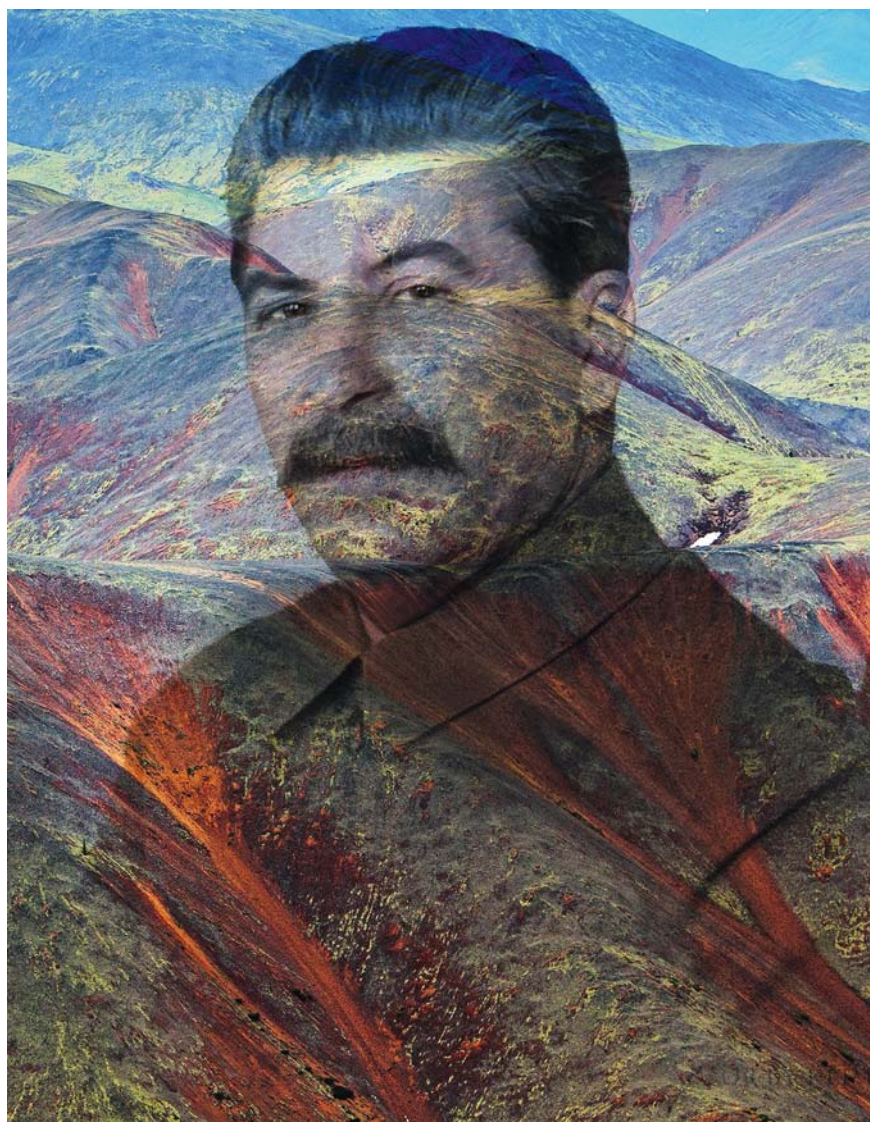
Путинский большой стиль — это Гергиев, который дирижирует сначала на развалинах дымящегося Цхинвала, а потом — на развалинах Пальмиры в окружении русских военных, лётчиков, что внимают этому стилю. Стиль «Путин» — это грандиозные парады на Красной площади в дни Победы. Они напоминают религиозные мистерии. Недаром Шойгу, когда выезжает на площадь из Спасских ворот, осеняет себя крестным знаменем, как будто входит в храм или монастырь. А «Бессмертный полк»? Это явление абсолютно мистическое и таинственное, потому что «Бессмертный полк» почти полностью воспроизводит пасхальный крестный ход, когда живые чают вос-

крещения мёртвых, несут в своих руках изображения героев и мучеников минувшей войны и желают их воскресить, не дать им умереть, погрузиться в пучину забвения. Но в какой-то момент пасхальный крестный ход переживает странную трансформацию. Возникает ощущение, что те, чьи фотографии несут над головами, сами берут на руки несущих их. И несут нас, ныне живущих, не дают нам погибнуть, не дают почтить. Всё это — путинский стиль.

Сталинский большой стиль изучают искусствоведы, эстетики. Конечно, Иосиф Сталин жил не только землёй, не только геополитикой, геостратегией, военными столкновениями. Он ощущал, что над ним — небо, и чувствовал свою связь с небесами. Не только потому, что окончил семинарию. Здесь было нечто другое — та сила, которая нахлынула на Россию и перевернула её всю. Это была планетарная сила, о которой говорил Вернадский. Сила, когда человеческое становится геологическим, человек становится частью геологической трансформации Земли. И Сталин был носителем этой силы. Не он её создавал — она в него вместились и формировала его деяния. Делала его тем, кем он стал и кем присутствует сегодня в нашем расколотом сознании.

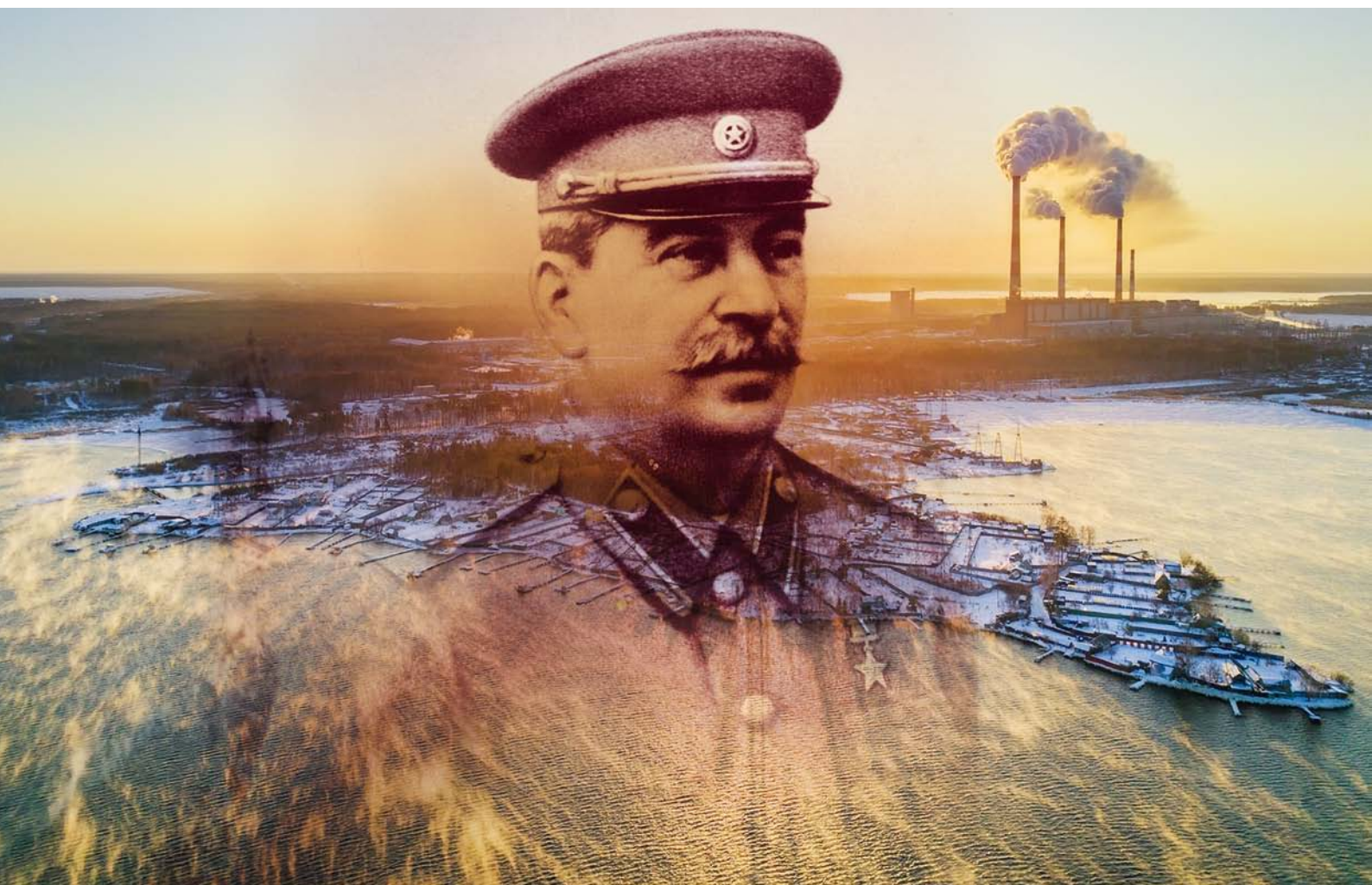
Для одних он — чудовищный демиург, воплощение зла и бесчинства. Для других — великий строитель, мистический спаситель России. Сталин чувствовал Небо: человек, который «своевал» такую войну, не может его не чувствовать. Сегодня Победа празднуется нашей церковью как религиозный праздник. И Победа, которая была одержана в 1945 году, — это не только победа военная, идеологическая, геостратегическая, это не только победа, которая изменила конфигурацию мира, передвинула континенты, сместила материки, произвела трансформацию меридианов и параллелей, как в своё время сделал старец Филофей, создав теорию «Москва — Третий Рим», или мистический патриарх Никон,

который перенёс под Москву Иерусалим и изменил всю конфигурацию планетарной сетки координат. Эта война и Победа — победа высших райских смыслов над смыслами ада. Ад пришёл в мир, пришёл в Россию. Демоны группы «Центр» двигались на Россию с абсолютной убеждённости, что она будет разрушена, побеждена и опрокинута.

Тогда схватка германского фашизма и Советов превратилась в схватку демонических сил с силами райскими. И райские силы одолели демонов. Советский Союз отдал на это одоление тридцать миллионов своих лучших сынов и дочерей, которые, если их осмыслить религиозно, богословски, являются святыми мучениками. Потому что священная

война кончилась священной Победой. Этот отблеск святости лежит на всех, кто участвовал в этой войне, в этой Победе, — на всех, кто сражался на фронте и лёг костями, кто стоял в тылу у станков. И на тех блокадниках, которые умирали и слушали Ольгу Берггольц в последние минуты своей жизни. Эта война — священная. Святость легла на всех. Легла на солдат, на офицеров, легла на отделения, на взводы, на роты, легла на батальоны, на корпуса, на дивизии, на фронты. Она, конечно, легла на генералиссимуса. Меня упрекают в том, что я способствовал написанию иконы Сталина, которая вызвала массу нареканий. Но это — не икона Сталина. На иконе изображена Державная Богоматерь, покровительница

ца России. Под образом Богоматери — великие маршалы Победы, и среди них — генералиссимус.

Ощущение войны как мистического одоления ада раем осталось в народе, оно выражается некоторыми священниками, духовидцами, но в целом оно не сформулировано, а живёт как ощущение, как предчувствие, как некая данность.

Конечно, в стиль «Сталин» входят построенные после войны восхитительные города, которые выглядят как музеи. Например, Минск — передаваемой красоты город, который возник на руинах. Или Киев с его потрясающим мистическим центром — Крещатиком. Это, конечно, имперские города, напоминающие Парфенон или храм Афродиты, — города сталинского дизайна, которые надо отнести к феноменологии труда, сформулированной красными исто-

риософами, сталинистами как вершина красной эры.

То была безбожная пора, которая отвергла Господа. Но на место Господа был поставлен труд: «Владыкой мира станет труд». Труд, по мнению большевиков, должен был преобразить землю и превратить её в Царствие Небесное на земле. Труд проходит через всю философию сталинского века, через его технологии. Воплощением этих технологий и воплощением этой историософии является монумент «Рабочий и колхозница» Веры Мухиной. Когда я проезжаю мимо этого памятника, то с его приближением чувствую появление серебряного зарева, сияния. Из этого сияния возникают две фигуры — мужчины и женщины, которые летят, как ангелы, богоподобные существа. И я нашёл трактовку этого памятника — то, что вложила в памятник

великая Мухина, как она истолковала труд. Ведь Адам и Ева были изгнаны из рая за свершение первородного греха. И Господь напутствовал их словами: «Идите трудитесь, в поте лица своего добывайте хлеб свой, плодитесь и размножайтесь». То есть труд был дан, с одной стороны, как кара, как возмездие согрешившим людям. А с другой стороны — как инструмент их спасения. Господь вменил им труд. И сама категория труда — божественна. Мы, осмысливая труд, понимаем, что это — не просто способ заколачивания гвоздей в доску. Это — выполнение мессианского предназначения человечества. Человечество было, может, задумано природой, создано Господом для того, чтобы трудилось, трудилось и трудилось... И результатом этого труда должно быть преобразование не только Земли, но и Вселенной. С помощью труда

мы должны штопать «чёрные дыры» Вселенной и воскрешать погасшие звёзды. «Рабочий и колхозница» — это Адам и Ева, которые возвращаются в Царствие Небесное. Они держат в руках орудия своего труда, показывают Господу, чем трудились. Они совершили великий труд во всей своей земной истории. И взлетают в небеса. Это сталинская красная мифология, где труд становится крыльями, которые возносят ещё вчера падшее, ветхое человечество в райские кущи, о которых задумывались большевики.

Сталин повелел в городах, разрушенных во время войны, строить обсерватории и планетарии. Он хотел, чтобы советские люди, которые пять лет смотрели только в землю: рыли окопы, траншеи, рыли могилы, глядели под ноги, ища былинку, которую можно было сорвать и съесть во время голода, — чтобы они подняли глаза и увидели звёздное небо. «Звёздное небо над нами и нравственный закон внутри нас». Ещё одним повелением Сталина было — сажать сады по всем городам. Это была его идея о райских садах. Когда ещё могилы не осели, когда ещё торчали печные трубы сожжённых деревень, он велел сажать сады.

Сталинский дизайн, сталинский большой стиль — это не только пластика, не только образы. Это таинственное явление, которое живёт и теперь, когда Сталина давно уже нет.

Как объяснить неистребимость Сталина? Ведь десталинизация на протяжении всей нашей последней истории проводилась много раз. И проводилась не скальпелем, не изычно — её проводило государство всей своей мощью, его поддерживали гигантские внешние силы.

Первым десталинизатором был Хрущёв. Огромная машина государства была направлена на уничтожение образа Сталина. Его убрали из Мавзолея, его имя стиралось из истории, памятники были сброшены. Тогда, при Хрущёве, возник образ сатанинского правителя. И затем столько раз его вымарывали, стирали, вышвыривали из русского

исторического контекста. А он являлся вновь и вновь. Это загадка: почему? На него не работали пропагандистские машины ни советского, ни нынешнего государства. Он являлся сам. Как является фреска, которую записывают поздними записями. Её замуровывают, кладут сверху слои извести — а она медленно, мучительно и неуклонно проступает.

Что такое — возникновение Сталина, его постоянное всплытие, словно таинственной донной рыбы, Китеж-града? Это постоянное воспроизведение и типа государства, и типа общества, и типа лидера. Сталин возвращается, вокруг имени Сталина ведётся острая и беспощадная полемика, вокруг него движутся целые вихри.

Спектакль Валерия Фокина о Сталине, поставленный в Александринском театре, по существу — антисталинский спектакль. И этот спектакль, как и многие другие формулы, исходящие из антисталинизма, есть не что иное, как продолжение пути Сталина. Мы хотим его уничтожить, отпихнуть, а он благодарит нас за то, что мы таким образом мостим ему дорогу. И он двигается, поскрипывание его сапог слышится уже повсюду.

Многие сталинисты стремятся поставить памятник Сталину: вот во дворе бюст, в коммунистическом офисе, в штабе... Это вызывает во мне чувство разочарования. Даже не потому, что эти бюсты не сравнить с гигантскими скульптурами Сталина на Волго-Донском канале, или в Минске. Но сегодня воплотить образ Сталина традиционными формами скульптуры, живописи или музыки — невозможно. Мне кажется, что Сталин, его сегодняшнее воплощение, его сущность поддаётся интерпретации с помощью каких-то квантовых представлений о сущностях, о динамике. Сталин — это скорость света. И пусть найдётся скульптор, который изобразит скорость света. Пусть найдётся скульптор с квантовым мышлением и откажется от создания монументов — истуканов из камня или бронзы. Наша

монументальная пропаганда грешит обилием таких памятников. То у нас Столыпин стоит, как столп, то императоры Александр II, Александр III... Это всё — эстетические рудименты. Пусть найдётся художник нового стиля — стиля «Сталин» или стиля «Путин» — и осмыслит новую эстетику сегодняшнего мира, который меняет кожу и требует новых великих идей и представлений. И одна из этих новых, вечно старых идей — это идея, связанная с Русской мечтой.

Русская мечта — как глубинная таинственная, живущая в русской истории сила, ведущая народ через все пропасти, катастрофы, через все поражения, через победы, через все откровения. Русская мечта — в каждом из нас: и в левом человеке, и в правом, и в сталинисте, и в антисталинисте. Потому что она, Русская мечта, и создаёт нас как народ. Есть мечта, и мы — народ. Исчезла мечта, и мы — не народ, мы — население: мы рассыпаемся, как горсть, как пепел. Сколько народов исчезло потому, что они потеряли мечту! «Я — время, сметающее народы», — говорит Священное Писание.

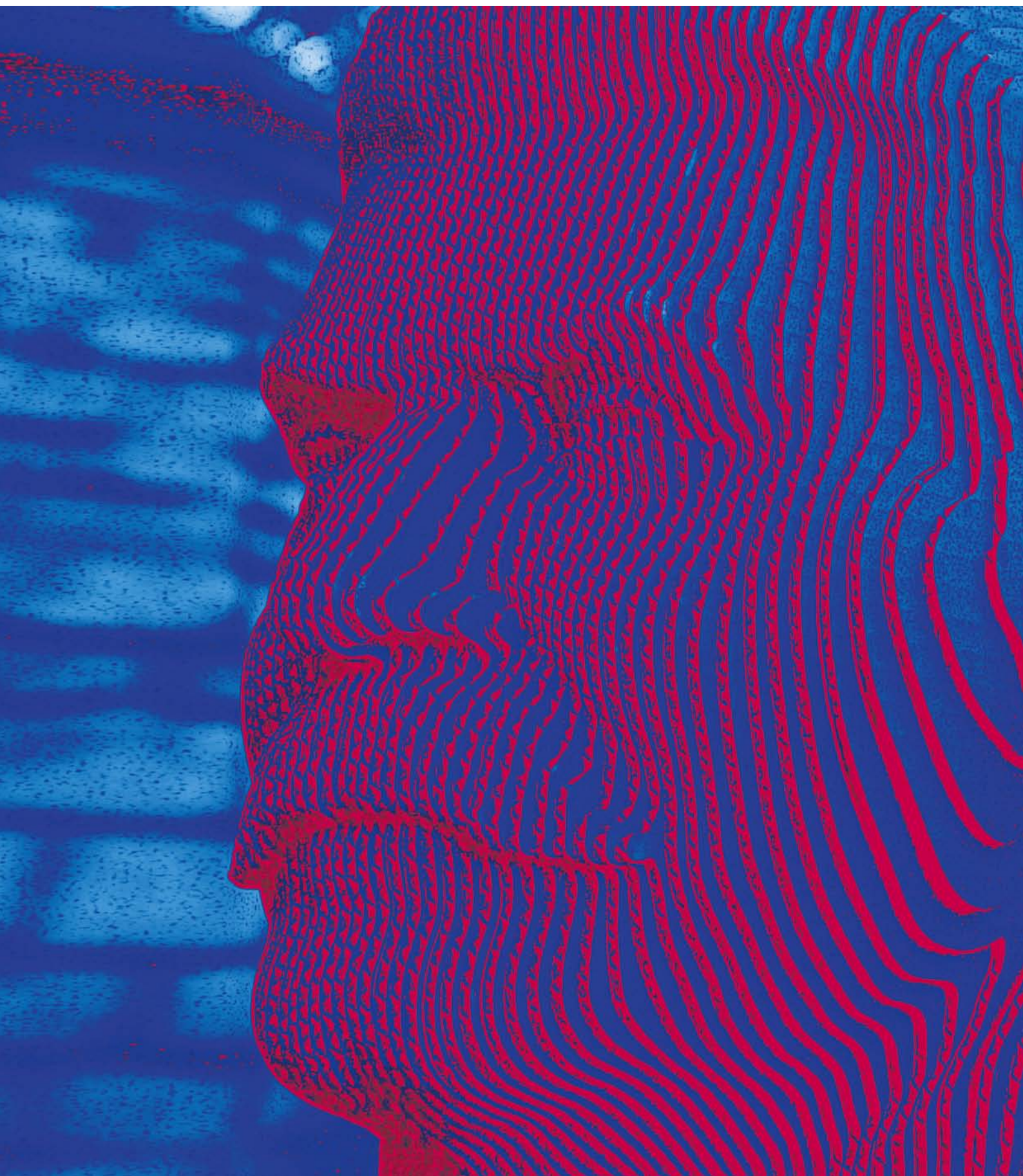
Сталин — это одно из воплощений Русской мечты, это явление русской истории во всей её тысячелетней протяжённости.

Сталин — это всплеск русского времени, с вершины которого видна бесконечность.

Сталин — это циклотрон, разгоняющий государство Российское до сверхвысоких скоростей, направляющий русский удар в чёрное «яблочко» мирового зла.

Сталин является аксиомой русской государственности.

Глубинный пятый Сталин сегодня назревает, как назревает среди русских снегов весна. Этот Сталин слышен, как слышен гул ещё не видимых внешних вод. Ясновидцы исчисляют «подлётное время», которое отделяет нас от появления пятого Сталина. Он явится внезапно, как пробуждение, — и всё кругом трепещет и светится, славя его появление. Так расточается тьма, уступая место заре.

/ Александр НАГОРНЫЙ, Владимир ВИННИКОВ /

Код Сталина

Матрица русской цивилизации

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Даже сегодня, через 67 лет после своей смерти, Иосиф Виссарионович Сталин остается более актуальной, живой, наполненной различными смыслами и, по большому счету, перспективной фигурой, чем все современные лидеры, вместе взятые. Во всяком случае — на территории бывшего Советского Союза. И фраза «все мы вышли из сталинской шинели» — гораздо больше, чем «просто» удачная метафора. Это такая же истина, как «все мы родом из детства». И даже самые яростные, самые непримиримые противники «отца народов» не могут ни опровергнуть, ни отрицать того простого факта, что они выросли, сформировались и, если не эмигрировали в «дальнее зарубежье», то даже сегодня продолжают жить внутри «матрицы» сталинской цивилизации.

Эту цивилизацию традиционно называют «советской», а не «сталинской», привязывая её ко всему периоду существования Союза Советских Социалистических Республик, в котором на время правления И.В. Сталина приходится намного меньше половины — даже если считать от момента смерти В.И. Ленина, когда будущий «отец народов» еще не обладал всей полной властью, это будет всего 29 лет (1924–1953) из 69 (1922–1991). И с этой исторической точки зрения, конечно, на эпохе Сталина и на фигуре Сталина «свет клином не сошелся»: после него, как известно, СССР руководили и Н.С. Хрущев (1953–1964, 9 лет), и Л.И. Брежнев (1964–1982, 18 лет), и М.С. Горбачёв (1985–1991, 6 лет). При каждом из них происходили достаточно серьезные изменения во всех сферах жизни советского государства и общества, которые получили образное выражение в соответствующих терминах: «хрущёвская оттепель», «брежневский застой», горбачёвская «перестройка».

В том же ряду ставших уже общепринятыми терминов-определений и одновременно выбываясь из него стоит сегодня «сталинский террор», а чуть раньше — «сталинский культ личности». Не надо забывать, что в эти броские словосочетания «упакованы» (кое-как — словно ленинский Мавзолей во время современных парадов на Красной площади) коллективизация, культурная революция, индустриализация, победа над нацистской Германией и над Японией в ходе Второй мировой войны, послевоенное восстановление экономики СССР с параллельной реализацией ядерного и ракетно-космического проектов, создание ялтинско-потсдамской — во главе с ООН — системы международных отношений и мировой системы стран социализма, а также очень многое другое, без чего и наша страна, и весь мир были бы сейчас совсем иными. В этом смысле трудно оспаривать характеристику Шарля де Голля, сказавшего, что Сталин не ушёл в прошлое, а растворился в будущем, — справедливость слов «последнего коннетабля Франции», можно сказать, подтверждена достаточно долгим отрезком исторического времени, уже намного превышающим период активной деятельности самого Иосифа Виссарионовича.

Теория и практика сталинского проекта во многом выглядят как «цивилизация будущего» по сравнению с тем, что мы имеем честь наблюдать сегодня. Впрочем, история, как известно, — не тротуар Невского проспекта, это сложный нелинейный процесс, в котором бывают «обратные волны», иногда — очень длительные и мощные. И тем, кто попал под такую «обратную волну», от этого, конечно, не легче, а реализация и крах сталинского проекта привели к самым разрушительным последствиям для нашей страны, нашего народа и нашей цивилизации среди всех бедствий XX века.

В одном из предыдущих докладов Изборского клуба уже приводились данные, которые свидетельствуют о том, что фактическая оккупация Российской Федерации сообществами «коллективного Запада» в период 1992–2003 годов по своим катастрофическим последствиям вполне сопоставима с последствиями развязанной теми же сообществами на территории бывшей Российской империи «большой» (включая Польшу, Финляндию и Прибалтику) Гражданской войны 1918–1922 годов, а также немецко-фашистской агрессии периода 1941–

1945 годов. Если представить соответствующие данные в виде небольшой сводной таблицы с учётом как прямых, так и косвенных потерь, то они будут выглядеть примерно следующим образом (таблица 1).

Но из этой таблицы следует и достаточно неожиданный, даже парадоксальный вывод о том, что из трёх тяжелейших испытаний, выпавших на долю нашей страны в течение XX века, Великая Отечественная война, в ходе которой Верховным Главнокомандующим являлся Иосиф Виссарионович Сталин, в целом была пройдена

с наименьшими потерями и наибольшими приобретениями, она закончилась Победой 1945 года, привела к созданию мировой системы социализма и к сверхдержавному статусу Советского Союза в период 1945–1991 гг.

Если же сменить точку зрения с хронологической на системную, то сразу станет очевидным, что «матрица» этой советской цивилизации, включая её цивилизационное «ядро», создавалась не просто в эпоху Сталина, но и под прямым его руководством. Это была трансформация, до того невиданная в истории человечества: и по масштабу проведённых преобразований, и по их динамике, и по внутренней структурной сложности, и даже по типу своей «исторической энергетики» (с преимущественным использованием процессов социального синтеза, а не распада). Если посмотреть на основные показатели — площадь территории, численность населения и место в мировой экономике — Российской империи и Советского Союза за 1913–1953 гг., то есть за 40 лет, разбив этот период на примерно равные 13–14-летние отрезки (а для этого есть не только формальные, но и сущностные основания), то их динамика будет выглядеть следующим образом (таблица 2).

Уже из этих простейших, базовых — всего-то 12 показателей! — данных видно, что за «сталинскую эпоху» советская Россия в форме СССР совершила гигантский рывок вперёд, поднявшись с 7-го на 2-е место в мире, причём это было сделано на самом пике мирового технологического прогресса и без наличия каких-либо серьёзных внешних инвестиций и рынков. Если пользоваться известными художественными образами, то при Сталине Советскому Союзу удалось, как Мюнхгаузену, вытащить самому себя за волосы из болота и пробежать вдвое быстрее всех, кто и так бежал изо всех сил. Мало кто соотносит известные сталинские слова: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», — с аналогичной фразой Льюиса Кэрролла из «Алисы в Стране Чудес»: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оста-

Последствия	Период гг.		
	1918–1922	1941–1945	1992–2003
Демографические (млн чел.)	-42	-35	-170
Территориальные (млн кв. км)	0,8	нет	5,3
Экономические (трлн долл., 2000 г.)	-40	-20	-55

Таблица 1.

Сводная таблица прямых и косвенных потерь

ваться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!»

Поэтому считать деятельность Сталина в целом негативной — даже с сугубо «государственно-патриотической» точки зрения — нет никаких объективных оснований. А если учитывать ещё и международные аспекты его деятельности, а также гигантские внешние конфликтные факторы (последствия Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн), то исторический масштаб этой фигуры вырастет минимум на порядок. Никто из критиков и отрицателей «сталинского тоталитаризма» в этом отношении не сделал даже тысячной доли от сделанного «отцом народов», а потому — каждый по отдельности и всё они вместе взятые, — представляют собой классический басенный тип москы, лающей на слона. Можно даже проследить некую закономерность: чем сильнее был политический лидер — современник Сталина, с тем большим уважением он относился к «дядюшке Джо». По-

Год	Территория млн кв. км	Население млн человек	Место в экономике мира, ВВП ППС
1913	21,800	178,378 (163,7 ¹)	5 ²
1926	21,674 ³	147,027	7 ⁴
1940	22,124 ⁵	198,712	4 ⁶
1953	22,402	188,700	2

Таблица 2.

Динамика основных показателей за 40 лет

¹ — без Великого княжества Финляндского.

² — без учёта Британской Индии в качестве самостоятельной экономики.

³ — после постановления Президиума ВЦИК СССР от 15 апреля 1926 года.

⁴ — самое низкое место по этому показателю Россия занимала в 1921 году — 9-е, на 10-м месте находилась Польша.

⁵ — по состоянию на 5 июля 1940 года.

⁶ — с учётом экономик захваченных Германией к 25 июня 1940 года территорий.

жалуй, единственным серьёзным конфликтом, в котором Сталин за время своего правления не смог одержать победу и достичь поставленных целей, была Корейская война 1950–1953 гг. — и то лишь в связи со смертью самого «отца народов». Впрочем, эта война, по большому счёту, не закончена и до сих пор...

Но главная проблема, связанная с фигурой Сталина, заключается не в этих бесспорных исторических достижениях самих по себе и тем более не в том, какой дорогой и насколько оправданной была их цена (во всяком случае, здесь уже при всём желании ничего изменить ни к лучшему, ни к худшему нельзя), а в том, что являлось их фундаментом, той основой, на которой — «от победы к победе» — возводилось здание сталинской советской цивилизации. Иными словами, в чём состоит «код Сталина», определяющий «матрицу» этой цивилизации, почему он работал, почему перестал работать и насколько возможна его новая активация, «перезапуск» в современном мире, включая Российскую Федерацию? Можно ли (и нужно ли), если отталкиваться от образа, предложенного де Голлем, «кристаллизовать» Сталина из «раствора современности»? И если да, то когда и как это лучше всего сделать?

Совершенно очевидно, что на данном этапе возможно только поставить проблему и выявить хотя бы основные аттракторы, определяющие поведение данной цивилизационной системы.

Для дальнейшего анализа необходимо уточнить, что именно понимается здесь под определениями «цивилизационный код», «цивилизационная матрица» и «цивилизационное ядро». Проще и нагляднее всего сделать это на уровне аналогического мышления, сопоставляя (в первом приближении) данный тип человеческого сообщества с живым организмом.

В таком сопоставлении «цивилизационный код» является аналогом генома живого организма — специфического носителя информации, который передаётся цивилизации от предшествующих цивилизаций; «цивилизационная матрица» является аналогом реплицирующих структур живого организма — совокупностью общественных институтов, которые «распаковывают геном» внутри данной цивилизации; а «цивилизационное ядро» является аналогом энергетической системы живого организма — совокупностью структур, которые выступают в обществе как необходимая «сумма технологий», которая обеспечивает внутреннее и внешние процессы жизнедеятельности данной цивилизации.

ОЦЕНКА ПРОБЛЕМЫ

Таким образом, уже при самой постановке проблемы были определены два тезиса, каждый из которых по отдельности может быть оспорен, но в своей взаимосвязи они получают совершенно иное, на наш взгляд — неоспоримое, качество и значение.

Тезис первый: «сталинская» трансформация 1926–1953 гг. успешно ответила на все вызовы, стоявшие перед русской цивилизацией в тот исторический период.

Тезис второй: «сталинская» трансформация 1926–1953 гг. сформировала необходимую «сумму технологий» для дальнейшего сохранения и развития русской цивилизации.

Многие исследователи отмечали, что в этот исторический период наша страна представляла собой почти хрестоматийный образец, если можно так выразиться, «целевого 4D-проектирования»: необходимые ресурсы, силы (и резервы на случай непредвиденных ситуаций), как правило, всегда оказывались в том месте и в то время, где и когда они были нужны для решения конкретной задачи и для достижения конкретной цели, которые, в свою очередь, использовались для решения других задач и достижения других целей — уже более высокого порядка. Опять же, единственным исключением, лишь подтверждающим общее правило, до поры до времени было военное дело: со времён ещё советско-польской войны и вплоть до завершения битвы под Сталинградом в этой сфере постоянно происходили системные сбои, что лишний раз подчёркивает изначально мирный и творческий характер сталинского проекта. Видимо, некие факторы (или, вернее, целый комплекс таких факторов) просто «выпадал» из поля зрения данного проекта. Но когда этот недостаток был устранён, Красная армия превратилась в по-настоящему всеокрушающую силу. Это отмечали и немецкие, и японские военные источники.

Те процессы перехода от традиционного общества к индустриальному, которые в европейских странах заняли несколько веков, да ещё в условиях непрерывного притока дополнительных ресурсов извне, в СССР заняли от силы 30 лет: уже к 1962 году доля городского населения в стране превысила долю сельского, а для РСФСР эта «реперная точка» была пройдена ещё в 1956 году. При этом, по большому счёту, обошлось без массовой безработицы, нищеты и разрушительных социальных конфликтов —

даже в условиях тяжелейшей войны на собственной территории в течение нескольких лет.

Заложенный в русском «цивилизационном коде» принцип многофункциональности, обусловленный постоянной нехваткой освоенных ресурсов, нашёл своё выражение в максимальной систематизации и стандартизации сталинской «цивилизационной матрицы», которая охватывала все сферы общественной жизни: от языка до промышленных ГОСТов. Весьма показательна с этой точки зрения история электрификации Советского Союза, начатая знаменитым планом ГОЭЛРО ещё при В.И. Ленине и в конце концов приведшая к созданию крупнейшей электрической сети мира — ЕЭС СССР. Создание этой сети изначально шло под единую систему стандартов 127/220 вольт, которая уже с конца 30-х годов начала переходить на более высокий стандарт энерговооруженности 220/380 вольт, с небольшими изменениями действующими вплоть до нынешнего времени.

Не менее впечатляющий характер имело создание единых систем образования и здра-

воохранения, стандарты которых с начала 30-х и до середины 60-х годов были самыми высокими в мире. При этом реформа русского языка, которая значительно облегчила доступ к его освоению для всего населения СССР, сопровождалась переводом на «новую орфографию» значительной части как отечественного, так и мирового культурного наследия, прежде всего — литературного. «Самая читающая страна мира» — вовсе не лозунг-штамп, по факту так оно и было. Более того, создавались все условия для того, чтобы это чтение имело продуктивные для общества последствия (формирование школьных программ, библиотечного фонда, «сетки» радиовещания и прочих компонентов общегосударственного коммуникативного пространства). «Увлечение этой нации образованием, безусловно, достаточно, чтобы превзойти достижения любой другой нации или системы», — отмечал президент США Джон Кеннеди в своём послании Конгрессу от 29 января 1963 года.

Следует особо отметить, что расширение сферы русского языка и культуры в их совет-

ском воплощении шло не в ущерб языкам и культурам других народов и национальностей, которые жили на территории Советского Союза, и не за их счёт — наоборот, эти языки и культуры активно развивались, а в ряде случаев — даже создавались. Судя по всему, делалось это не из соображений «исторической благотворительности», а из понимания необходимости внутренней «цветущей сложности» для дальнейшего развития цивилизации, в ходе которого даже самый незначительный ресурс может быть востребован — как язык индейцев навахо американской армией в ходе Второй мировой войны для защиты своих переговоров от японских дешифровальщиков.

Эти принципы многофункциональности и многообразия были тесно связаны с принципом социальной справедливости. Поскольку известно, что скорость эскадры определяется скоростью самого тихоходного корабля из её состава, очень многое делалось для того, чтобы не просто повысить «среднюю скорость» СССР в целом, но и повысить «минимальную скорость» самых бедных и необразованных слоёв его населения.

И в этом направлении — опять же, за кратчайшие сроки, исчисляемые максимум в 15 лет, — было сделано столько, что с суммарной «боеспособностью» советского общества не смогла справиться даже Германия, которая объединила под своими знамёнами со свастикой почти всю континентальную Европу... Только поэтому Советский Союз, вдвое уступая странам-агрессорам по численности населения и почти втрое — по экономическому потенциалу, потеряв на пике отступления осенью 1942 года почти половину своей европейской территории и почти треть населения страны, смог практически в одиночку перемолоть многомиллионные армии вторжения, дойти до Берлина и водрузить Красное знамя над зданием Рейхстага.

Принцип справедливости, по понятным причинам, не мог тогда в равной степени касаться подготовки, использования и, если можно так выразиться, амортизации «человеческого капитала» — он неизбежно был смещён в сторону создания нового типа общества и новых элементов этого общества. Дети не на словах, а на деле были «самым привилегированным классом» СССР. И если посмотреть на биографии многих тысяч и миллионов советских людей того времени, то можно увидеть реальные объёмы работы даже не «социальных лифтов», а, используя модный современный термин, «социального гиперлупа», созданного в процессе

формирования «цивилизационного ядра» советского общества. Это «цивилизационное ядро», или, по выражению известного отечественного либерала Анатолия Ракитова, «культурное ядро», несмотря на все последующие деформации и попытки его разрушить или сломать, существует как некая цельность на протяжении многих веков и вплоть до нынешнего времени — в различных своих вариациях.

На наш взгляд, она выражается прежде всего в понятии «народа», существующего не столько как некая данность, а как некая возможность: одновременно в прошлом, настоящем и будущем, в единстве «почвы», «крови» и «духа». Возможно, это понятие лучше всего было выражено известной фразой «границы России нигде не заканчиваются», в которой декларирована не только максимальная открытость данной «цивилизационной матрицы», но и присутствие в ней некоего непрерывного «начала»: здесь ничего никогда не «заканчивается», но всё всегда «начинается».

Сталин, помимо всего прочего, фактически предложил эту «матрицу» — уже в достаточной степени «распакованную» в советском проекте и через советский проект — в дар всему человечеству. И его дар даже был принят, но частично, а не целиком; и даже не как дар, а в форме кражи, что в разных формах признавали и политики разных стран Запада, и создатели тамошних «экономических чудес» как национального, так и глобального масштабов. Но «так это не работает» — вернее, это начинает работать совсем не так, свидетельством чему — нынешний глобальный системный кризис всей человеческой цивилизации. «Захватив» ту часть опыта Советского Союза, которая позволила с внешним успехом противостоять «коммунистической экспансии» и добиться «победы в холодной войне», «коллективный Запад» пришёл к необходимости собственной трансформации в соответствии с «цивилизационной матрицей» сталинского проекта.

Если углубляться в исследование фундаментальных параметров данной цивилизационной «матрицы», то в ней на определённом уровне можно обнаружить весьма неожиданные качества «троичности» и «квантовой связности», когда вроде бы далеко отстоящие между собой во времени и пространстве процессы начинают повторяться даже без видимой причинно-следственной связи. В этих случаях происходит как будто спонтанная, самопроизвольная «распаковка генетической информации» цивилизационного характера, которая приводит

к созданию различных по форме и содержанию, но идентичных по смыслам и целям своего функционирования структур государства и общества. С такой точки зрения, в такой системе координат, видимо, и следует подходить к исследованиям и оценкам фигуры Сталина.

Как известно, основными операционными сферами его деятельности были социально-экономическая и военно-политическая. Но искать «код Сталина» в этих сферах, на наш взгляд, абсолютно бессмысленно и бесперспективно — это в нашем пространственно-временном и причинно-следственном мире уже не следствия и тем более не причины. Точно так же нельзя найти «код Сталина» в его идейно-теоретических работах, посвящённых «матричной упаковке» этого кода в текущих и обозримых обстоятельствах места и времени.

По отношению к такого уровня системам координат Сталин выступает своего рода иномерной проекцией, голограммой, а потому — «неустранимой ошибкой», которую можно бесконечно и безрезультатно пытаться «стереть со страниц истории». Или, напротив, «недостижимым идеалом», проявлением чуда, которое невозможно даже в самом грубом приближении воспроизвести на собственной практике. Как говорил некогда сам Иосиф Виссарионович, отвечая на вопрос о том, какой внутрипартийный уклон, «левый» или «правый», хуже: «Оба хуже!» Иными словами, в системе координат «левый — правый» проблема не только не решалась, но и не могла быть в должной мере адекватно сформулирована.

Если же обратиться не к линейной, «векторной», а к «квантовой логике», одна из относительно простых итераций которой традиционно имеет название «диалектической», то «код Сталина» следует искать в той же мерности ценностей и смыслов, что и «код Владимира Великого», «код Сергея Радонежского», да и «код Ленина», учеником и последователем которого Сталин себя неизменно называл.

Можно сказать, что «код Сталина» — не в каких-то «буквах Сталина» и не в каком-то «духе Сталина», а в достаточно сложном и пока ещё плохо изученном процессе взаимодействия этих «букв» с этим «духом» в ситуации «здесь и сейчас». Но первым шагом на этом пути стало бы сравнительно-историческое исследование того, что было сделано отмеченными выше фигурами для трансформации тех человеческих сообществ, с которыми они значимо взаимодействовали как при жизни, так и после своей смерти.

Возвращаясь к цели, которая была сформулирована в начале данной части нашей работы, следует отметить, что да, «сталинская» трансформация 1926–1953 гг. успешно ответила на все вызовы, стоявшие перед русской цивилизацией в тот исторический период; и да, «сталинская» трансформация 1926–1953 гг. сформировала необходимую «сумму технологий» для дальнейшего сохранения и развития русской цивилизации.

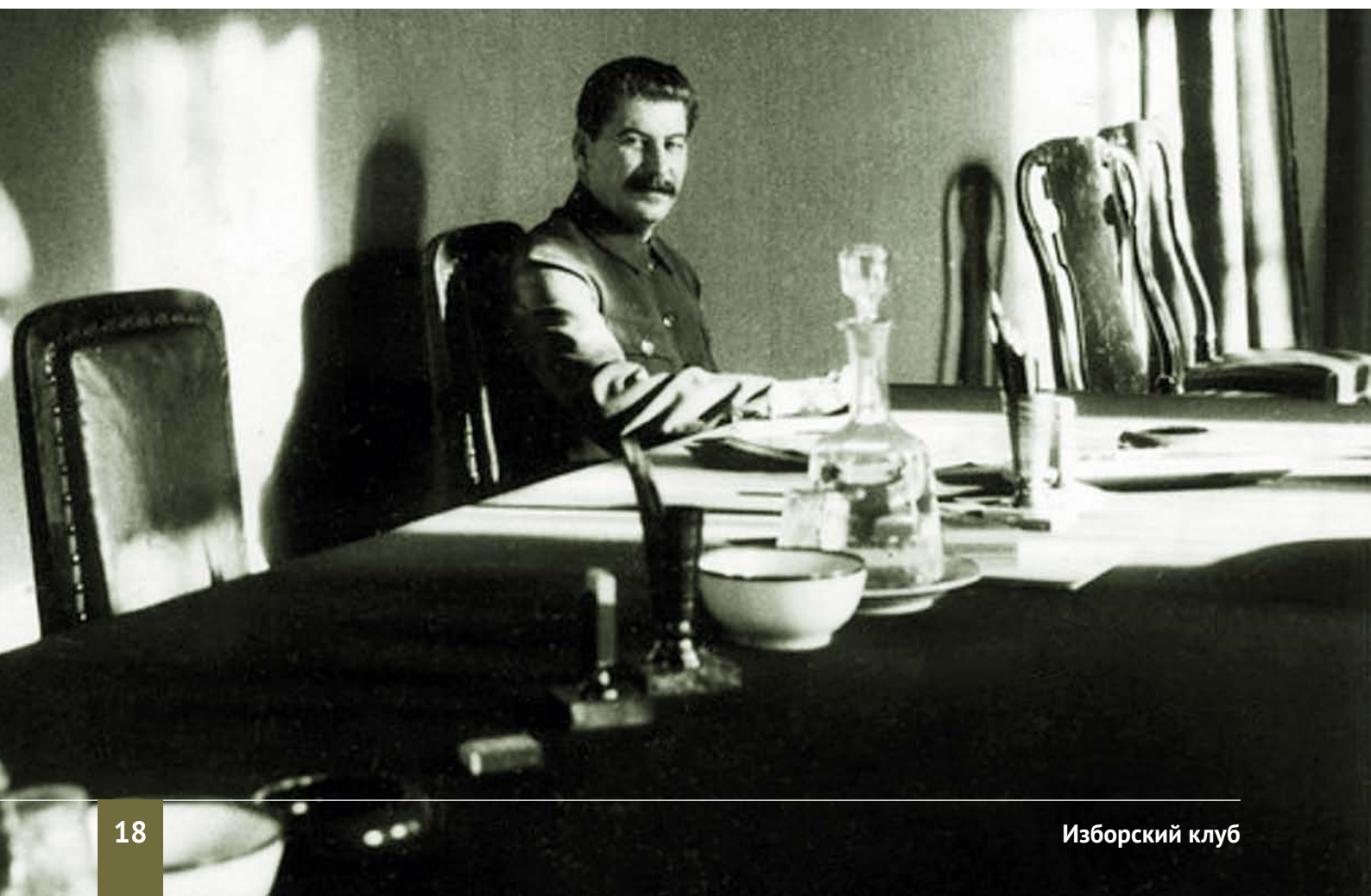
Но эта «сумма технологий», судя по всему, не предполагала «линейного» развития русской цивилизации и не была нацелена на такое «линейное» развитие. Она строилась по явно нелинейной логике своего рода «квантового скачка», свойственной некоторым типам организации «больших систем». Свидетелями такого скачка отчасти являемся мы сегодня, но в полной мере будут уже наши дети, внуки или даже правнуки — точные сроки нам пока не открыты.

/ Александр ЕЛИСЕЕВ /

Особенности СТАЛИНСКОГО МАРКСИЗМА

Национально-государственная идеология

Иногда можно встретить утверждение о том, что Сталин терпел марксизм, поскольку «было надо». Левые критики говорят об этом с негодованием, «национал-сталинисты» — с одобрением, а либералы с пренебрежением, дабы лишний раз показать всю циничность «тирана». Упрощать в данном вопросе не стоит. Сталин, конечно же, искренне считал себя последователем Маркса, настоящим марксистом. Другое дело, что сам марксизм он понимал своеобразно — как, впрочем, и любой творческий марксист XX века. В принципе сталинскую идеологическую модель можно назвать национально-государственным марксизмом.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ — ВРЕДНЫЙ И СПАСИТЕЛЬНЫЙ

И тут необходимо сказать несколько слов о том, чем стал для России марксизм в 1917 году, когда к власти пришла партия большевиков — революционных марксистов. Как представляется, в тех исторических условиях государствообразующей идеологией мог стать только марксизм, причём именно в своем наиболее радикальном — большевистском — варианте. Надо иметь в виду, что русская общественно-политическая мысль находилась тогда (как, впрочем, и вся страна) в состоянии хаоса, вызванного крушением прежних устоев. Ей нужна была некая твёрдая опора, некий надёжный стержень. И как раз марксизм с его набором чётко сформулированных и жёстко утверждаемых положений на роль такой опоры-стержня подходил практически идеально. Вне всякого сомнения, ему были присущи и догматичность, и схематизм, которые в 1950–1970-х годах сдерживали хотя бы какое-то развитие «теории». Однако во время революции и Гражданской войны распадавшееся национальное сознание очень нуждалось как в догме, так и в схеме и страстно жаждало их. «Классы», «производительные силы и производственные отношения», «базис», «формации», «надстройка» — всё это как бы раскладывало социальное бытие по полочкам.

Могут возразить, что русская мысль и сама бы дошла до своего «марксизма», без всяких «импортных» идеологий. Да, скорее всего, так и произошло бы — при наличии определённых условий, необходимых для относительно спокойного творчества. Но в том-то и дело, что таких условий не было. Страна оказалась захвачена «врасплох» мировой войной и революцией. А рядом находился Запад с его пакетом

идеологий, из которого срочно выдернули одну, наиболее подходящую национальным нуждам.

И ведь процесс этот был практически всеобщим. Показательно, что и русское народничество (сверхпопулярные эсеры с их миллионом партийцев) ухватилось именно за марксизм — здесь проявилось желание встать на какую-то твёрдую почву. Но они дали промах, пойдя именно за меньшевиками, признав правоту их взглядов, согласно которым капитализм в России должен развиваться ещё очень долгое время, пока не станет главенствовать абсолютно везде. Меншевистский марксизм откладывал социализм «на потом», представляя его делом отдалённого, посткапиталистического будущего, а массы это увлечь не могло. В то же время марксизм большевистский предлагал делать социалистическую революцию немедленно, «здесь и сейчас». Поэтому массы и пошли именно за ним.

Железная марксистская основа большевизма привлекала к нему самые разные элементы. В том числе и сугубо государственнические, которые видели в ней залог спасения распадавшейся России и создания новой, мощной индустриальной державы. (Характерно, что по мере строительства социализма усиливалась именно государственническая интерпретация марксизма, весьма далёкая от его изначальной сути.) И действительно, экономический детерминизм марксизма программировал страну на быструю, форсированную индустриализацию, которая была ей столь необходима — прежде всего в военных целях. Тут нужно заметить, что «вообще», теоретически, в кабинетном, так сказать, плане этот самый детерминизм «не есть хорошо». Но в тех конкретных исторических условиях он оказался воистину спасителем.

Да и сам экономический детерминизм большевиков-марксистов был весьма условен. Они уделяли огромное внимание государственно-политическим институтам, считая, что они могут сделать многое из того, чего пока не может сделать экономика. (Напротив, меньшевики ждали, пока капиталистическая экономика «раскошегарится» во всю мощь и достигнет западных высот.)

ПОЛИТИКА ПРЕВЫШЕ ЭКОНОМИКИ

В ходе строительства мощного индустриального социалистического государства Сталин эту тенденцию только усилил. Он рассматривал социализм, преодолевающий стихийность рынка и обеспечивающий планомерность

развития как могучее средство, призванное усилить страну и обеспечить её независимость. Именно такое понимание он и продемонстрировал на встрече с коллективом нового учебника политэкономии, которая состоялась 29 января 1941 года. Тогда Сталин сказал: «Первая задача состоит в том, чтобы обеспечить самостоятельность народного хозяйства страны от капиталистического окружения, чтобы хозяйство не превратилось в придаток капиталистических стран. Если бы у нас не было планирующего центра, обеспечивающего самостоятельность народного хозяйства, промышленность развивалась бы совсем иным путём, всё начиналось бы с лёгкой промышленности, а не с тяжёлой промышленности. Мы же перевернули законы капиталистического хозяйства, поставили их с ног на голову, вернее, с головы на ноги... На первых порах приходится не считаться с принципом рентабельности предприятий. Дело рентабельности подчинено у нас строительству прежде всего тяжёлой промышленности».

По сути, политическое здесь однозначно поставлено над экономическим. Исследователь П. Краснов проанализировал это высказывание и обратил особое внимание на столь «низкую» оценку фактора рентабельности. По его мнению, в большой системе есть разные уровни оптимизации, и от их успешного функционирования зависит судьба отдельных элементов, но не всей системы. При капитализме оптимизация происходит в основном на уровне отдельного предприятия (корпорации). А если, скажем, одному предприятию удалось разорить другое, то это означает оптимизацию всего лишь одного из уровней. Но при этом вся система в целом не оптимизируется. «СССР же предлагал свою, невиданную ранее модель — оптимизацию на уровне всего общества, включая воспитание, образование, медицинское обслуживание, безопасность и многое другое, — пишет Краснов. — Эта система была исходно спланирована как интегральная, то есть неделимая на части, как неделим на жизнеспособные части человеческий организм. Обратим внимание на слова о том, что рентабельности не придавалось большого значения только «на первых порах», следовательно, механизм рентабельности предприятий исходно планировался, но должен был быть запущен в положенное ему время, когда более высокий уровень общественной оптимизации уже был предварительно настроен» («Сталинское экономическое чудо»).

Именно такая вот интегральная система вкупе с политическим (национально-государственным) «детерминизмом» позволила СССР сохранить независимость даже в условиях жуткой послевоенной разрухи. И не только сохранить, но и восстановить хозяйство в самые сжатые сроки, которые потрясли весь мир.

ГОСУДАРСТВО ПРИ КОММУНИЗМЕ

Марксизм и марксистов часто упрекают в утопическом ожидании того, что государство отомрет и возникнет некое абсолютно самоуправляемое общество. Действительно, для некоторых «классиков» были характерны подобные ожидания (также они ожидали отмирания наций, собственности, семьи). По сути, это была гипертрофированная реакция на все те ужасы, которые породила капиталистическая эксплуатация того времени. Чудовищное неравенство и такую же чудовищную несправедливость европейские социалисты XIX века вознамерились преодолеть ликвидацией всех существенных различий — в некоем абсолютно однородном сообществе, во всемирном универсуме.

На необходимость отмирания государства особое внимание обратил Ф. Энгельс в своём знаменитом «Анти-Дюринге» (1878 год): «Государство было официальным представителем всего общества, оно объединяло его в одной видимой организации, но оно исполняло эту роль лишь постольку, поскольку было государством того класса, который сам являлся представителем всего современного ему общества: в древности — государством граждан-рабовладельцев; в Средние века — феодального дворянства; в наше время — буржуазии. Сделавшись, наконец, действительным представителем всего общества, оно станет излишним. Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию».

Ленин, разумеется, соглашался с классиками, но был в этом вопросе достаточно осторожен, утверждая в работе «Государство и революция» (1918 год), что «не может быть и речи об определении момента будущего “отмирания”, тем более что оно представляет из себя

заведомо процесс длительный». Еще более осторожен был Сталин, который в 1939 году на XVIII съезде ВКП (б) сильно «прошёлся» на счёт «непозволительно беспечного отношения к вопросам теории государства» и открыто раскритиковал самого Энгельса. По мнению вождя СССР, «классик» научного социализма недостаточно учитывал фактор международной обстановки. При этом вождь поднял вопрос о судьбе государства при коммунизме: «Мы идём дальше, вперёд, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма? Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военного нападения извне, причём понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены соответственно с изменением внутренней и внешней обстановки».

Если вдуматься, получается следующее. Сталин ориентировал партию на то, что государство будет существовать всегда. Конечно, он сделал оговорку — если не будет ликвидировано капиталистическое окружение. Но это уже была дань «фундаментализму».

ВЕЧНЫЕ НАЦИИ

Также можно утверждать, что Сталин допускал и сохранение наций при коммунизме, тогда как «классики» марксизма писали об их отмирании (вместе с государством). Хотя, например, Ленин в работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» (1920 год) утверждал, что национальные и государственные различия «будут держаться ещё очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе».

Сталин, как и в отношении государства, был ещё более осторожен в этом вопросе. В работе «Национальный вопрос и ленинизм» (1929 год) он полемизирует с теми партийцами, которые утверждают, что нации будут отмирать по мере строительства социализма. Сталин это категорически отрицает. Согласно ему, нации, напротив, будут расцветать. «Только на втором этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, по мере того как будет складываться единое мировое социалистическое хозяйство — вместо мирового капиталистического хозяйства, — только на этом этапе начнет складываться нечто вроде общего языка, ибо только на этом этапе почувствуют нации необходимость иметь наряду со своими национальными языками один общий межнациональный язык, — для удоб-

ства сношений и удобства экономического, культурного и политического сотрудничества, подчёркивает генсек. — Стало быть, на этом этапе национальные языки и общий межнациональный язык будут существовать параллельно. Возможно, что первоначально будет создан не один общий для всех наций мировой экономический центр с одним общим языком, а несколько зональных экономических центров для отдельных групп наций с отдельным общим языком для каждой группы наций, и только впоследствии эти центры объединятся в один общий мировой центр социалистического хозяйства с одним общим для всех наций языком».

И уже только после этого Сталин довольно-таки скупо описывает процесс окончатель-

ной интернационализации: «На следующем этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, когда мировая социалистическая система хозяйства окрепнет в достаточной степени и социализм войдёт в быт народов, когда нации убедятся на практике в преимуществах общего языка перед национальными языками, национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку».

Как видно, об отмирании наций Сталин говорит неохотно, отдавая дань «классикам». Судя по всему, он вполне допускал возможность их сохранения при коммунизме — так же, как он это делал (в несколько закамуфлированной форме) в отношении государства. Это становится очевидным из его отношения к языку. В своей, уже более поздней, работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 год) Сталин подчёркивал, что язык вовсе не является надстройкой, которая подчинена базису: «Язык порождён не тем или иным базисом, старым или новым базисом внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества».

Именно поэтому он создан как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык».

Сталин вообще выделял язык как нечто особое, не замкнутое в рамки каких-то формаций и эпох: «Язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукты ряда эпох». Таким образом, язык сохраняется со сменой формаций. А ведь он, с точки зрения Сталина, есть важнейшая характерная черта нации. В своей работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913 год) он даже ставит её на первое место: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Складывается устойчивое впечатление, что Сталин готовит своего читателя к мысли о том, что нация не отомрет никогда, даже при коммунизме. (Кстати, именно такую трактовку его взглядов, изложенных в «Вопросах языкознания», даёт известный этнолингвист Курт Хюбнер.)

НАДКЛАССОВАЯ МИССИЯ ГОСУДАРСТВА

В заключение надо рассмотреть вопрос о классовом характере государства, на котором столь настаивали Маркс и его последователи. Как представляется, в этом они одновременно и правы, и неправы. Прежде всего надо признать (как бы ни относиться к самому марксизму), что классы — это реальность, а не какая-то там «коммунистическая выдумка». Причём классы существуют именно в марксистско-ленинском понимании. В самом деле, на исторической сцене действуют «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью определенному и закреплённому в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (В.И. Ленин, «Великий почин»). Другое дело, что в марксизме абсолютизируется это самое классовое деление, но само его наличие не подлежит никакому сомнению. (Опять-таки здесь сказалось потрясение ранних социалистов, которым открылась вся бездна тогдашнего классового неравенства.)

Любое государство вынуждено так или иначе подниматься над классами, для того чтобы регулировать общественные отношения, не дать борьбе за обладание средствами производства перерасти во взаимоуничтожение и всеобщее разрушение. В принципе это признавали и сами классики. Так, уже цитированный выше «антигосударственник» Энгельс пишет о временах, когда классы только возникали: «В каждой первобытной общине существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества: таковы — разрешения споров; репрессии против лиц, превышающих свои права; надзор за орошением, особенно в жарких странах... политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло. Сколько ни было в Персии и Индии деспотий, последовательно расцветавших, а потом погибавших, — каждая из них знала очень хорошо, что она прежде всего — совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было и самое земледелие».

Даже и классово ангажированное государство часто вынуждено сдерживать господ-

ствующие олигархии — в их же собственных интересах, а также и в интересах всего общества, не допуская его сползания в хаос или предотвращая порабощение извне. Если бы не было этой органической «надклассовости», то оно просто никому не было бы нужно.

Между тем у государства есть и своя собственная «классовость». Оно опирается на некий слой людей, специализирующихся на регулировании общественных процессов. Этот слой именуется чиновничеством или бюрократией. По сути, речь идёт о ещё одной «большой группе людей», которая также находится в некотором отношении к собственности, к средствам производства. И она всегда, так или иначе, ведёт себя как класс, хотя по природе своей классом и не является. Особенно ярко это проявляется тогда, когда с политико-экономической арены устраняется олигархия. Так произошло после 1917 года, когда «новая-старая» партийно-государственная бюрократия максимально приблизилась к положению господствующего класса. На это часто указывали самые разные критики сталинизма (от М. Джиласа до О. Штрассера). Но это отлично понимал и сам Сталин, с неодобанием говоривший о «проклятой касте» партчиновников. И он пытался одолеть эту касту разными (порой и весьма жёсткими) методами. В конечном счёте верх взяла сама

«каста», которая в 1987–1991 годах проявила максимум классовости, развалив СССР ради грядущего «распила» средств производства. Тем не менее своими действиями Сталин отбил у «касты» охоту «пилить» страну лет на тридцать.

Поэтому мало убрать с исторической сцены олигархию, надо ещё и предотвратить возможность реализации классового потенциала бюрократии. Эта «большая группа людей» должна стать как можно меньшей. Также следует минимизировать и её административное влияние. Разные административные ведомства следует заменить коллегиями экспертов, крупные административные образования — самоуправляемыми общинами. К последним должно перейти как можно больше полномочий. И одновременно необходимо усилить власть правителя, главы государства (младоросская модель «Царь и Советы»). Любой глава объективно заинтересован в том, чтобы возвышаться над всеми группами и сдерживать наиболее могущественные из них, которые всегда стремились превратить его в совершенно послушную фигуру, инструмент реализации собственных олигархических устремлений. Чем меньше бюрократическая «большая группа» людей, чем слабее её влияние, тем больше и сильнее «личная» власть главы государства, тем успешнее государство выполняет свою надклассовую миссию.

/ Игорь ШИШКИН /

Триумф дипломатии Сталина

Ещё раз о пакте Молотова–Риббентропа

Роль Сталина в становлении послевоенного миропорядка, в котором, собственно, все мы до сих пор живём, является общепризнанной. А вот предвоенный период его дипломатической деятельности либо поливают грязью, либо пытаются оправдать: дескать, деваться ему было некуда, вынужден был он заключить с Гитлером эти соглашения и прочее, и прочее.

Я же считаю, что тот крутой разворот во внешней политике, который совершил Сталин в 1939 году, был его стратегической победой! Той, которая во многом заложила основы нашей Победы 1945 года. Образно выражаясь, в 1939 году Сталин в самый последний момент развернул корабль советского государства, когда тот на всех парах летел на рифы. А после этого провёл его в конце 1939 и в 1940 г. несколько раз между Сциллой и Харибдой. И тем самым спас нашу страну.

Для того чтобы понять значение сделанного Сталиным разворота, одним из самых ярких (но не единственным) проявлением которого был пакт Молотова–Риббентропа, нужно, прежде всего, отрешиться от навязанного нам представления о том, что Вторая мировая война — это война всего прогрессивного человечества против абсолютного зла в лице нацистской Германии. Эта версия, конечно, очень удобна в пропагандистском плане, но к реальности не имеет никакого отношения.

Давайте не забывать, что Вторая мировая война, как и Первая, а также наполеоновские и многие другие войны, была порождена борьбой западных хищников за гегемонию. За то, кому достанутся большие куски при колониальном ограблении мира. Наполеоновские войны были противостоянием Британской и Французской

империй. Первую мировую породило противостояние Британской империи и Второго рейха. Вторая мировая война из этого ряда тоже не выпадает. Её породило противостояние Британской империи, Соединённых Штатов и Третьего рейха.

Известны слова Сталина, сказанные им в феврале 1931 года: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Через 10 лет и случилась большая война. Извините, но в 1931 году Гитлер ещё не был фюрером, а Сталин уже не сомневался, что война будет.

Главное отличие Второй мировой от предыдущих войн было не в том, что один из претендентов на мировую гегемонию оказался носителем человеконенавистнической идеологии. Главное отличие Второй мировой от всех предшествующих схваток западных хищников было в том, что у этих хищников появился один общий враг — Советский Союз. Поэтому и для Британской империи, и для Третьего рейха, и для США целью новой мировой войны было не только установление собственной гегемонии, но и уничтожение СССР.

Мы сейчас плохо представляем себе, в какой мере западные правящие круги тогда боялись и ненавидели коммунизм. Мы привыкли, что компартия правит сегодня в Китае, что у нас в Госдуме есть фракция КПРФ, и это никого особенно не волнует. А тогда в коммунистической Советской России видели вызов самому существованию западного мира.

Привычная для великих держав Запада многовековая борьба за гегемонию при всей её ожесточённости была, в сущности, борьбой за то, кому достанется кусок пожирнее, и не несла

угрозы существованию проигравшей стороны (ни для Франции, ни для Германии, как ранее — для Испании и Голландии, поражения не оказывались фатальными). Появление же Советской России стало угрозой самому существованию западной цивилизации. Появилась принципиально иная, альтернативная модель построения человеческого общества. Впервые было создано общество без деления на «элиту» и «быдло». Новое советское государство отрицало, казалось бы, незыблемый миропорядок, при котором вся власть и собственность концентрируется в руках узкого слоя избранных, элиты.

Именно поэтому страх перед нашей страной был тогда колоссален. Тем более очень быстро выяснилось: этот «противоестественный» советский строй сам по себе не рухнет. Не дали нужного результата ни Интервенция, ни Гражданская война, ни экономические санкции. Более того, пример СССР оказался «заразен». Идеи переустройства мира на советских принципах начали захватывать миллионы умов, в том числе и среди представителей правящих классов Запада. Возникает реальная опасность того, что парламентская демократия — лучшая система обеспечения власти крупного капитала — не справится с новым вызовом. Под угрозой оказались устои мира Запада.

Чтобы наглядно представить отношение Запада к Советской России, надо вспомнить не только то, что говорил о Советском Союзе Гитлер (это

мы хорошо помним). Но вот, например, конец 1939 года, Франция. Уже вовсю идёт Вторая мировая война. Сидят солдаты на линии Мажино. Разгар «Странной войны», в которой ничего не происходит. И в это время министр внутренних дел Франции Альбер Сарро, выступая в парламенте, формулирует кредо французского правительства: «Единственная опасность, которой нам на самом деле надо бояться, — это большевизм. Германская опасность по сравнению с ней — ничто. Мы могли бы договориться с Германией». Глупость? Ничего подобного. Правящие круги Франции прекрасно понимали, от кого исходит главная для них угроза. Или давайте вспомним лозунг британских консерваторов: «Чтобы существовала Британская империя, русский большевизм должен быть уничтожен!»

При этом правящие круги на Западе прекрасно понимали, что лишь одна страна может физически «решить проблему» Советского Союза. Этой страной была Германия. Из этого понимания и родилась ещё одна уникальная особенность Второй мировой войны. Дело в том, что ранее в схватках за гегемонию всегда участвовало два главных претендента: Британия и Франция, например, или Голландия и Британия, или Испания и Британия. А здесь претендентов оказалось сразу три: Соединённые Штаты Америки, Британская империя и Третий рейх.

Откуда взялся Третий рейх? Ведь и английские, и американские, и наши историки, за-

нимающиеся межвоенным периодом, признают, что главным противоречием межвоенного периода XX века было противостояние между США и Британией. Так при чём здесь Германия, которая была разгромлена и обложена колоссальными репарациями, которой было запрещено иметь настоящие вооружённые силы? Какой же она претендент на мировую гегемонию, кто она такая? Её почти нет. Её и не могло быть, если бы Британской империи и Соединённым Штатам она не понадобилась в качестве инструмента уничтожения Советского Союза. А попутно они намеревались решить и свой вопрос: кому из них быть гегемоном?

С помощью «многоходовки», исполненной руками Германии, каждая сторона хотела не только ликвидировать ненавистный Советский Союз, но и подорвать мощь своего конкурента.

Именно это и стало причиной Второй мировой войны. Первую скрипку здесь играла именно Британская империя — ведь по итогам Первой мировой войны она была гегемоном западного мира. Да, клонящегося к закату, да, с экономическими проблемами, но гегемоном. Примерно таким же, как современные Соединённые Штаты.

И что делает Британская империя? На словах она исполнена пацифизма, непротivления злу насилием и стремления к миру во всём мире. Она объявила так называемую политику умиротворения, которая в реальности стала политикой подготовки Германии к войне с Советским Союзом.

Первой вехой на этом пути явились Локарнские договоры 1925 года, главным идеологом которых был Остин Чемберлен, брат Невилла Чемберлена, тогда возглавлявший Министерство иностранных дел империи. По их итогам Германии (в переводе с дипломатического) было заявлено, что она, побеждённая в Первой мировой войне, может вернуться в семью цивилизованных народов, с неё снимут постепенно репарационные платежи и все остальные ограничения, но при одном условии — Германия должна уничтожить СССР.

В подписанных документах значились обязательства вернуть Германию в экономические и прочие структуры Запада. Также немцев обязали гарантировать нерушимость их западных границ по итогам войны. Но при этом «рассеянный» Остин Чемберлен почему-то «забыл», что у Германии есть и восточные границы. Их гарантий от Германии никто не удосужился потребовать.

Локарнские соглашения в Лондоне совершенно справедливо оценили как крупнейшую

дипломатическую победу. Остину Чемберлену пожаловали высший британский орден Подвязки и присудили Нобелевскую премию мира.

Заметьте, человек, который сделал первый важнейший шаг к мировой войне, был отмечен Нобелевской премией мира! Мы прекрасно понимаем, что когда он «забыл» о восточных границах, он вовсе не собирался спровоцировать войну Германии с Польшей — очень-то это было «нужно» Британской империи! Какая там Польша?!

Всем всё было ясно. Германии отводилась роль «киллера» на восточном направлении, которого затем уничтожает французская армия. Либо его, либо уцелевшую Советскую Россию — того, кто выживет в предполагавшейся схватке.

Это была тонкая игра — накачать Германию ресурсами до такой степени, чтобы она могла уничтожить Советский Союз, но при этом ни в коем случае не могла бы овладеть его ресурсами. Британцы прекрасно понимали, что, если подобное случится, Германия разнесёт их империю в пух и прах. Это было очевидно всегда: есть, например, паническое заявление Ллойда Джорджа от 1918 года, в период Брестского мира, когда немцы начали продвижение на восток: «Германия, взяв под свой контроль ресурсы России, станет непобедимой». То есть они всё это хорошо понимали.

Отсюда и дозированная накачка Германии ресурсами. Что для этого нужно было делать? Вернуть Германии Саарскую область, с её промышленным потенциалом. Отдать Германии Австрию и тем самым дополнительно обеспечить её прекрасными солдатами. Отдать Чехословакию — военную кузницу. Но... не более того.

Немцы, полагаю, прекрасно понимали эту британскую игру. Но иного пути возродиться после Первой мировой войны, кроме как подыгрывать британцам, у них не было. В те годы в Европе все, кроме СССР, были вынуждены играть по британским правилам.

Далее был Мюнхенский сговор. Сейчас любят издеваться над Невиллом Чемберленом, заявившим по итогам Мюнхена: «Я привёз вам мир!» Но тогда Чемберлен имел все основания торжествовать. Мюнхенское соглашение стало вершиной политики «умиротворения», то есть подготовки Германии к грядущей войне. Благодаря Мюнхену немцы получили «инъекцию», после которой они уже могли идти на Восток, выполняя назначенную им функцию.

Есть интересные записи нашего полпреда в Великобритании Майского после Мюнхена. Он сообщает, что в правящих кругах Британии царит восторг, все уверены, что следующим

шагом Гитлера будет вторжение на Украину. Гитлер принял из их рук Чехословакию, его включили в число достойных. Он стал одним из четырёх лидеров Европы. Так теперь иди, куда отправили!

И все ждали, что он туда и пойдёт.

Однако Гитлер тоже понимал, что будет после этого с Германией. И тут происходит неожиданное для британцев событие. После того как Мюнхен состоялся, происходит раздел Чехословакии. Мы много слышали про Тешинскую область, которую прибрали к рукам поляки, а там был более важный момент: Гитлер по итогам ликвидации Чехословацкого государства отдал Подкарпатскую Русь Венгрии! Вот это было в Лондоне воспринято как взрыв бомбы, потому что Подкарпатская Русь должна была объявить себя Украиной и предъявить претензии на остальные «свои» земли, т.е. на Украинскую ССР. А это, в свою очередь, должно было стать поводом для войны между Германией и Советским Союзом.

Как только Гитлер отказался от создания на этих территориях марионеточного «украинского государства», а отдал их Венгрии, то в Лондоне сразу поняли, что теперь, получив военно-промышленный потенциал Чехословакии, Гитлер пойдёт не на восток, а на запад и уничтожит Францию. Ту Францию, которая должна была его добить после войны с СССР.

Тогда же и с Чемберленом, который до того был «суперпацифистом», происходит невиданное преобразование. Перед Мюнхеном он во всех интервью говорил о том, что он не может себе представить, чтобы британцы начали рыть окопы, что он не допустит пролития ни капли английской крови из-за того, что какие-то чехи поссорились с какими-то там немцами. Но сразу после того, как Гитлер отдал Закарпатье венграм, он тут же предоставил гарантии независимости Польше и заявил, что Британия костями ляжет за её независимость.

По этому поводу хорошо съязвил Черчилль, политический противник Чемберлена: «Это сейчас мы готовы лечь костями за ту самую страну, которая поучаствовала только что с жадностью гиены в растерзании Чехословакии. Такого невинного агнца мы сейчас собираемся спасать!» Опять-таки глупость? Нет. Признанный британский военный историк Лиддел Гарт писал, что предоставление гарантий Польше сделало неизбежным начало войны. Почему? Да потому, что теперь Гитлеру, чтобы расправиться с Францией, нужно было иметь надёжный тыл в Польше. Только тогда он мыслил разбить

Францию, а затем вместе с поляками совершить «Дранг нах Остен» против России.

Это глава Третьего рейха открыто предлагал полякам. Но с одним условием (здесь интересы Берлина и Варшавы разошлись): возврата Германии Данцига и Данцигского коридора. Поляки по своей привычке сначала возмутились, но потом согласились. Есть документ о том, что министр иностранных дел Польши сообщил, что он готов на такое соглашение.

И вот тут появляется Британская империя, самая могучая, самая сильная в мире, и говорит: «Нет-нет, мы вам гарантируем, что немцы на вас не нападут, оставляйте Данциг у себя, никакого коридора не будет!» Тут же и Франция заявляет о своих гарантиях.

И начинается невиданная в истории по своей гнусности и цинизму игра. Поляков приглашают на переговоры руководителей генштабов трёх стран: Франции, Британии и Польши. Там заключается соглашение, что если немцы на поляков, нападут, то на такой-то день войны Британия сделает то-то, а Франция то-то... Странно было бы ожидать, что поляки не поверят официальным договорам, подписанным представителями двух великих держав Запада.

Однако они не знали, что ещё 4 мая (!) 1939 года Англия и Франция договорились, что «судьба Польши будет определяться общими результатами войны, а последние, в свою очередь, будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счёте, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в самом начале».

Ещё не было самого вторжения немцев в Польшу, а Британия и Франция уже составили документ, в котором совершенно однозначно говорится о грядущей войне как о несомненном факте и о том, что в ходе этой большой войны Польша исчезнет с карты мира. Но потом, когда британцы с французами победят, они полякам эти «неприятности» как-то скомпенсируют. Этот документ предан сейчас огласке. Но поляки про него вспоминать не любят. Предпочитая обвинять во всех своих бедах Россию.

У нас в качестве доказательства «польской глупости» часто приводят предвоенные заявления польской прессы и польских дипломатов о том, что через две недели после начала войны с Германией их уланы окажутся в Берлине. Но это не глупость! Поляки были уверены, что, как только Гитлер рискнёт пересечь границу с Польшей, в Германию вторгнется самая сильная европейская армия — французская (на 1939 год более сильная, чем вермахт), британский флот

заблокирует все морские коммуникации, а британская авиация разбомбит немецкие города. А кто ближе всех к Берлину? Поляки. Ясно же, что немцы бросят основные свои силы на Западный фронт — сражаться с французами. Вот тут-то доблестные польские уланы и войдут в Берлин.

Всё было чётко рассчитано, так что это — не глупость, это такой ум. У поляков были документы, в случае начала войны гарантирующие начало активных боевых действий со стороны Франции и Англии. Кстати, когда вторжение вермахта началось, польские послы сразу кинулись в соответствующие инстанции Франции и Британии, требуя действий согласно официально подписанным документам. А им в ответ начали рассказывать сказки. Да-да! Первую неделю им рассказывали, что всё выполняется, наступление на немцев началось. 10 сентября поляков уведомили, что британская авиация начала массированные бомбардировки немецких городов, что было откровенной ложью. А 14 сентября генерал Гамелен заверил представителей Варшавы о «твёрдой решимости» союзников выполнить все взятые ими обязательства. Что также было откровенной и сознательной ложью. И только когда пала Варшава, до поляков дошло, что их просто «кинули».

Зачем? Просто так британцам захотелось устроить эту войну и лишить немцев надёжного тыла на востоке? Не только. Кстати, до сих пор не выяснен вопрос, почему польское правительство сбежало из страны? Ведь при обычном

ходе войны, когда держава разбита, начинаются переговоры: ладно, это мы отрежем, это ещё отрежем, выплатим контрибуцию и так далее. А тут правительство сбегает, и страна отдаётся полностью на волю победителя. И вот здесь просматривается явный расчёт, конечно, не польский. Немцы входят на территорию Польши, доходят до её восточных районов. А восточные земли Польши — это территории, которые Советский Союз считал своей территорией. Наверное, не нужно пояснять, что это территории, потерянные по итогам советско-польской войны 1919–1921 годов: Западная Белоруссия, Западная Украина...

Да, мы признали в своё время переход их под польский суверенитет. Но Советский Союз и в 20-е, и в 30-е годы постоянно ставил вопрос о том, что это наша земля, и требовал проведения референдумов на этих территориях, чтобы выяснить, где хотят жить эти люди: в Польше или в Советском Союзе.

Естественно, такие референдумы не проводились. Более того, в советских документах тот же Молотов о живших там украинцах и белорусах писал как о «русских меньшинствах»! «Русские меньшинства Польши», например. И вот эти русские меньшинства Польши должны были оказаться под немецким катком.

Дальше спровоцировать войну Германии с Советским Союзом было не так уж сложно — особенно с учётом антикоммунистической направленности вермахта и антифашистской позиции Красной Армии. Тут только спичку под-

нести. Например, устроить резню на территории Западной Украины или Западной Белоруссии, пустить под нож те самые «русские меньшинства»... Как известно, фашисты были большими мастерами в организации таких экзекуций.

И Советский Союз вынужденно вступил бы в войну. Вступив в войну в одиночку, он либо побеждает Германию (и тогда Франция приходит на защиту цивилизации от варваров-большевиков и добывает чуть живого победителя), либо терпит поражение от немцев, которые тоже остаются едва живыми. И тогда Франция опять-таки начинает настоящую, а не «странную» войну, потому что весь цивилизованный мир вдруг осознаёт, что в Берлине засел человеконенавистнический режим (антисемитизм и прочее).

В 1939 году Сталин данную дилемму прекрасно осознавал. Сейчас все эти документы известны, тогда же они, конечно, огласке не предавались...

Британия что тогда сделала? Она сказала, что осознала свои ошибки прошлого — политики «умиротворения». И предложила всем странам мира объединиться против Германии. В день, когда были даны гарантии Польше, лорд Галифакс, министр иностранных дел, подошёл к нашему послу Майскому и предложил, чтобы СССР тоже дал гарантию, что, когда немцы нападут на Польшу, Советский Союз вступит в войну. Но если британцы и французы не вступили в войну за Польшу, с которой у них была военная конвенция, то вступать в войну за Советский Союз уж совсем смешно было бы!

Сталин видел, что война с Германией неизбежна, что её провоцирует Британия. И одновременно действовало мощнейшее давление в лице Литвинова и почти всего Наркоминдела в русле продолжения политики коллективной безопасности, которая и вела Советский Союз (к полному удовольствию англосаксов) на рифы. Но Сталин круто всё повернул. Отправил в отставку Литвинова, назначил Молотова...

Будем называть вещи своими именами: пактом Молотова–Риббентропа мы предоставили Гитлеру надёжный восточный тыл на время разгрома Франции. Мы предоставили ему возможность взять Европейский континент под свой контроль и получили взамен новую границу, а главное — получили время для подготовки к неизбежной войне с Германией.

Как результат: британский план войны летит в тартарары — Германия поворачивает на Запад, разгромлена Франция. У нас сейчас очень много говорят, будто Сталин «дал Гитлеру возможность разгромить нашего потенциального союзника». Но ведь этот «потенциальный союзник» был тогда нашим злейшим врагом. Франция активно старалась организовать военный поход на Россию в 1940 году, несмотря на то, что уже находилась в состоянии «странной» войны с Третьим рейхом.

После того как Гитлер берёт под свой контроль континентальную Европу, его мощь сразу же становится такова, что если он победит ещё и Советский Союз, Британской империи уже автоматически не будет, а уцелеют ли в такой

перспективе США — большой вопрос. Британская империя и Соединённые Штаты при таком положении дел оказываются в безвыходной ситуации: либо в ходе разворачивающейся войны становятся союзниками СССР, либо погибнуть. Третьего после разгрома Франции ни для Лондона, ни для Вашингтона было не дано.

Сталин в 1939 г. кардинально изменил баланс сил в Европе и добился того, что для Британской империи и США их межимпериалистические противоречия с Германией вышли на первое место. Чтобы справиться с Германией, у них не оставалось другого выхода, кроме как стать союзниками СССР. Что и сделал Черчилль, объявив 22 июня 1941 года о том, что Британия — союзник Советского Союза.

Но при этом нужно отметить, что Британская империя до последнего пыталась избежать такой ситуации. Мы много слышали про то, что Британия и Франция не объявили Советскому Союзу войну, когда наши войска 17 сентября вошли на территорию Польши. У нас это преподносят как некое признание ими нашей правоты. Только когда это британцы признавали чужую правоту, которая была им невыгодна?!

Им в любом случае нужна была встреча на территории Польши немецкой и советской армий. Они хотели, чтобы начались какие-то столкновения, а дальше бы всё понеслось как снежная лавина. Поэтому нам надо не возмущаться парадом в Бресте и прочих местах. Надо радоваться, что наши и немецкие войска не вступили тогда в сшибку — восхищаться мастерством командиров, которые не поддались ни на какие провокации и разошлись мирно!

Ни нам, ни немцам эта война в 1939 году была не нужна. И, кстати сказать, сразу следом Финская кампания началась. Сейчас уже многие хорошо знают, что Финляндия отказалась выполнять требования Советского Союза только из-за того, что Британия предоставила ей гарантии. И был подготовлен, это тоже известно, французский экспедиционный корпус. Зачем? Вот она, казалось бы, Германия, вы с ней воюете, вот линия Мажино. И вдруг французские войска собираются перебрасывать в Финляндию воевать с Советской Россией. Бред? Ничего подобного.

Когда они поняли, что не получилось столкнуть лбами в 1939 году СССР и Германию, то попытались изменить формат войны, перевести её на общезападные «рельсы»: западная цивилизация — против ненавистных большевиков, крестовый поход Запада во имя спасения бедной Финляндии, подвергшейся агрессии, и так далее. И здесь, мол, Германии деваться будет

некуда. Антикоммунизм-то для неё — главное! Германия тогда уж не отвертится от нападения на СССР и должна будет примкнуть к Франции и Британии во имя совместного уничтожения большевизма. При этом Франция с Британией лишь отметились бы, выставив для проформы сто с чем-то тысяч живой силы, но воевать-то кто будет? Немцы, конечно!

И опять-таки получится то, что и должно было, по британскому плану, получиться: СССР совместными, в первую очередь — немецкими, войсками разгромлен, а потом прогрессивное человечество осознаёт весь ужас гитлеровского режима и наносит поражение чуть живому вермахту силами французской армии.

Только гладко было на бумаге. СССР успел вывести Финляндию из войны до того, как Франция закончила формирование экспедиционного корпуса. Англо-французскую атаку против СССР на Кавказе сорвало неожиданное для них вторжение немецких войск во Францию. После этого у Британии и США не осталось другого выхода, как стать союзниками СССР — пойти на создание антигитлеровской коалиции.

Вот о чём шла речь в 1939–1940 гг.! Сталин в той ситуации сделал единственно возможный и почти невероятный в тех условиях, с учётом специфики высшего руководства Советского Союза, ход. Он в 1939 году пошёл на заключение договора, который известен как пакт Молотова–Риббентропа.

Пакт не дал Лондону спровоцировать в 1939 г. советско-германскую войну, что сломало английский сценарий Второй мировой войны и в конечном итоге привело к гибели Британской империи.

Пакт обеспечил возвращение незаконно отторгнутых после революции территорий и тем самым позволил увеличить глубину стратегической обороны на западном направлении, что сыграло ключевую роль в провале blitzkriega в 1941 г.

Пакт дал время для развития восточной базы советской экономики, что сыграло ключевую роль в победе под Сталинградом.

Пакт, радикально изменив баланс сил в Европе, вынудил США и Великобританию превратиться (на время) из врагов СССР в союзников, он создал условия для возникновения антигитлеровской коалиции.

Пакт проложил путь к Ялтинским и Потсдамским соглашениям, определившим послевоенное мироустройство.

Поэтому пакт Молотова–Риббентропа — стратегическая победа Сталина

/ Алексей ИСАЕВ /

Сталин как Верховный главнокомандующий

Роль, компетенция, мотивации

На закрытом заседании делегатов XX съезда КПСС в своём докладе Н. С. Хрущёв заявил: «Надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. Да, товарищи: возьмёт глобус и показывает на нём линии фронта».

То, что эти слова — абсолютная ахинея, сейчас уже вполне очевидно. Имеются и многочисленные свидетельства, и собственно документы, которые доказывают, каким именно образом Сталину докладывали обстановку на фронтах, как планировались и обсуждались предстоящие военные операции. Каждый день военная обстановка докладывалась Верховному главнокомандующему по картам, подготовленным Генштабом Красной армии с точностью до уровня дивизий. Поэтому откуда взялся этот хрущёвский «глобус», не совсем понятно — скорее всего, автор данной фразы таким образом пытался отмыться за катастрофу мая 1942 года под Харьковом, к которой имел самое непосредственное отношение.

В ответ на это могут возразить: хорошо, пусть Сталин смотрел на эти фронтовые карты, но насколько он мог видеть и понимать происходящее там? А тем более — отдавать обобщённые приказы?

Для того чтобы оценить уровень собственно военной компетенции Сталина к лету 1941 года, попробуем обратиться к документам. При этом хотелось бы подчеркнуть,

что, помимо высказывания Хрущёва, существуют высказывания ряда известных полководцев, которые, образно говоря, похлопывали товарища Сталина по плечу, утверждая, что он, особенно — в начале Великой Отечественной, плохо разбирался в военных делах и лишь потому, что в ходе постоянного общения с настоящими специалистами чему-то учился, году к 1943-му или к 1944-му кое-что начал понимать. Опять же, эти высказывания относятся к тому времени, когда доступ к первичным документам фактически был закрыт. Теперь же такой доступ в целом есть, и я в рамках данной темы обращаюсь к документу, который называется «Доклад наркома обороны СССР С. К. Тимошенко на совещании высшего руководящего состава Красной армии» и датирован декабрём 1940 года.

Сталин за этим совещанием наблюдал, но лично в его работу не вмешивался. Однако в архивах существует текст доклада Тимошенко с обширными правками Сталина. Что мы там видим? Тимошенко пишет: «Главным врагом современной обороны, опирающейся на укрепления, является танк, применяемый в массе». Товарищ Сталин слова: «Является танк, применяемый в массе», — вычёркивает и пишет: «Артиллерия. Это лишний раз показал опыт прорыва линии Маннергейма. Вторым врагом является танк

с хорошей бронёй, применяемый в массовом масштабе». И дальше: «Третьим врагом современной обороны оказался самолёт ближнего действия: бомбардировщик, штурмовик, истребитель». Если мы обратимся к докладу, который реально был прочитан Тимошенко перед своими подчинёнными, то там присутствуют именно эти, сталинские, слова.

Надо заметить, что такая правка очень важна. По сути, Сталин говорит о том, что работает только общевойсковой бой, когда есть превосходство над противником в воздухе, в огневой мощи и в манёвре. Только взаимодействие артиллерии, танковых частей и авиации способно решить исход боя. Ведущую роль Сталин отводил артиллерии, «богу войны». Он ещё раз подчеркнул это, когда правил доклад наркома обороны дальше.

Маршал Тимошенко писал: «Что же касается артиллерийского воздействия на оборону со стороны наступающего, то, несмотря на массовое применение других средств подавления (танк, самолёт), размеры его не только не уменьшаются по сравнению с 1917 и 1918 годами, но, наоборот, показывают тенденцию роста: если не в количественном, то в качественном отношении».

Сталин весь этот абзац вычёркивает и заменяет его следующим: «Только соединение и сосредоточение действий всех этих трёх родов оружия может обеспечить прорыв современ-

ной оборонительной линии, вроде линии Маннергейма или Мажино».

Вся эта правка вносилась в последние дни декабря 1940 года. То есть перед нами, в лице Сталина, человек, который демонстрирует высочайший

уровень понимания ключевых военных вопросов. Ни о каком его «обучении азам» в течение первых трёх лет войны, на мой взгляд, не может быть и речи. Понятно, что все набирались опыта. Но говорить о том,

что Сталин не разбирался в военных вопросах, абсурдно. Конечно, у него имелись определённые заблуждения, в том числе — связанные с недостатком информации. Например, линию Мажино, вопреки утверждениям

Сталина, немцы не только обошли, но местами и прорвали. Но об этом тогда просто не знали.

Что же продемонстрировал Сталин, когда война началась? Все возможные рассказы о том, что он 22 июня убежал на дачу и неделю там прятался, являются досужими вымыслами, которые опровергаются таким сухим документом, как журнал учёта посетителей кабинета Сталина в Кремле. А что было сделано им для организации обороны в первые дни и месяцы войны? 24 июня — создан Совет по эвакуации при правительстве СССР, 30 июня, совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б), —

Государственный комитет обороны (ГКО), чрезвычайный высший орган власти в стране, 8 августа председатель ГКО И. В. Сталин назначен Верховным главнокомандующим и в этой должности руководил Советским Союзом до 4 сентября 1945 года, когда ГКО был расформирован Указом Президиума Верховного Совета СССР.

И это были далеко не «бумажные» решения. Особенностью Сталина как руководителя: и политического, и военного, — всегда было системное создание и использование резервов, это было его «ноу-хау», которое отсутствовало у других, даже самых выдающихся лидеров той эпохи. Особенно ярко это проявилось во время битвы под Москвой, когда немцы стояли

буквально в нескольких километрах от советской столицы, но уже не имели сил двигаться дальше, а у Сталина уже была наготове целая 26-я армия, которую в конце концов даже не пришлось бросать в бой, и контрнаступление шло без её участия. Подоспели другие резервы, которые немцы называли «сибирскими дивизиями», хотя, например, 10-я армия третьего формирования под командованием генерала Филиппа Голикова создавалась вообще на территории Московского военного округа.

Сталин как Верховный главнокомандующий понимал не только стратегические вопросы, связанные с ведением боевых действий. Он был компетентен и в военно-экономических вопросах. И район Тулы был важен не только из-за военных заводов. Это был ещё и крупный буругольный бассейн, который имел ключевое значение для советской экономики. Поэтому его нельзя было терять, как нельзя было терять Москву как важнейший узел дорог, который обеспечивал транспортное единство страны. Именно сюда наносился удар 10-й армии, и сразу же после освобождения этого района был отдан приказ о восстановлении работы угольных шахт. Важно, что контрнаступление под Москвой было полностью обеспечено собственными резервами, поставки по ленд-лизу начались только 28 декабря 1941 года.

То же самое происходило в 1942 году: Сталин считал все возможные варианты не на один-два, а на пять и даже на десять шагов вперёд. И катастрофа под Харьковом, и катастрофа в Крыму были, наверное, самым худшим из того, что вообще могло произойти. Но есть резервы: сформированные и подготовленные части, обеспеченные оружием, боеприпасами, имуществом и продовольствием по нормам военного времени. Плюс к тому времени уже начали работать эвакуированные на восток промышленные предприятия — а их, напомним, было больше 5000! — и громкие победы летней кампании 1942 года в итоге стали

последними победами немецко-фашистских войск на Восточном фронте. 64-ю, бывшую 24-ю и 1-ю резервную, армию под командованием сначала генерала Василия Чуйкова, а затем генерала Михаила Шумилова из-под Тулы перебросили под Сталинград ещё в июле 1942 года, когда стало понятно, что немцы перенацелены с Москвы на кавказскую нефть. Прорыв под Воронежем — есть резервная армия, которую туда направляют, чтобы ликвидировать угрозу. Когда в октябре 1942 года Гитлер подписал директиву о переходе к обороне, он расписался в отсутствии возможности продолжать наступление, резервов для этого у него не было. Он полагал, что их нет и у Сталина. А у Сталина они были — результатом оказалось мощное советское контрнаступление, с окружением и разгромом немецкой группировки под командованием произведённого в фельдмаршалы Фридриха Паулюса.

Только после этого в Третьем рейхе объявили «тотальную войну», официально — в речи Геббельса 18 февраля 1943 года, а указ о тотальной мобилизации был подписан Гитлером 27 ноября 1943 года, уже после поражения в Курской битве и форсирования Красной армией Днепра. Но ничего подобного той боевой машине, которая под руководством Сталина к тому времени была создана и вовсю работала в СССР, включая временно оккупированные врагом территории, немцы, захватившие практически всю континентальную Европу и имевшие исходно в начале войны гигантское превосходство над Советским Союзом практически по всем экономическим и военным параметрам, создать не смогли.

Не говоря уже о внешнеполитических достижениях, к числу которых необходимо отнести как создание антигитлеровской коалиции в составе СССР, США и Великобритании, так и сохранение мира с Японией.

Ни один из полководцев Красной армии, ни один из государственных деятелей СССР и партийных лидеров ВКП(б) того времени не обладал сум-

мой компетенций, которые были бы сопоставимы с суммой компетенций Сталина в качестве Верховного главнокомандующего. Победа в Великой Отечественной войне была достигнута не «вопреки Сталину», а только благодаря Сталину. Данный факт необходимо зафиксировать, и только после этого можно говорить о каких-то ошибках Сталина.

Я согласен с тезисом Ленина о том, что людям нужно говорить правду. Хотя бы для того, чтобы умолчания не использовались с деструктивной целью нашими конкурентами и врагами. О чём идёт речь? Что действительно можно поставить в «минус» Сталину?

В минус Сталину можно поставить его октябрьские приказы 1942 года как наркома обороны СССР: № 306 и № 325. Приказом № 306 от 8 октября запрещалось эшелонирование боевых порядков пехоты Красной армии, то есть наступать следовало одним эшелоном, имея минимальные резервы. Здесь мы подходим к пределам сталинской компетенции. Хорошо понимая стратегическую проблематику, Сталин не был профессиональным военным, не разбирался в вопросах тактического применения вооружённых сил. И как только он заходил на эту территорию, то допускал ошибки, порой, как в данном случае, — весьма существенные. У всех людей есть пороги компетенции, и нельзя быть одновременно «гением всех наук».

Приказ № 306 был обусловлен тем, что бои подо Ржевом и под Сталинградом, где немцы массово использовали артиллерию и авиацию, приводили к большим потерям среди личного состава второго и третьего эшелонов: люди даже не могли вступить в бой. Но попытки атаковать «одной волной» показали свою неоправданность, и командиры массово от выполнения этого приказа отказывались — так сказать, явочным порядком, хотя формально он не отменялся.

Чтобы не быть голословным, приведу мнение специалиста, генера-

ла-танкиста Алексея Радзиевского, высказанное им в закрытом военном учебнике: «Решение вопроса потерь следовало искать не в одноэшелонном построении, а в более надёжном подавлении огневых средств противника, в изменении порядка перемещения вторых и третьих эшелонов, ввода их в бой и лучшим прикрытием от ударов с воздуха».

Второй приказ, № 325 от 16 октября 1942 года, касался применения танковых войск. В нём было сказано немало правильных вещей, но в нём содержалась и концептуальная ошибка. Говорилось следующее: «Танки не выполняют своей основной задачи уничтожения пехоты противника, а отвлекаются на борьбу с танками и артиллерией противника. Установившаяся практика противопоставлять танковым атакам противника наши танки и ввязываться в танковые бои является неправильной и вредной». То есть «танки с танками не воюют».

Дальнейшая практика боевых действий, в том числе — и послевоенных, показала, что это далеко не так. То есть сталинские указания октября 1942 года в этом отношении явно расходились с реальностью. К счастью, на уставных документах Красной армии, в отличие от приказа № 306, этот приказ не отразился.

Дискуссионным остаётся вопрос о взаимоотношении политических и военных мотиваций в деятельности И.В. Сталина. На мой взгляд, политические мотивации у него преобладали, и это в целом правильно, поскольку война есть продолжение политики, а не наоборот. Однако не ошибается только тот, кто ничего не делает, — иногда эти предпочтения шли в ущерб собственным военным интересам. «Рубить сплеча» здесь ни в коем случае нельзя, поскольку необходимо учитывать как общую ситуацию того времени, многие аспекты которой засекречены и неизвестны нам до сих пор, так и доступную Сталину (но частично недоступную для нас) картину этой ситуации.

/ Александр КОЛПАКИДИ /

Сталинские спецслужбы

В какой мере они были «сталинскими»?

«**Ч**то касается моих информаторов, то, уверяю Вас, это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо» — эта фраза из письма Сталина Рузвельту от 7 апреля 1945 года была процитирована в культовом телесериале «Семнадцать мгновений весны» 1973 года выпуска.

Я не могу сказать, что все информаторы Сталина были скромными, а тем более — честными людьми. Тема отношений «отца народов» со спецслужбами очень сложная и требует серьёзного изучения. По большому счёту, она начинается задолго до того, как Иосиф Висса-

рионович встал во главе партии большевиков и советского государства.

Разумеется, она приобрела совершенно иное качество и совершенно иной масштаб после Октябрьской революции 1917 года, когда мы можем зафиксировать постоянное присутствие Сталина во всех делах, связанных с процессами становления и развития спецслужб молодого Советского государства, которые происходили, разумеется, не в вакууме, а в непрерывном взаимодействии с аналогичными структурами других государств мира и разного рода международных структур, белого движения, остатков царских спецслужб и так далее.

При этом вопрос о том, можем ли мы говорить о существовании собственно «сталинских» спецслужб, остаётся принципиально открытым, поскольку никаких документов, которые подтверждали бы наличие структур подобного рода, «личной» сталинской разведки, контрразведки и так далее, обнаружить пока не удалось. А насколько «сталинскими» были в период 1920–1950 годов органы ЧК–ГПУ (ОГПУ)–НКВД–МГБ, а также соответствующие партийные структуры, органы военной разведки и контрразведки и так далее — тема более чем дискуссионная.

Например, сразу после создания ВЧК возник большой конфликт между ведомством Феликса Дзержинского и наркоматом юстиции РСФСР, который возглавлял старый большевик Дмитрий Курский. Разобраться в этом конфликте партия большевиков доверила именно Сталину, поскольку он, наряду с Дзержинским и Курским, ранее был включён в состав комиссии по организации в Советской России разведывательных органов. Юристы утверждали, что чекистами нормы советского законодательства не соблюдаются, что добрая половина расстрелянных ими: например, в Хамовническом районе Москвы, — это люди, вина которых ничем не доказана. В ответ Дзержинский поставил ультиматум: если вы нам не доверяете, мы вообще не будем работать. Сталин тогда решил вопрос в общем в пользу чекистов, поскольку понимал, что в условиях войны — ещё длящейся Первой мировой и уже начавшейся тогда Гражданской, — всегда и везде следовать букве закона — значит обрекать себя на лишние потери и, скорее всего, на поражение.

Точно так же, когда решался вопрос о формировании ВЧК и создании ГПУ, Сталин входил в эту комиссию. И когда в 1919 году возникла проблема с военной контрразведкой, с особыми отделами, именно Сталин курировал эти отделы. Далее, когда решался вопрос о ликвидации ОГПУ и создании НКВД, именно Сталин делал доклад по этому вопросу. То есть Иосиф Виссарионович постоянно занимался спецслужбами, постоянно был в этой теме.

Возможно, особое значение здесь имел эпизод, связанный с первой обороной Царицына летом 1918 года. Сталина послали туда не защищать этот город, а обеспечить поставки продовольствия с Поволжья. Немцы тогда, после заключения Брестского мира, наступали настолько далеко, насколько могли, и везде, куда были в состоянии дотянуться, создавали и поддерживали антисоветские националистические и сепаратистские органы власти. Так под их крылом вместо провозглашённой

Центральной Радой «Украинской народной республики» возникла «Гетманщина» во главе с Павлом Скоропадским; под их крылом атаман Краснов захватил Дон, Кубань тоже была перекрыта, брать продовольствие было неоткуда, и в Москве и Петрограде тогда просто голод начался. И вот Сталина отправили для организации поставок хлеба с Поволжья.

Он приехал в Царицын и увидел, какой бардак там творится. Там был штаб Северокавказского военного округа, который возглавлял генерал Андрей Снесарев, который не особенно рвался воевать против своих бывших сослуживцев. Более того, когда из Москвы приехала группа офицеров во главе с генералом Анатолием Носовичем, связанных со штабом Добровольческой армии в Москве и с эсерами Савинкова, Снесарев назначил Носовича начальником штаба округа. Было ещё антисоветское подполье, организованное неким Алексеевым и его двумя сыновьями, которые тоже приехали из Москвы с огромной суммой денег и, видимо, представляли интересы спецслужб Антанты. Все они действовали под носом у местных органов ЧК, которые работали очень слабо и непрофессионально.

Достаточно сказать, что, когда к Царицыну с боями прорвалась из Донбасса целая армия под командованием Ф.А. Сергеева, К.Е. Ворошилова и А.Я. Пархоменко, железнодорожный мост перед ними был взорван, и его почти месяц пришлось восстанавливать, отбивая непрерывные атаки противника.

Сталин всё это сразу увидел и начал принимать меры. По его приказу были арестованы и Алексеевы, и офицеры группы Носовича. Алексеевых расстреляли, а по поводу Носовича Снесарев поднял скандал, так что приехавшая комиссия во главе с Подвойским постановила не просто освободить этих кадровых офицеров императорской армии, но и по указанию Троцкого сняла с них все обвинения. Впоследствии Носович даже стал заместителем командующего Южным фронтом, но в конце концов решил бежать к белым. Бежал он в октябре 1918 года, и после этого бегства стало ясно, что Сталин был полностью прав в его отношении.

Судя по всему, из «дела Носовича» Иосиф Виссарионович сделал для себя такой вывод, что самое важное — это дела человека. Какими бы вескими ни были подозрения в его адрес, но если он успешно выполняет порученные ему задания, такому человеку следует доверять. Если же он проваливает одно дело за другим, хотя кажется кристально чистым, тут следует

покопаться поглубже... Поэтому там, где сегодня всё списывают на стечение неблагоприятных объективных обстоятельств, Сталин был склонен видеть, прежде всего, вредительство. Со всеми плюсами и минусами этого подхода, в обстоятельствах того времени он себя в целом оправдывал.

Сегодня мы плохо представляем себе ситуацию в Советском Союзе конца 1920-х — начала 1930-х годов: какие, где и когда были восстания, какие убийства, какие отношения были между ведущими лидерами... Кстати, когда Черчилль спросил у Сталина о самом сложном для него как руководителя страны времени, тот ответил, что это был период коллективизации, когда всё порой висело буквально на волоске. Ведь подавляющее большинство лидеров Октябрьской революции долгое время своей жизни провели в эмиграции, а значит — все они так или иначе были связаны с иностранными спецслужбами, с иностранными политиками и бизнесменами. Более того, такими же связями обладали и царские чиновники, в том числе — военные. О чём тут можно говорить, если 60% довоенной российской промышленности принадлежало капиталистам Франции, Германии, Великобритании и США, а если учитывать их формально российские филиалы — то и все 90%?

Поэтому у революций 1917 года: и Февральской, и Октябрьской, — есть та сторона, которая и сегодня остаётся тайной за семью печатями. Тем более всё это покрыто плотным «белым шумом»: полным-полно разного рода «маскировочных» и конъюнктурных версий наподобие того, что Ленин — «немецкий шпион», Свердлов — «британский шпион», Троцкий — «американский шпион», Сталин — «агент царской охранки» и так далее.

Но надо понимать, что все эти и многие другие политики того времени — не только советские! — действовали не в каком-то «сферическом вакууме», а в очень жёстких и конкретных условиях, когда шло очень быстрое и научно-техническое, и политическое преобразование мира, всё менялось с калейдоскопической быстротой. Без учёта всего комплекса этих факторов, многие из которых нам неизвестны, нельзя адекватно оценивать ситуацию в Советском Союзе в целом и в его спецслужбах в частности.

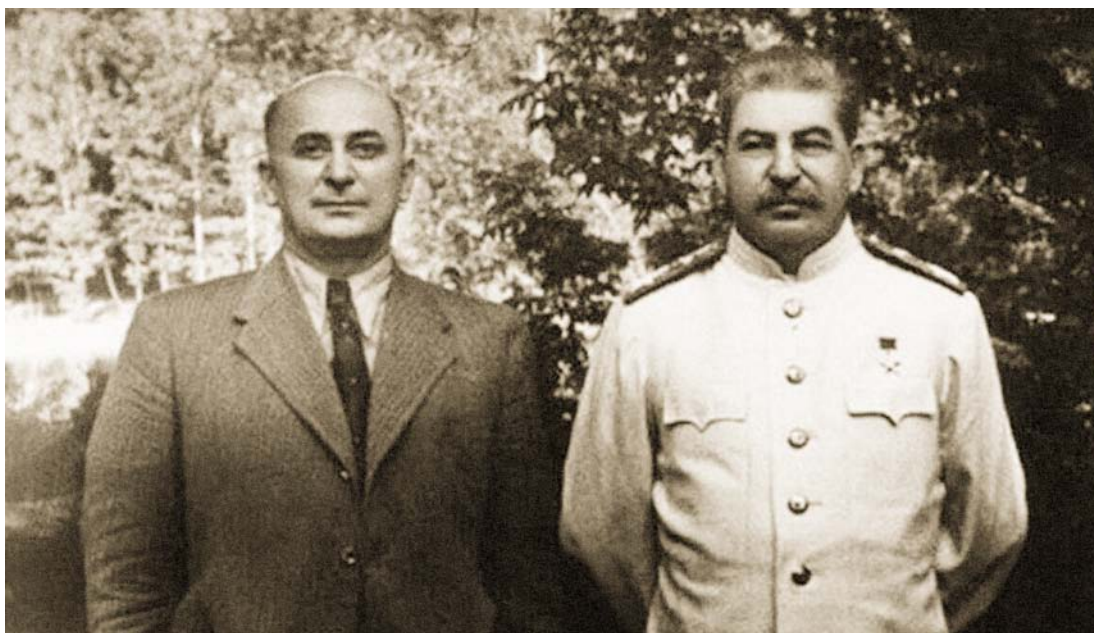
Если к наследнику Феликса Дзержинского на посту главы ОГПУ, яркому интеллектуалу Вячеславу Менжинскому, Сталин питал огромное уважение и находил с ним взаимопонимание, не вмешиваясь в дела этого ведомства, то в аппарате кого только не было. Взять того же

Генриха Ягоду, который, будучи заместителем Менжинского, из-за прогрессирующей болезни своего шефа постепенно прибирал все дела в ОГПУ к своим рукам. Уже в 1931 году в ОГПУ произошёл очень серьёзный конфликт вокруг ситуации на Украине. Против Ягоды выступил ряд начальников управлений, но в результате партийного разбирательства тот смог укрепить свои позиции и впоследствии, после смерти Менжинского, стать первым наркомом внутренних дел СССР, генеральным комиссаром государственной безопасности и так далее.

А Ягода был настоящим перерожденцем, личным идеалом которого был его «тёзка» Гиммлер, а организационным — СС. При аресте и обыске у него нашли целые склады, в том числе свыше 500 экземпляров «контрреволюционной, троцкистской и фашистской литературы», почти четыре тысячи порнографических снимков и фильмов, нумизматические монеты — перечень из 130 пунктов... У нас теперь есть такой важный источник, как архив Троцкого, его секретная часть, которая была пусть далеко не полностью, но раскрыта в 1990 году. И из этих документов следует, что в 1932 году прошло объединение всей антисталинской оппозиции, у которой в НКВД, в отделе, который занимался троцкистами, сидел свой человек, и мы до сих пор не знаем, кто это был, поскольку он фигурирует только под псевдонимом.

Когда в августе 1936 года, после начала процесса над Зиновьевым и Каменевым, застрелился Михаил Томский, глава советских профсоюзов и, наряду с Бухариным и Рыковым, один из лидеров «правого уклона», он оставил адресованную Сталину предсмертную записку. В ней говорилось: «Если ты хочешь знать, кто те люди, которые толкали меня на путь правой оппозиции в мае 1928 года, — спроси мою жену лично, только тогда она их назовёт...»

Сталин тогда был на юге и, разумеется, ничего спросить у жены Томского не мог. Из письма Николая Ежова, адресованного Сталину, следует, что он встретился с этой женщиной, и та назвала фамилию Ягоды, и Ягода знал об этом. Ежов к тому времени пользовался полным доверием Сталина, он возглавлял Комиссию партийного контроля, то есть по сути партийную контрразведку, был секретарем ЦК ВКП(б) и уже в сентябре 1936 года фактически по инициативе Сталина сменил Ягоду на посту наркома внутренних дел. То есть в руках у Ежова сосредоточилась громадная власть, и он этой властью сразу стал пользоваться весьма специфическим образом.

Аппарат-то спецслужб был прежний, и «своих людей» у нового наркома там не было. Так вот, Ежов должен был опираться на какую-то силовую группу, и он сделал ставку на группу Ефима Евдокимова, который в ту пору возглавлял Северокавказский крайком ВКП(б) и известен нам, прежде всего, по конфликту с Михаилом Шолоховым.

Это были настоящие головорезы, которые своего начальника называли «батькой» и которых вместе бросали то на Украину, то на Северный Кавказ, то в Среднюю Азию — подавлять местный бандитизм, и они с этой задачей всегда и везде успешно справлялись. В их числе был и ставший «правой рукой» Ежова и его первым замом Михаил Фриновский. Это был двухметровый громила, который в том числе подавил восстание в Азербайджане, когда приходилось брать с боем целые города. Это были очень опасные люди, и именно на них сделал ставку Ежов, когда стал наркомом. И сразу же в НКВД поплыли какие-то мутные дела, о которых у нас до сих пор, по большому счёту, никто не пишет и не говорит. Потому что там всё было очень густо замешано на сексе, алкоголе и наркотиках.

Сейчас принято считать, что сигнал к началу «Большого террора» был дан на пленуме ЦК ВКП(б), проходившем с 23 февраля по 5 марта 1937 года. Ежов там огласил обвинения против Бухарина и Рыкова. Но это совершенно не так. Почитайте выступления Сталина — он на данном пленуме выступал два или три раза и, напротив, говорил, что оппозиционеров в партии всего 20 или 30 тысяч, но далеко не все они — враги, и неправильно делать их изгоями, преследовать

и так далее. Сигнал прошёл на следующем пленуме, который состоялся 23–29 июня 1937 года.

У Ежова были далекоидущие планы заговора против Сталина, была поддержка со стороны части партийного аппарата и со стороны аппарата спецслужб. При этом заговорщики боялись народа и боялись армии, потому что армия разбилась бы войска НКВД очень быстро — именно против народа и армии были развёрнуты массовые репрессии с целью дискредитировать Сталина, было даже подготовлено дело о том, что Сталин — провокатор царской охраны, материалы которого использовались в ходе хрущёвской «оттепели» и горбачёвской «перестройки».

По большому счёту, «сталинскими» советские спецслужбы можно назвать только в период, когда ими руководил Лаврентий Берия, то есть в период с декабря 1938-го по декабрь 1945 года. Его преемник, министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов, тоже начал рваться к власти вместе с группой Кузнецова, осуждённой по «ленинградскому делу». Спецслужбы также реально помогали Сталину, когда ими руководил Вячеслав Менжинский, в период 1926–1933 гг., но тогда это был в большей степени ситуативный политический союз, чем отношения начальника и подчинённых. Иосиф Виссарионович был мастером подобных союзов, что не раз доказывал и во внутренней, и во внешней политике. Поэтому всегда и во всём ставить знак равенства между его деятельностью и деятельностью советских спецслужб «сталинской эпохи» — очень большое и, на мой взгляд, неоправданное упрощение, которое к тому же зачастую используется в целях политической манипуляции.

/ Юрий ЖУКОВ /

Сталин и национальная политика

Языковые и экономические границы

До сих пор ходят разные слухи о том, какое место занимал Сталин в партийной иерархии, в частности, в ЦК в 1917 году. Напомню простую вещь. Поздней весной 1917 года в Петрограде состоялась пер-

вая открытая (легальная) конференция РСДРП, на которой присутствовали множество делегатов, а в конце произошло избрание ЦК. По количеству голосов первое место занял Ленин, второе — Зиновьев, третье — Сталин. Третье!

Другое дело, что появившийся гораздо позже в рядах большевиков Троцкий обошёл и Сталина, и Зиновьева — стал фактически вторым человеком в стране. А для кого-то — и первым. Но для нас важны даже не эти детали партийной иерархии, а другое: чем занимался Сталин с марта 1917-го, с того момента, как он приехал из сибирской ссылки и сразу включился в работу, став постоянным сотрудником газеты «Правда», которой в ту пору руководил Вячеслав Молотов.

Так вот, с самого начала Сталин писал, что ни в коем случае нельзя делить нашу страну по национально-территориальному признаку. Почему он так считал? Он хорошо знал Кавказ, точнее — Закавказье. Знал, что происходит между народами, которые населяют эти земли, и что, по сути дела, невозможно их развести по «мирным квартирам» — всё равно будут драки: из-за луга, из-за горы, из-за реки, из-за чего угодно.

И если бы только Закавказье с его национальной «чересполосицей»!.. Был ещё один важный факт: с 1915 года царская власть делала всё, чтобы выпустить джинна национализма из бутылки. В чём это выражалось? Сначала в формировании батальонов, затем — полков латышских стрелков. Обратите внимание: есть страна, есть единая армия — и вдруг в ней появляются национальные формирования! Потом эти батальоны, полки свели в дивизии, которые участвовали и в революции, и в подавлении эсеровского мятежа, и в Гражданской войне.

Но ладно бы только это... В конце 1916 года был подготовлен законопроект об административной границе между Эстляндской и Лифляндской губерниями (Эстляндская — это Эстония, а Лифляндская — север Латвии). Предлагалось отодвинуть границу к югу примерно на сто километров, и тогда в Эстляндии жили бы почти исключительно эстонцы, не считая русских и немцев, а в Лифляндии — преимущественно латыши, не считая тех же русских и немцев. Этот закон прошёл одновременно с падением царизма.

Вслед за тем Февральская революция пробудила такие же националистические устремления по всем окраинам страны. Не только Прибалтика и Польша (оккупированные тогда, кстати, немцами), но и белорусы, украинцы, грузины, армяне, азербайджанцы — все стали срочно учреждать национальные органы, которые объявляли: «Хотим полной автономии!» И предлагали тогда, в конце весны 1917 года, создать Россию в виде федерации, где равными правами пользуются все национальности,

которые контролируют конкретные области, земли, территории.

Больше всего тогда «прославилась» Украина. В апреле 1917 года в Киев съехались сторонники автономизации Украины и объявили себя Центральным Советом, или, по-украински, «Центральной Радой» («рада» — это и есть «совет»). И потребовали от Временного правительства, чтобы им передали в управление огромную территорию. Во-первых, всю ту, что сегодня является Украиной, во-вторых, прилегающие к северу русские губернии и... Северный Кавказ! Почему? Потому что якобы Екатерина, разгоняя Запорожскую Сечь, переселила казаков на территорию Кубани и Терека. Но Киеву и этого показалось мало, и он потребовал территории... на Дальнем Востоке!

Вот здесь стоит задать вопрос: при чём тут Дальний Восток? А очень просто. Вспомните столыпинские реформы. Сегодня многие говорят, что это были замечательные реформы, но не касаются их конкретики. А конкретика была проста: много крестьян, мало земли... И Столыпин предложил 2/3 крестьян малороссийских сёл переселить в Сибирь и на Дальний Восток, а оставшуюся землю поделить. Так Украина стала краем кулацким, где у крестьян оказалось по 50–70 гектаров земли. При этом не вообще земли — такой, как, скажем, в Вологодчине или близ Твери, — нет! А чернозёма в благодатном для сельского хозяйства климате.

А переселенцы поехали на Дальний Восток. Приехали и обнаружили, что плохо растёт там пшеница — не та почва, не тот климат. На сопку залезешь, а на вершине под тобой земля чавкает, мокрая насквозь. Гнус заедает.

И тогда украинцы потянулись назад. По дороге оседали на ближайших станциях Транссибирской дороги, превращались в обычных рабочих. Вот поэтому сегодня, обратите внимание, так много украинских фамилий попадает в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке — в частности, на Сахалине.

Зная всё это очень хорошо, Сталин регулярно пишет в «Правде», требуя создания страны, которая делилась бы не по национальным территориям, а на основе экономики. То есть он предлагал взять соседние губернии, обязательно с одним и тем же климатом, с примерно схожим населением, культурой, хозяйством, то есть где сеют хлеб, разводят скот, работают на заводах в схожих условиях, — и вот эти две, три, от силы четыре губернии (смотря по величине) объединить в так называемую область, которая и стала бы единицей деления нашей страны.

Почему Сталин так решил? Он ведь учился в семинарии и прекрасно помнил библейские слова о том, что «дом, разделённый сам в себе, не устоит».

Любопытно, что в мае 1917 года в Петрограде проходил съезд партии кадетов, которые также именовали себя Партией народной свободы. Открывая съезд, создатель партии Павел Миллюков произнёс речь. Если её текст положить рядом с написанным тогда Сталиным, то мы увидим, что нашу страну ни в коем случае нельзя делить по национальному признаку, ни к чему хорошему это не приведёт.

Но то было лето 1917 года. Затем — Великая Октябрьская революция, создание Совнаркома, советского правительства, где последний по счёту портфель, наркома по делам национальностей, — дают Иосифу Виссарионовичу. Сталин сразу же начал готовить проект создания областей и текст первой советской Конституции. Вернее, первой Конституции нашей страны вообще, так как со времён Рюрика у нас всё опиралось на самодержавные узаконения.

И если сегодня внимательно прочитать эту первую Конституцию, то легко обнаружить, что её делали два человека, поскольку Конституция предлагала весьма странную вещь. С одной стороны, право наций на самоопределение, вплоть до отделения. Это то, о чём писал Яков Свердлов, который в тот момент являлся, если переводить его должность на язык современный, президентом страны. С другой стороны, в этой же Конституции говорилось, что основой деления страны являются области, основанные на экономическом и историческом принципах — не на национальном. Это то, о чём писал Сталин.

Собственно, тогда и появляются на свет первые области: Северная область, которая включала в себя Петроградскую, Новгородскую, Псковскую, Вологодскую, Архангельскую губернии, Западная область — восток Белоруссии и часть России до Смоленска и немного далее. Страна начала переходить к тому делению, на котором настаивал Сталин.

А затем — вторжение немцев. Вторжение на Украину. Почему так? Потому что в Бресте — месяцем раньше, чем большевики, — Рада подписала с немцами, австрийцами, болгарам и турками мирный договор. На каком основании — непонятно, потому что к февралю 1918 года вся подконтрольная ей территория помещалась, как тогда шутили, «под тем вагоном, в котором приехали».

Действительно же по всей Украине была установлена советская власть, но Рада, в том числе

Грушевский (ныне — герой Украины), а также Петлюра, по сути, военный министр, ради признания со стороны Германии, Австро-Венгрии и Турции, готовы были на всё. И подписали мир, по которому, с одной стороны, немцы и австрийцы оккупировали бы их территорию, а с другой, Украина поставила бы умиравшим с голоду немцам и австрийцам всё требующееся продовольствие. Главное, конечно, хлеб.

Вот тогда, чтобы как-то приостановить немецкую агрессию, и появились на свет Донецко-Криворожская, Таврическая, Одесская республики, которые обнимали и Левобережье, и правобережный юг нынешней Украины. Эти земли в XVII веке назывались Слободской Украиной — слободской окраиной России. Плюс отвоёванные позже у татар и поляков терри-

тории Новороссии — словом, то, что никогда не являлось украинской землёй! Тем не менее немцы, не обращая ни на что внимания, прошли всю Украину и даже заняли западную часть Области Войска Донского. То же произошло и с Таврией (Крымом и северным Прикрымьем), на которую не предъявили претензий даже в Киеве, так как считали, что это — не украинская территория и им не о чем беспокоиться.

В ходе Гражданской войны, как знак реального сопротивления националистам и белогвардейцам, появились советские Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина. Они заключили военно-политический союз с Советской Россией. Согласно этому союзу, у советских республик отныне были общие: армия, финансы, эконо-

мика, пути сообщения, — словом, практически всё необходимое.

Но Гражданская война продолжается. Сепаратисты в Прибалтике побеждают. И появляются теперь уже независимые Эстония, Латвия, Литва. Мы вынуждены были тогда отказаться от идеи областных объединений — во всяком случае, для Украины.

И всё же несколько позже, уже в 1923 году, появляется на свет Уральская область. Спустя ещё несколько лет, в период первой пятилетки, возникают снова Северный край, Западная, Центрально-промышленная области — всё то, что предлагал в своё время Сталин. Но отношения между Москвой и партийным руководством этих областей и краёв складываются, увы, так, что Центр решает отказаться от них.

Так было забыто главное предложение Сталина, которое должно было разрешить судьбы населения и страны.

Чтобы понять ситуацию, сложившуюся на Украине, надо вспомнить, что перед советской властью стояла задача поднять грамотность, так как 80% населения царской России не умели ни читать, ни писать, ни считать. А как научишь такую массу людей? Кто будет учить? Не входя в долгие обсуждения, в педагоги брали тех, кто умеет читать и писать. И на Украине решили воспользоваться теми педагогами, которые оказались на территории республики в годы Первой мировой и Гражданской войн. Решили воспользоваться услугами галичан! Галиция, или Западная Украина, входила в состав Речи Посполитой, позже — Австро-Венгрии. Население воспитывалось там в духе известного принципа: «Пусть мы будем Пьемонтом».

Объясню тем, кто плохо помнит новую и новейшую историю Европы: Пьемонт в своё время стал тем центром, который привёл к объединению Италии. Иными словами, галичане считали, что к ним должна присоединиться вся Украина! Тогда же там, в Галиции — точнее, в восточной её части, — были сформированы подразделения украинских «сечевых стрельцов». В 1918 году полковником куреня сечевиков стал небезызвестный Евгений (Евген) Коновалец. Тот самый, что создал ОУН — Организацию

украинских националистов. Эту аббревиатуру мы часто теперь слышим с экранов телевизоров.

И такие же, как Коновалец, ребята родом из Австро-Венгрии, имевшие среднее и высшее образование, объявили себя педагогами для неграмотных украинских селян. Учили они их, конечно, не только читать, писать и считать, но и национализму.

А далее в советскую украинскую власть влились те, кто до окончания Гражданской войны состоял в каких угодно украинских партиях, но только не в большевистской! А тут все, естественно, быстро переметнулись к победителям и записались большевиками.

И когда в 1922 году в Москве обсуждался вопрос о том, каким быть Советскому Союзу, Сталин настаивал на том, что государство должно быть единым, не делимым по «национальным квартирам». Конечно, представители Белоруссии, Украины и Закавказья против этого возражали. И Сталину пришлось пойти на уступки. Разумеется, он не отдал союзным республикам ни внутренней экономики, ни внешней торговли, ни путей сообщения. Только самое незначительное на тот момент (подчёркиваю, на тот момент!) — народное просвещение. Ну, имейте, мол, республики, свои наркомпросы, учите людей уму-разуму!

Сталин решил, что отделался малой кровью. Но! Когда решение о едином Советском Союзе,

не делившимся на республики, было принято пленумом ЦК, появился Лев Каменев, который заявил: «Я только что от Ленина! Он велел непременно сделать Союз Советских Республик с правом их выхода из Союза в любой момент». Как вы думаете, как поступили члены ЦК? Ленин же сказал! Как можно пойти против него? Они, понятное дело, проголосовали не за Сталина, а за ленинский наказ — за существование отдельных РСФСР, Белоруссии, Украины, Закавказской федерации. Четыре республики объединились, и у каждой свой — только лишь наркомпрос.

А результатом этого уже через три года стал разгул национализма на Украине. Тамошние деятели, считавшие себя большевиками, решили проводить политику «коренизации». На деле это означало, что на все должности следовало отныне выдвигать представителей коренной национальности, то есть украинцев. Мало того, они объявили, что отныне преподавание во всех школах будет проводиться на украинском языке. А в институтах и университетах это будет реализовано чуть погодя, через несколько лет — по окончании подготовки (изобретения) украинского языка, чем занималась так называемая терминологическая комиссия.

Сами посудите, вот есть учебник физики для высшего учебного заведения, там масса терминов. И, представьте себе, в Харькове, тогдашней столице Украины, засели умники, которые стали менять точные русские термины на украинские, придумывать, изобретать искусственный язык, искажая русские слова.

Это в то время, когда даже на заседаниях украинского ЦК выступали люди и говорили: «Послушайте, что же вы делаете?! Вот я езжу по республике, разговариваю с людьми, так и крестьяне говорят, что мова — это язык, на котором говорят неграмотные люди, а переехав в город, мы все говорим на грамотном языке — на русском». А что им последовало в ответ? Решение украинского ЦК о том, что те рабочие и служащие, которые напишут в анкетах, что они русские, будут уволены. А тогда, нельзя забывать, свирепствовала безработица. Всё это, наконец, было доведено до сведения Сталина, который тут же направил большое открытое письмо Кагановичу, тогда первому секретарю украинской компартии, с требованием прекратить это безобразие.

Он, в частности, писал: «Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит

принципу свободного развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнёта». Далее Сталин подчёркивал: «При слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение (*украинизация*. — Ю. Ж.), возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчуждённость украинской культуры и украинской общности от культуры и общности общесоветской, характер борьбы против “Москвы” вообще, против русских вообще, против русской культуры и её высшего достижения — ленинизма». Каганович, естественно, руку под козырёк: «Есть!» Это 1926 год.

Но ничего не изменилось. На Украине, а потом ещё и в Крыму средние школы вели преподавание на украинском языке. Мало того, в 1980 году я был в Днепрпетровске, который теперь именуется Днепр, на конференции, посвящённой 60-летию окончания Гражданской войны. Заседали первые дни в помещении Днепрпетровского университета. На второй день к нам пришла делегация студентов с письменной петицией, заверенной подписями. В ней они сообщали, что они, жители Днепрпетровской области, всю жизнь прожившие в ней, всегда говорили только по-русски, но, поступив в университет, вдруг стали слышать лекции на украинском. «Нельзя ли прекратить это безобразие?» — вопрошали они. Конечно, мы передали эту бумагу в ЦК, но результатов не последовало. Естественное желание людей не было услышано.

А теперь, пожалуйста, вспомните март 1991 года, референдум. Как вы помните, подавляющее большинство (около 80%) высказались за сохранение Советского Союза. Ответ не замедлил прийти: в декабре в Вискулях три так называемых президента развалили нашу страну. Последствия этого мы пожинаем и сегодня.

И я хотел бы вам напомнить, что неурядицы не свалились на нас из ниоткуда, всё это готовилось, нарывало изнутри десятилетиями. Потворство власти негативным процессам, особенно — с конца 50-х до конца 80-х годов, привело к уничтожению Советского Союза. Пожалуйста, помните об этом, помните, кто виноват, а кто не хотел этого, сопротивлялся! Бывшие австрийские офицеры хотели распада Союза! Турецкие офицеры, которых пригласили в советский Азербайджан преподавать в местных школах, тоже хотели!

Мы, все остальные, не хотели этого!

/ Шамиль СУЛТАНОВ /

«...Даже бешеными путями»: Сталинский реализм

Эпизоды становления личности

1 1934 год. Москва. Казалось, Сталин и Коллонтай были совершенно разными людьми. Он — выходец из социальных низов далёкой имперской окраины, а она — из богатой дворянской семьи Петербурга. Он — принципиальный, убеждённый марксист, а она в молодости — скорее искренний бунтарь и спонтанный борец за справедливость. В повседневной жизни Сталин представлял собой традиционалиста и консерватора, а Александру Михайловну — во всяком случае, до середины 20-х годов — считали примером «ниспровергателя устоев». Наконец, Коллонтай была на семь лет старше Сталина. И всё же какая-то странная взаимная симпатия существовала в их взаимоотношениях почти четверть века: генсек постоянно помогал и защищал Александру Михайловну в её сложных жизненных передерягах.

В своих личных дневниках Александра Михайловна, вопреки официальной версии о том, что «Сталин — это Ленин сегодня», ставит генсека выше Владимира Ильича. Описывая генсека на пленуме ЦК ВКП(б) 1934 года, она пишет: «Что-то в нём “магическое”. Это сила великих натур. В нём сильно то излучение воли, которое подчиняет человека. Попадёшь в орбиту излучения, и уже нет сопротивления, своя воля “растворяется” <...>. Ленин, например, этим свойством не обладал. Он подчинял себе людей силой логики, превосходством своего интеллекта. В присутствии Ленина человек оставался самим собою, с ним можно было спорить, доказывать. Обычно он побеждал в споре — и этим обезоруживал. Со Сталиным сдаёшься сразу, ещё до спора. В этом его сила. Его воля такова, что её надо принять или отойти от него совсем».

Чингисхан называл это «длинной волей».

Сталин сам говорил некоторым своим близким соратникам: «Моя дневная норма чтения — страниц пятьсот». И так было почти в течение всей его сознательной жизни. Для этого ещё в юношеский период он выучил технику и приёмы скорочтения. Чтение пятисот страниц каждый день, несмотря ни на какие обстоятельства, стало для него одним из самых эффективных способов культивирования и развития личной воли.

...2015 год. Каир. Я сижу с несколькими молодыми египтянами в кафе на самом берегу Нила. Мы обсуждаем проблему сравнительной эффективности политических технологий в кризисных ситуациях. Неожиданно речь заходит об историческом опыте Сталина. Один из моих собеседников — Ахмад, преподаватель

университета, закончивший несколько лет назад УДН в Москве, — начинает возражать: «Но ведь Сталин был очень жесток и принёс много страданий людям». И даже пытается аргументировать свою позицию.

— Ахмад, ты мусульманин?

— Да.

— Но очень похож на российского либерала...

В Коране прямо сказано: «И даже лист с дерева не падает без позволения Аллаха». Всё происходит только по Его воле. Помнишь этот аят?

— Да.

— Следовательно, по Его воле Сталин был в нужном месте и в нужное время, вне зависимости от поздних конъюнктурных моральных оценок. И делал то, что и следовало делать. Другое дело — насколько потом оказывается понятным людям многомерный смысл того или иного исторического явления.

...1928 год. Сибирский край. В стране начинается голод. Предыдущий год оказался урожайным, но зажиточные крестьяне не спешили продавать хлеб государству, ожидая повышения закупочных цен. На литерном поезде Сталин объехал за три недели юг Сибири. Недалеко от Красноярска генсек специально поехал в богатое село, где склады и амбары были переполнены пшеницей. Почти все сельчане собрались послушать «красного царя». Сталин чувствовал себя неважно, но говорил жёстко и непривычно эмоционально. Он рассказывал о том, что в промышленных центрах страны сокращаются запасы хлеба, пайки уменьшаются, многие рабочие вынуждены работать полуголодными, дети пухнут от голода...

Прямо напротив него стоял высокий, мощного телосложения — настоящий русский богатырь! — староста села, один из наиболее уважаемых крестьян. Он смачно лузгал семечки, время от времени ехидно посмеивался и сплёвывал шелуху перед собой, почти на сапоги генсека. Когда же Сталин закончил своё выступление, староста выпрямился во весь свой впечатляющий рост и громко, не торопясь, чтобы всем было слышно, сказал: «Вот тебе, грузин, я пшеничку дам! Отборную пшеничку. Аж целых четыре мешка. Ты только вот, того, станцуй нам сейчас... лезгинку». И он раскатисто засмеялся, а вслед за ним — и его односельчане.

«А ведь он, как и все здесь собравшиеся, и есть народ. И, может быть, даже не самый худший. Хотя, если вот сейчас его спросить, то он честно и убеждённо ответит: “А какое мне дело до твоего народа? Главное — мои амбары полны,

скотина жива и здорова, а то, что кто-то голодает, пухнет или даже умирает от голода, — мало ли что происходит на свете. Если вы власть, то вы и думайте. Но в мои личные дела не лезьте...” Народ для него — это вот конкретные соседи, сельчане, а не какой-то там абстрактный, нищий пролетариат...»

...1935 год. Грузия. Озеро Рица. Генсек медленно идёт по тропинке вдоль берега с руководителем НКВД Ягодой.

— Поздравляю тебя, Генрих, с присвоением маршальского звания «генеральный комиссар госбезопасности».

— Благодарю вас, товарищ Сталин, за вашу личную оценку моего труда.

— Нет, это коллективное решение Политбюро... А как ты думаешь, Генрих, какие у нас есть дополнительные ресурсы, чтобы повысить долговременную эффективность наших спецслужб?

— В последнем отчёте, который мы послали вам, товарищ Сталин, сформулированы основные направления такой работы...

— Я это читал. Но я имею в виду другое... Ты знаешь, самый лучший учитель в жизни — твой враг. Его безжалостные уроки всегда бесценны, и если ты правильно — а самое главное, вовремя — их усвоишь, то можешь остаться победителем. Если нет, то тебе в историческом плане придётся расплатиться по полной... Вот, например, мне недавно сообщили, что в Североамериканских Штатах тамошние спецслужбы проводят специальную широкомасштабную операцию в определённых нишах общества, чтобы побудить максимальное количество людей добровольно, без нажима и без вербовки сообщать о всех недостатках, подозрительных персонажах, странных событиях, происходящих на местах. А в Германии фашисты, пришедшие к власти, поставили, в преддверии надвигающейся войны, политическую задачу, чтобы каждый немец считал своим важнейшим патриотическим долгом информировать соответствующие государственные органы о всех негативных процессах, о всех подозрительных лицах. Причём каждый должен знать, куда и как сообщать, будучи уверен, что его информация нужна государству.

— Я понял, товарищ Сталин.

— Я знаю, Генрих. Ты сможешь решить эту важнейшую задачу.

Сталин внутри себя иронически улыбнулся: у него уже были убедительные данные, что Генрих, достаточно нечистоплотный человек, воз-

главив новый наркомат, уже начал играть свою, самостоятельную игру, и доверять ему вряд ли стоит. Но вот с этой поставленной задачей Ягода с его богатом опытом способен справиться, потому что это ему самому очень нужно.

«Ильич был тысячу раз прав, когда сказал, что русская интеллигенция — это г-но. Это те именно интеллигентики-чиновники, которые, получив даже крохи власти или, например, жадно обнаружив доступ к деньгам, внезапно становятся сверхважными, горделиво-напыщенными и омерзительными. При этом они ещё более яростно начинают завидовать и ненавидеть друг друга. Хотя именно они знают в десятки раз больше о внутренней, тщательно скрытой грязи, преступных переплетениях и незаконных взаимосвязях, чем ЧК, ОГПУ, НКВД, вместе взятые. Конечно, они с удовольствием начнут писать доносы друг на друга, уничтожать друг друга — особенно если будут знать, что им за это ничего не грозит, более того, если за свои “сигналы” они ещё и что-то смогут отхватить материальное».

...1989 год. Нью-Йорк. Незадолго до своей смерти сильно пьяный Сергей Довлатов истошно орал во весь голос в южном Бруклине: «Я всё понимаю, я не дурак. Конечно, культ личности... Конечно, культ был. Но кто же написал четыре миллиона доносов?»

...1938 год. Москва. Кремль. Михаил Иванович Калинин, председатель Президиума Верховного Совета СССР, или, как его неофициально называли, «президент СССР», «всесоюзный староста», прежде чем открыть дверь, осторожно пригладил свой пробор. Эта встреча очень нужна была Михаилу Ивановичу.

Калинин вошёл в кабинет, намеренно шаркая ногами, подошёл к знакомому письменному столу. Сталин медленно встал и протянул руку. Генсек был в сумрачном, настороженном настроении: он уже знал, зачем так настойчиво добивался встречи с ним «всесоюзный староста».

— Товарищ Сталин, я попросил вас принять меня по глубоко личной причине.

Именно в этот момент Калинин, как показалось со стороны, совершенно искренне заплакал. Слёзы вытекали у него из-под очков, перемещались по бугристой коже щёк и скрывались в аккуратно подстриженной бороде. Он плакал громко и навзрыд.

— Успокойтесь, Михаил Иванович! Возьмите себя в руки! Что случилось? — спокойно, но предельно участливо спросил генсек.

— Суд приговорил мою жену, Екатерину Ивановну, к десяти годам. Я не хочу сейчас говорить, виновата она или не виновата... Я хочу только сказать, что она очень больная женщина, и она не выдержит...

Продолжая всхлипывать, Михаил Иванович начал говорить о своей жене. Сталин слушал, не перебивая, продолжая пристально смотреть на «президента СССР». В последние годы он всё больше недолюбливал Калинина, поскольку хорошо знал его недостатки и пороки, в том числе — о его нездоровой «любви» к молоденьким балеринам. Он знал, что Екатерина Ивановна Калинина несколько раз уходила от «любве-

обильного» Михаила. Один раз даже уехала на Дальний Восток.

Впрочем, увлечение юными балеринами было не единственным недостатком Михаила Ивановича.

Калинина, после смерти Якова Свердлова, выдвинул на эту должность Ленин, для которого Михаил Иванович был зримым образом, явственным символом союза рабочих и крестьян: большевик, из потомственных крестьян, но одновременно прошёл путь классово сознательного пролетария, став одним из руководителей партии. А к «Старику» у Сталина было особое отношение — ни к кому он

не относился так трепетно, как к «вождю мирового пролетариата». И с годами это чувство не ослабевало.

Генсек знал, что Екатерина Ивановна оказалась замешана в очень неоднозначной ситуации, в том числе косвенно, и из-за самого Калинина.

Сталину надоело это представление, и он резко встал. Михаил Иванович также испуганно вскочил.

— Ты зря ко мне пришёл. Приговор ей вынес советский суд. Тебе туда и надо обращаться. Помочь я тебе не могу. У меня самого родственники арестованы...

Калинин ещё несколько раз приходил к Сталину по поводу судьбы своей жены. В сорок первом году генсек, наконец, сказал:

— Когда война закончится, она выйдет.

Екатерина Ивановна была освобождена в 1945 году и намного пережила Михаила Ивановича.

...1947 год. Москва. Кремль. Сталин встречается с большой делегацией, в которой представлены все классы и основные социальные группы советского общества. По традиции в самом начале такого мероприятия каждый из членов делегации должен был сказать несколько слов о самом себе. Иосиф Виссарионович молча, никого не перебивая, слушал.

Очередь дошла до православного священника средних лет, одетого в обычный гражданский костюм. Он, опустив глаза и запинаясь, сказал несколько предложений: из какой области, каков приход, сколько лет служит...

Сталин, не отрываясь, жёстко смотрел на него. Потом внезапно сказал: «Меня боишься, а Его — нет».

«Первым, с кем я познакомился по-настоящему в семинарии, был Гия. Тогда по своим знаниям, своему умственному развитию он был гораздо выше меня, хотя по возрасту был старше только на два года. Гия приехал из Зугдиди и был уже тогда очень болен. Мы дружили с ним полтора года, до самой его смерти. Он мне многое дал. Но я ему, прежде всего, благодарен за то, что он не пытался снабжать меня готовыми ответами, а постоянно подвигал к тому, чтобы искать свой путь к разрешению внутренних сомнений... Именно Гия впервые мне сказал, что церковь всегда была за сохранение крепостного права, и она была против реформы 1861 года. Он мне рассказал, что грузинских крепостных в своё время массово вывозили в Стамбул, чтобы продавать как рабов на рынках. И церковь не только не вмешивалась, но даже поддерживала всю эту мерзость...»

...2016 год. Москва. В Белом доме, в присутствии президента России, идёт расширенное заседание правительства. Выступает министр сельского хозяйства и одновременно — один из самых крупных землевладельцев страны. С видимым упоением, захлёбываясь, он рассказывает о «небывалых», «грандиозных» успехах во вверенном ему министерстве, в том числе — и по экспортной линии. «Мы начали, например, экспортировать отечественную свинину в десятки новых стран». Перечисляет их, в том числе и очень далёкую Индонезию. Тут президент засмеялся и прервал докладчика: «Но Индонезия — страна мусульманская, там свинину не едят». Почти все присутствующие по-доброму захихикали. И даже сам министр как-то застенчиво, с детской улыбкой широко улыбнулся: мол, ну да, ошибся немного, с кем не бывает в нашем кругу? А потом

как ни в чём не бывало продолжил свой восхитительно-оптимистический доклад...

«Когда высшая власть начинает обманывать саму себя, то нижестоящие чины, в свою очередь, начинают массово поддакивать и подражать... Жизнеспособное государство держится только на правде. Ложь, очковтирательство, показуха, прямой и косвенный обман неминуемо приближают гибель. Достаточно вспомнить царскую Россию!..»

...1939 год. Осень. Москва. Коллонтай позволили и пригласили в Кремль. Эта последняя встреча продлилась почти два часа: Сталин впервые так откровенно раскрылся ей. Когда она вернулась в гостиницу, было уже два часа ночи. Александра Михайловна тщательно записала то, что сказал генсек:

«Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплёваны, прежде всего, за рубе-

жом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он всё ещё рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток».

«И моё имя тоже будет обогнано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний».

«В целом в будущем развитие пойдёт более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идёт к тому, что особенно возбудится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом».

«И всё же, как бы ни развивались события, но пройдёт время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Своё будущее они будут строить на нашем прошлом».

/ Андрей ФУРСОВ /

Почему СССР? *Почему Сталин?*

Диалектика истории

1.

Кто и за что ненавидит Сталина? Отвечая на этот вопрос, надо отметить, что в советской номенклатуре было две группы, противоположные по взглядам. С одной стороны — левые глобалисты, коминтерновцы, троцкисты и их идейные наследники, которые не могли простить Сталину, что он отказался от проекта мировой революции, а затем распустил и Коминтерн. С другой стороны — сторонники интеграции в мировую капиталистическую систему, наследниками которой стали номенклатурные «либералы», вышедшие из тени после 1956 года. Эти две группы представляли собой право-левый симбиоз, и Сталин эту на первый взгляд странную диалектику прекрасно понимал, отразив её в крылатой фразе: «Пойдёшь налево — придёшь направо, пойдёшь направо — придёшь налево».

В постсоветский период негативное отношение господствующих групп к Сталину обусловлено тем, что квазиидеологией, на которой строится их идентичность, является антисоветизм. В 1990-е годы он был явным, неприкрытым, а в последние годы в связи, с одной стороны, с конфликтом с Западом, а с другой стороны — необходимостью реагировать на рост просоветских настроений, в том числе и среди молодёжи, он выступает менее ярко, проявляясь в стремлении уколоть советское прошлое в кинофильмах, выступлениях и т. д.

Постоянные попытки кольнуть СССР сравнением с нынешними якобы достижениями (ситуация напоминает пропагандистское «одержание» из «Улитки на склоне» Стругацких) выдаёт комплекс неполноценности постсоветских господствующих групп по отношению к Советскому Союзу и его достижениям в культуре, социальной сфере, мировой политике. Важнейшая сторона этого комплекса — понимание того, что, сохранись Советский Союз, никаких социальных перспектив у них не было бы. Где были бы все эти гайдары, чубайсы и грефы? Сидели бы в журнале «Коммунист», воспевая великое учение Карла Маркса, или торговали цветами, или «стучали» бы в ГБ.

Однако, несмотря на все старания по обливанию грязью советского прошлого и Сталина, последние опросы показывают, что 70% молодёжи позитивно относятся к Советскому Союзу, и к личности Сталина. То есть получается, как в сказке о Мальчише-

Кибальчише: «Буржуины бились-бились, да сами разбились».

Теперь посмотрим, почему Сталина многие так ненавидят на Западе? Ясно, почему: подготовил СССР к войне, сорвал советско-германским договором начавшееся в 1938 году создание протоНАТО (ведь в Мюнхене не только подарили часть Чехословакии Гитлеру — это была попытка создать протоНАТО, направленное против Советского Союза), при нём послевоенный СССР стал де-факто сверхдержавой.

В то же время на Западе всегда находились люди, которые очень высоко оценивали Сталина. Вообще, есть чёткая закономерность: чем мельче политическая сошка на Западе, тем больше гадостей она говорит о Сталине, а чем крупнее политик, тем выше он оценивает Сталина.

Например, де Голль: «Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел приручать своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него больше, чем поражений. Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено. А Сталин не уйдёт в прошлое, он растворится в будущем».

А вот высказывание Чан Кайши, у которого, кстати, было очень много оснований Сталина не любить: из-за перипетий и своей судьбы, и судьбы своего сына, Цзян Цзинго, который сидел в советской тюрьме. Чан Кайши 7 марта 1953 года сказал: «Генералиссимус Сталин был первый среди равных в союзнической коалиции. Внутренняя и внешняя политика сталинской России обусловлена стремлением Сталина укрепить её державный статус, обеспечить её глобальные интересы. Эти задачи, в основном, решены. Но что будет в СССР после Сталина — большой вопрос...»

Обратим внимание: и де Голль, и Чан Кайши (один — с запада, другой — с востока Евразии) говорят об одном и том же: о том, что СССР выстоит, если у Сталина будут достойные преемники.

21 декабря 1979 года, в год столетнего юбилея Сталина, в албанском городе Сталин собрались представители полусотни марксистско-ленинских партий, которые квалифицировали Хрущёва и Брежнева как политических перерожденцев. Собравшиеся предсказали дальнейшую эрозию государства и общества в СССР: коррупция, рост национализма в республиках, фиктивность идеологии, некомпе-

СЛАВА СТАЛИНУ, ВЕЛИКОМУ ЗОДЧЕМУ КОММУНИЗМА!

тентность руководства, культ политических перерожденцев. По их прогнозам, очень скоро Советский Союз должен был столкнуться с серьёзными проблемами. Правда, они сделали исключение для Румынии и ГДР, где процессы разрушения социализма шли, по их мнению, медленнее. Они не могли представить, что некто Горбачёв, который сначала сдаст социалистический лагерь, в том числе ГДР и Румынию (Чаушеску при этом убьют), а уже потом сдаст и Советский Союз.

С каких позиций критикуют Сталина сегодня? Самый примитивный вариант — персональный: плохой человек был Сталин, злой, тиран, маньяк. Например, аргументация Антонова-Овсеевского, сына знаменитого большевика, такова: режим был плохой, потому что человек был плохой, мерзкий. Критикам такого типа много лет назад, защищая Байрона, ответил Пушкин: «При открытии всякой мерзости она, толпа, в восхищении: он мал, как мы, он мерзок, как мы. Врёте, подлецы! Он и мал

и мерзок — не так, как вы, — иначе!» Я уже не говорю о том, что характеристика строя, режима даже в стране со столь персонализированной властью, как Россия, по личности лидера есть нечто среднее между слабоумием и дурновкусием.

Ещё одна линия — это линия патентованного лжеца Солженицына с его «десятками миллионов жертв ГУЛАГа».

Но есть более хитрая линия — это попытка представить и возникновение Советского Союза, и победу Сталина как некую историческую случайность, выверт, девиацию: дескать, СССР мог бы и не быть в русской истории, а Сталин мог бы и не победить. То, что Сталин мог и не выиграть свою игру, — да. С точки зрения теории вероятности, Сталин лично мог и не победить. Это мы сейчас знаем, что он победил, а в 1930-е годы это было непонятно. Тогда он жил в паутине направленных против него лично и его курса заговоров, и лично для него ничего не было решено. Пуля, как в Кирова, —

и finita. Неслучайно в 1935-м, проходя с одним из своих соратников кремлёвским коридором, Сталин сказал, что не знает, кто из охранников (а они стояли с винтовками) может выстрелить ему в спину.

И тем не менее его победа — закономерна. А вот что касается уже не просто закономерности, а исторической необходимости появления СССР как единственного средства сохранения исторической России в XX веке (несмотря на все русофобские выверты режима интернационал-социалистов в 1920-е годы), то ответ на этот вопрос мне представляется ясным.

Перестроечная и постперестроечная шпана всё время твердила, что СССР был отклонением, ненормальным развитием, случайностью, а 1991 год — якобы возвращением к норме, в цивилизацию. Если помните, первую Государственную Думу РФ кое-кто — по-видимому, отхлебнув одурина, — предлагал назвать Пятой Думой: дескать, Четвёртая была в 1917 году, а это Пятая. Потом опомнились.

На самом деле случайности могут быть в истории таких стран, как Коста-Рика, Того или Науру, тогда как в развитии таких стран, как Россия, Великобритания, США и Китай, — случайностей, меняющих долгосрочный вектор развития, быть не может. Эволюция крупных сложных систем, как писал в своё время Александр Александрович Зиновьев, необратима. Эти системы можно уничтожить, но их нельзя повернуть вспять по какому-то случаю.

2.

Итак, вопрос номер один: почему СССР? Любая новая система, чтобы возникнуть, должна снять противоречия предыдущей системы. О какие противоречия разбилось самодержавие? Отмечу три базовых и одно дополнительное.

Первое противоречие. В дореволюционной русской истории было три крупные структуры: Московское царство, Петербургское самодержавие (империя) и пореформенная Россия. Все господствующие группы этих структур были созданы властью: бояре, дворяне, пореформенные чиновники были функциональными органами самой власти. При этом каждая последующая господствующая группа и в абсолютном, и в относительном измерении была больше предыдущей: дворян было больше, чем бояр, пореформенных чиновников было больше, чем дворян (вообще нужно сказать, что в XIX веке темп роста чиновничества в три

раза превосходил темп роста населения в России). Иными словами, власть расширялась и разбухала в лице своих функциональных органов. А вот с точки зрения собственности всё было наоборот. У дворян собственности было меньше, чем у бояр, а пореформенные чиновники, даже высокопоставленные, чаще всего жили главным образом на зарплату. То есть слой собственности исторически истончался. И в этот процесс в последней трети XIX века врывается капитал, причём капитал и иностранный, и местный, нередко зависимый от Запада. Возникает противоречие-развилка между властью и собственностью. И сняться оно могло только по ленинскому принципу «кто — кого»: либо власть придавливает собственность, очищается от неё, от всех классовых привесок, либо собственность в лице капитала задавливает власть, и тогда Россия становится зависимой от Запада полуколонией.

Второе противоречие заключалось в том, что Россия до начала XX века, по сути — до конца 1930-х годов, оставалась преимущественно аграрной страной. У Маркса был такой термин — «система работ», означавший комплекс хозяйственно-трудовых практик, типичный для данного социума и обусловленный природными, производственными и историческими факторами. До середины XVIII века российское дворянство жило потребностями, которые удовлетворялись за счёт местной системы хозяйства, местной «системы работ». Однако с середины XVIII века: после Петра и особенно при Екатерине II, — русское дворянство стало жить по потребностям не своим, а по потребностям господствующих групп Западной Европы. Но в европах, во-первых, другое сельское хозяйство, там урожайность составляла не сам-3 или сам-4, как у нас, а сам-6, сам-7 и т. д. Во-вторых, Западная Европа уже в XVIII веке начала качать средства из колоний; о жесточайшей эксплуатации своих работяг я уже не говорю. Русскому дворянину, чтобы жить на западный манер и вести социокультурно приемлемый в своей среде, по крайней мере, в столице, образ жизни, нужно было усиливать эксплуатацию крестьян. Например, за правление Екатерины II эксплуатация как частновладельческих, так и государственных крестьян выросла в 3–3,5 раза. Здесь и возникает вторая развилка: либо дальнейшее усиление эксплуатации, гарантирующее верхушке западные или приближенные к ним жизненные стандарты, либо установление жёсткого контроля над потреблением верхов,

ограничивающего его возможностями местной «системы работ».

Третье противоречие. Россия даже после Крымской войны считалась великой державой в политическом плане, а в экономическом она становилась, во-первых, всё в больше сырьевым придатком Запада и, во-вторых, попадала от него в финансовую зависимость. Отсюда две перспективы: либо великая держава с мощным военно-промышленным сектором, либо сырьевой придаток, где хозяйничают чужие буржуины.

Особо нужно сказать об аграрно-крестьянском вопросе. Реформы Столыпина (которого постсоветский режим провозгласил — видимо, в силу классово-близости — выдающимся государственным деятелем, чуть ли не героем) не только провалились, но и приблизили революцию. Более того, если бы они удались, то революция была бы значительно более кровавой и произошла раньше. Если бы всё пошло по Столыпину, то в городе уже в 1911–1912 годах оказалось бы 10–12 миллионов безработных мужиков, промышленность могла абсорбировать только 2,5 миллиона. Можно представить, что могли бы натворить эти люди, которых Максим Горький изобразил в фигуре Челкаша.

Итак, постсамодержавная система должна была снять накопленные самодержавием и нерешённые им противоречия, а вдобавок ко всему решить аграрно-крестьянский вопрос, который был в запущенном состоянии. Реформа Столыпина помимо прочего показала, что выход из мелкого землевладения путём создания крупных индивидуальных хозяйств в России не срабатывает. В этом смысле колхозы — вовсе не злая выдумка большевиков, а единственный способ решения аграрно-крестьянского вопроса в конкретных исторических обстоятельствах.

Ко всем этим противоречиям добавился тот факт, что страну тогда возглавлял один из самых неудачных и бездарных правителей России — Николай II. Россия оказалась в тупике: буржуазия уравнивала дворянство, разные фракции дворянства уравнивали друг друга. Главное — не было субъекта стратегического действия. Условия для его возникновения создала Первая мировая война, которая расчистила историческую площадку для формирования совершенно разных субъектов. Например, Февральскую революцию совершил российско-британский субъект: интересы британского капитала, британских

закрытых групп, британского государства и части российского капитала совпали. Тем более что одной из задач Февральской революции было купировать возможный реальный взрыв. Затем, как минимум с весны-лета 1917 года, начал формироваться ещё один очень интересный субъект. Это, с одной стороны, несколько десятков офицеров и генералов разведуправления Генерального штаба, которые понимали, что грядёт левая революция. Они видели, что наиболее известные деятели левых завязаны на иностранщину и нужно что-то делать, чтобы страна не распалась. Именно они сыграли ключевую роль в организации Октябрьского переворота. Затем Свердлов и Ленин их отодвинули. С другой стороны — часть большевиков.

3.

В ходе и в результате Гражданской войны возникает советская система. Как разрешились три этих противоречия, о которых я говорил?

Первое: власть очищается от собственности, возникает номенклатура. Что такое номенклатура? Это господствующий слой без собственности на вещественные факторы производства. Различия рангов номенклатуры внешне фиксируются размером пайков, уровнем потребления. Кстати, ещё в середине XVI века монах Ермолай Еразм написал Ивану IV «сказку», то есть аналитическую записку, где объяснил, что земли для раздачи остаётся мало, поэтому детям боярским (то есть будущим дворянам) не надо раздавать землю, а надо посадить их на продовольственный паёк. Ивану идея понравилась, но он не осмелился её реализовать. Номенклатура — это и есть реализация идеи Ермолая Еразма. Номенклатуру посадили на продовольственный паёк в соответствии с рангом. Конечно, номенклатура пыталась нарушать это правило, и с середины 1950-х годов нарушение стало нормой, но исходная модель была такова, и в её основе лежало возникновение такой власти, которая очищена от собственнических и классовых привесок и сама является своей основой — чистая власть, то есть кратократия (этот термин я использую с 1989 года).

Второе: диктатура над потребностями. Каждому слою номенклатуры был жёстко определён уровень потребления. Это, опять же, сломалось с середины 1950-х годов, хотя проблемы были и раньше. Сталин это называл действиями «проклятой касты». Впервые он

сказал об этом, когда советское правительство во время войны перебазировали в Куйбышев и многие члены правительства озаботились созданием для их детей спецшкол, поскольку не хотели, чтобы их дети учились вместе с детьми рабочих. Когда Сталин узнал об этом, он пришёл в бешенство и сказал: «Проклятая каста!» Тем не менее отдельные школы в Куйбышеве были всё-таки открыты. Номенклатура уже тогда начала превращаться из «слоя в себе» в «слой для себя».

Третье: к 1937 году Советский Союз обеспечил себе военно-промышленную автаркию от капиталистического мира, то есть стал военно-промышленной державой и второй экономикой мира.

Таким образом, к концу 1930-х годов оформилась система, которая сняла все противоречия самодержавного строя.

В чём трудность изучения советской системы по сравнению и с русской историей, и с историей Запада? Не в том, что советская система просуществовала только 70 лет. 70 лет для XX века — это очень много. Даже 12 лет Третьего рейха — это много для XX века с его темпом. Дело в том, что советская система была отрицанием и самодержавия, и капитализма, и для её анализа нужна теория на порядок сложнее, чем для анализа самодержавной и капиталистической систем, советская система возникла на их стыке как двойное отрицание. Она была системным антикапитализмом. Другое дело, что в середине 1960-х номенклатура по квазиклассовым, то есть, проще говоря, по шкурным соображениям, отказалась от рывка в посткапитализм (на языке номенклатурной идеологии — в коммунизм), СССР так и остался антикапитализмом. По иро-

нии истории окончательный отказ произошёл на июньском пленуме ЦК КПСС 1967 года, который был посвящён разработке тезисов к 50-летию Октябрьской революции. Вот здесь рывок в посткапитализм и был похоронен. Но это отдельная тема.

Итак, мы выяснили: «Почему СССР?» — показав, что возникновение советской системы было неслучайным. Теперь вопрос: «Почему Сталин?»

4.

Несмотря на то что в 1923 году провалилась революция в Германии, почти все 1920-е годы Советский Союз продолжал жить (и Сталин в том числе) под знаменем: «Когда-нибудь будет мировая революция!» После Германии внимание переключилось на Китай, но после переворота 1927 года, когда Чан Кайши вырезал тысячи коммунистов (в противном случае они «резанули» бы его самого и его команду), стало понятно, что и на Востоке с мировой революцией не получается. К тому же в Англии чуть раньше «ушли» лейбористы, и к власти пришли консерваторы, что существенно ухудшило ситуацию СССР на внешнем контуре.

Советскому руководству стало понятно, что индустриализация нужна срочно, равно как и широкая социальная база. И этой базой может быть прежде всего русское население. Но это русское население нужно было превратить из общинно-крестьянского в единую национально ориентированную массу. Коллективизация решала не только экономические задачи, но и задачу выработки единой национальной идентичности, что и было сделано в 1930-е годы. Начался, насколько это было возможно для режима с интернационалистской идеологией, поворот в национальную сторону. Отсюда обвинения Сталина со стороны левых глобалистов в «предательстве революции», отсюда его конфликт с Коминтерном, отсюда, в определённой степени (хотя, конечно, не во всём), репрессии 1937–1938 гг.

Поворот нашёл отражение даже в символическом. В 1936 году 7 ноября перестало быть праздником Первого дня мировой революции, и за ним закрепилось название, отчасти уже использовавшееся и ранее, — день Великой Октябрьской социалистической революции. В том же году появился термин «советский патриотизм», и была отодвинута школа Покровского. При том, что М. Н. Покровский во многом был замечательным историком,

но русофобией от многих его текстов отдавало изрядно.

Ни один крупный представитель ленинской гвардии, ни один представитель Коминтерна на прагматический, единственно спасительный для строя поворот в национальную сторону был не способен, а потому одним из важнейших направлений политической борьбы 1930-х годов стала борьба Сталина с левыми глобалистами. Естественно, Сталин боролся и за свою личную власть. В политике не бывает такого, чтобы человек боролся только за какие-то идеалы: политик встраивает власть в идеалы, а идеалы — во власть. Сталину это не может быть поставлено в вину: власть — штука жестокая всегда и везде.

Совершая указанный поворот, Сталин вовсе не стал русским националистом — он как был марксистом, так им и остался. Но — марксистом русского разлива, причём ещё рускоразливистей, чем поставивший Маркса с ног на голову Ленин. Любой национализм для Сталина был неприемлем, что он и продемонстрировал после окончания войны кампанией против «космополитов» и намного более жестокой акцией по «ленинградскому делу», связанному помимо прочего с обвинением его фигурантов в попытке создать Российскую коммунистическую партию (РСФСР была единственной республикой, не имевшей своей партии). В то же время, не будучи националистом, Сталин в середине 1930-х годов совершил судьбоносный поворот СССР к историческим корням. Он был единственным деятелем в руководстве СССР — единственным как по стратегическому складу мышления, так и по своей психофизике (воля, преданность делу, гибкость, широта взгляда, уровень образования), — способным совершить, организовать, возглавить такой поворот по принципу *mobilis in mobile*, «подвижное в подвижном», переиграв при этом и «левых», и «правых», и просто западную агентуру. Но, как показали «хрущёвские» 1950-е, — не до конца. Это, впрочем, тема другого разговора

Национальный поворот сработал в 1941 году. Сравним 1915–1916 годы — выбит офицерский корпус, после этого рушится армия, а затем рушится самодержавие. Лето 1941 года: выбит офицерский корпус. И что же? Осенью приходит молодое пополнение, и они становятся офицерами армии, которая ломает хребет Гитлеру. Я хорошо знаю этих людей: по своему отцу и по его друзьям. Отец отвоевал войну и расписался на Рейхстаге. Это были советские

люди, воспитанные в 1930-е годы, со всеми плюсами и минусами, но только такие люди могли сломать хребет вермахту. А вот армия Российской империи победить не смогла. Я не говорю о том, что в Первую мировую войну не было русского героизма. Был. Но когда у Министерства обороны рядом с памятником подвигам в Великой Отечественной войне ставят памятник героям Первой мировой, я считаю, что это уравнивание неправильно. Ставки в Великой Отечественной войне были намного более высокими, чем в «первую германскую». Вильгельм II не собирался физически уничтожать 30–40 миллионов русских, стерев нас как народ из истории. А в Великую Отечественную — война шла за то, чтобы русским физически и метафизически остаться в истории в качестве определённого этноса, контролирующего определённое пространство на основе определённых ценностей. В Первую мировую войну об этом речи не шло. Тем более что из Первой мировой Россия вышла рухнувшей, а из Второй — сверхдержавой. Это была победа социализма в виде сталинской системы. Народ без и вне системы — толпа. Побеждают не просто народы, а народы, организованные в систему.

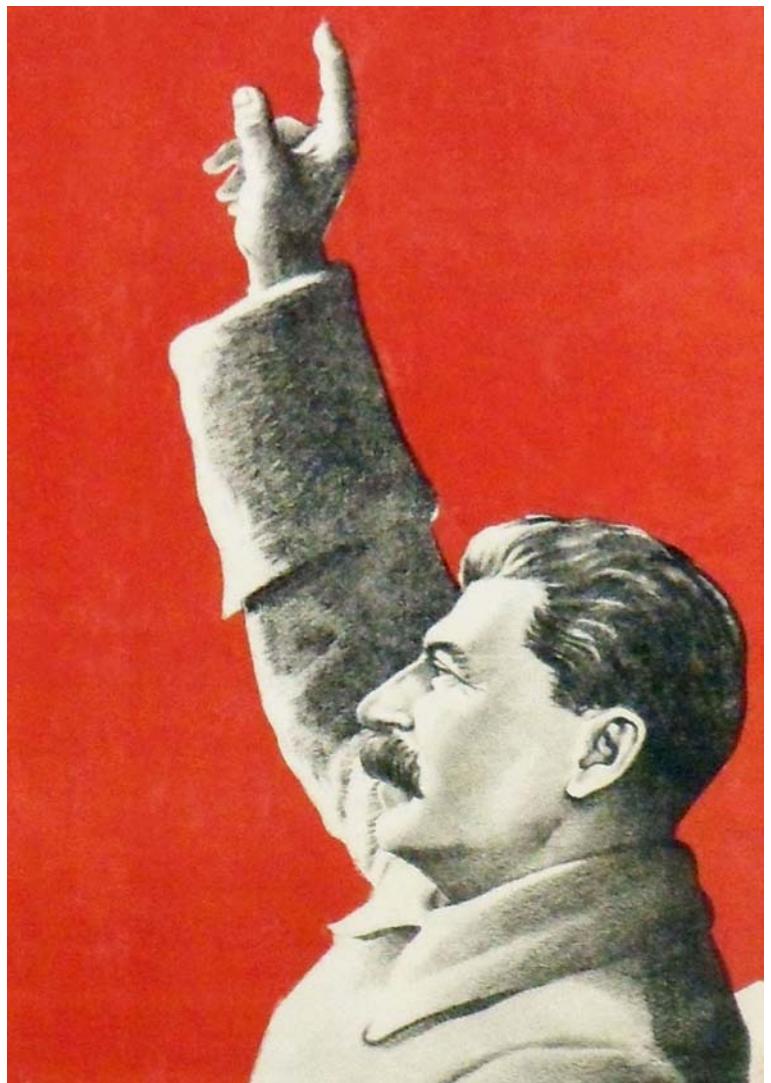
Даже тот факт, что все огрехи советской эпохи и «либеральная номенклатура», и перестроечно-постперестроечная шпана, и подшаливающие им группы сов- и постсовинтеллигенции (а точнее — обслуги) валили и валят на одного человека, говорит о его масштабе и величии. У Ильи Эренбурга есть такие строки:

*«Играй ты молча иль речисто,
Играй героя иль статиста,
Но ты ответишь перед всеми.
Не только за себя — за Время!»*

И то, что враги Сталина наваливают на него обвинения, которые на самом деле можно предъявить только его времени, говорит о величии этого человека. Хочешь — не хочешь, но даже по негативу они вынуждены это признать. Признать то, что Б. Пастернак сформулировал так:

*«А в эти дни на расстоянии,
За древней каменной стеной,
Живёт не человек — деянье,
Поступок ростом с шар земной».*

На наших глазах заканчивается отрезок истории, который я называю эпохой турбулент-

ности (1989/1991–2019/2021 гг.). Это бесславное тридцатилетие было эпилогом XX века и прологом века XXI. Сегодня мы живём уже не в предвоенную, а в военную эпоху, когда целые народы и страны стираются из истории. В такой ситуации очень важна идеология, очень важно отношение к своему прошлому. Необходимым условием победы в войне за XXI век, в этой последней Большой охоте эпохи капитализма, является единство народа и правителей, правящих групп: последние должны отождествлять себя со своим народом, его ценностями, а не с заокеем. Должны быть чёткие критерии оценки того, отождествляет себя элита с основной массой населения, с народом — или нет. В каждой стране они разные. У нас это, безусловно, отношение к Сталину — именно оно, помимо прочего, определяет либо низкопоклонно-капитулянтский, либо гордо-победительный, национально ориентированный курс. Третьего не дано.

/ Евгений СПИЦЫН /

Мифы о Сталине: **диалектика борьбы**

Создатели, распространители, акценты

По поводу 140-летия Иосифа Виссарионовича Сталина было немало спекуляций даже в центральной прессе: коммунисты, мол, не знают историю, Сталин родился по старому стилю 6 декабря, по новому — 18-го, и не в 1879 году, а на год раньше, и т. п. Но всё это будировалось в общественном сознании ещё со времён перестройки, когда выдумали целую историю о том, что Сталин специально исправил дату своего рождения, поскольку «был агентом царской охранки».

Помню, не к ночи будь помянутый Анатолий Собчак написал целую книжку с «расследованием» причин этого сталинского поступка. Да, конечно, есть одна из анкет, где рукой Сталина поставлена такая дата рождения... Но мы как историки прекрасно знаем, что есть внешняя и внутренняя критика источника. Профессиональный историк с помощью ряда критериев может определить, аутентичный документ или подложный. Делать сенсацию из-за свистопляски с датами и опускаться до подобного рода обвинений — совершенно никчёмное дело. Потому что официальная дата рождения Сталина, указанная во всех энциклопедиях, — 21 декабря 1879 года! Напомню, что в 1949 году именно в этот день праздновалось 70-летие со дня рождения Иосифа Виссарионовича, в Большом театре проходило торжественное заседание.

Мне хотелось бы напомнить ещё о нескольких лживых мифах, связанных со Сталиным. Например, классический миф — о его второстепенной роли в событиях Октября 1917 года. Говорили и говорят, что его звезда как лидера партии, а затем — и государства возшла только во второй половине 1920-х, а до этого он был «серой мышкой», по аппаратному влиянию серьёзно уступая таким вождям партии, как Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин и ряду других.

Это — ложь. Хорошо известно, что Сталин ещё до Октябрьской революции был включён в состав первого состава Политбюро. Это Политическое бюро было создано специально для организации и подготовки взятия власти. Не надо путать его с Политбюро ЦК РКП(б), которое будет создано в марте 1919 года на VIII съезде партии и будет прописано в её Уставе как один из руководящих органов ЦК. Но самое важное даже не в том, что Сталин был в первом революционном составе Политбюро ЦК, а в том, что после кризиса советского (тогда ещё — временного) правительства и формирования коалиционного правительства из большевиков

и левых эсеров 29 ноября 1917 года было создано в недрах партии «узкое» Бюро ЦК, в состав которого вошли всего четыре человека: Ленин, Сталин, Свердлов и Троцкий. Вот ярчайшее доказательство того, что Сталин был отнюдь не на вторых ролях уже тогда!

Ещё одна байка, ходящая с горбачёвских времён, что чисто технический пост генерального секретаря ЦК Сталин занял по инициативе Каменева и Зиновьева, которые хотели использовать его в борьбе против Троцкого. Но опять-таки — это ложь, сконструированная теми, кому выгодно оторвать Сталина от Ленина. Решение о том, что Иосиф Виссарионович займёт пост генсека, было принято исключительно по инициативе Ленина ещё до XI съезда партии, в марте 1922 года, поскольку на самом съезде РКП(б) уже фигурировал документ, написанный Лениным, в котором напротив фамилии Сталина было написано — «генеральный секретарь».

Решение это было дважды продублировано: на съезде, чего даже и не требовал партийный устав, и на организационном пленуме ЦК, состоявшемся в день окончания съезда. Более того, в одной из записок, адресованных Сталину, Ленин лично написал, что 2/3 времени тот отныне должен посвящать работе на посту генерального секретаря, а оставшуюся часть — деятельности на двух других немаловажных постах: наркома по делам национальностей и наркома Рабоче-крестьянской инспекции. Напомню, что эти наркомовские посты Сталин занимал, соответственно, до июня 1922-го и июля 1923 года. Уже тогда было ясно, что Ленин неслучайно инициировал назначение Сталина на пост генерального секретаря, который должен был существенно усилиться в партийной иерархии. Ибо до этого организационно-технической работой в аппарате ЦК занимался просто секретарь Центрального Комитета. И до Сталина эту должность занимал Молотов. Ленина он далеко не во всём устраивал, хотя и был одним из его ближайших соратников и кандидатом в члены Политбюро ЦК, — так же, как Бухарин, Калинин или Дзержинский.

В связи с этим затрону и такой распространённый тезис, что Сталин якобы уничтожил «ленинскую гвардию». К сожалению, этой уверенностью грешат многие мои уважаемые коллеги (не буду называть имён), но это — неправда. Сталин не уничтожал «ленинскую гвардию», и цели такой он даже близко не ставил. Он уничтожил космополитиче-

скую её часть — это да. Но говорить о том, что он уничтожил всю «ленинскую гвардию», и противопоставлять Ленина и Сталина — это, извините, лить воду на мельницу наших идеологических врагов. Сталин всегда подчёркивал, что он — ученик Ленина, он был революционером, большевиком, диалектиком, демократом! Лепить из него образ «красного императора» — тоже неправильно.

Если вы возьмёте знаменитую статью «О национальной гордости великороссов», то Ленин там выступает как наиболее яркий и последовательный защитник интересов великороссов — русского народа. И критика Лениным политического режима царской России не есть критика нашего народа как такового. Тут не надо тень на плетень наводить! В идеологической борьбе понимание этих разграничений — вещь чрезвычайно важная.

В ближайшем окружении Сталина было полно представителей «ленинской гвардии», в том числе людей, вступивших в партию с незапамятных времён. Я не говорю про Михаила Ивановича Калинина и самого Иосифа Виссарионовича, партийный стаж которых исчислялся с 1898-го года создания РСДРП. Но возьмите Климента Ефремовича Ворошилова, Сергея Мироновича Кирова, Валериана Владимировича Куйбышева — все они были членами партии с 1904 года, принимали участие в дореволюционных партийных съездах. Николай Михайлович Шверник был членом партии с 1905 года, Вячеслав Михайлович Молотов — с 1906-го, Лазарь Моисеевич Каганович — с 1911-го, Анастас Иванович Микоян — с 1914-го, Андрей Александрович Жданов — с 1915 года. Это что, не «ленинская гвардия», что ли?

Многие из них стали членами ЦК ещё при Ленине, в 1921–1922 годах. Поэтому ходячий тезис о том, что Сталин уничтожил «ленинскую гвардию», — это преднамеренная ложь, имеющая сугубо политическую окраску. Поддаваться на подобного рода провокации нельзя.

Те, кто поддерживает эти мифы, хотят отделить, так сказать, сталинизм от ленинизма. И представить дело таким образом, что Сталин стал вождём Красной империи, императором и повернул вспять сам партийный курс. В этом же лагере в ходу термин «национал-большевизм». А откуда он возник? Присмотритесь к истокам этого термина! Это «сменовеховцы», Бердяев, Степун и прочая имковская компания!.. А потом мы удивляемся, почему в Европарламенте ставят на одну доску гитле-

ризм и сталинизм: национал-большевизм, национал-социализм, национал-фашизм и далее по списку. Кто впервые поставил рядом Гитлера и Сталина ещё до войны? Эти самые ребята, тот же Бердяев и ИМКА-Пресс. Так что «уши растут» у этого явления не с перестройки, а с тех самых незапамятных времён! И сейчас этой подтасовкой активно пользуются все кому не лень: от ультралибералов до «царебожников». На все лады об этом поют. Особенно деятели культуры, которые, к сожалению, никогда не брезговали подобной духовной проституцией. Говорю о тех, кто при всех властях «в шоколаде», как говорится. Вот Гранин, например. Сейчас ему памятник открыли. У нас, извините, такое количество выдающихся русских и советских писателей, которым памятники почему-то и не светят. Вот хоть кол на голове теши, но не добиться памятника, например, Константину Симонову, который по своему общественному значению и творчеству куда выше Гранина! А Гранин при коммунистах был Героем Соцтруда, лауреатом Госпремии, секретарём Союза писателей, руководителем Ленинградской писательской организации, секретарём её парткома. И при этом писал доносы на сотоварищей в ЦК, в Ленинградский обком и горком партии. Потом советская власть рухнула, и он в таком же «шоколаде» жил уже в новой капиталистической России. Получил орден Андрея Первозванного, ордена «За заслуги перед Отечеством» и т.д. И таких примеров из мира деятелей искусств и культуры можно привести сколько угодно. Абсолютно бессовестная публика, которая на полном серьёзе считает себя «властителями дум». Это к вопросу о человеческой порядочности, и вот почему я очень уважаю Юрия Васильевича Бондарева. Он остался верен своим идеалам.

Припоминают Сталина и «ленинградское дело», которое преподносят как разгром некой «русской партии». Важно и этот миф развеять. Тем более что буквально в декабре 2019-го я получил от молодого свердловского историка Андрея Владимировича Сушкова книгу «Ленинградское дело: генеральная чистка “колыбели революции”». Прочитал её стремительно, за два дня. И очень рад, что получил лишнее подтверждение моим выводам и убеждениям о том, кто на самом деле были эти «ленинградцы». Концепция перестроечных времён о русскости пресловутой «ленинградской партии» внутри ЦК мне всегда представлялась лживой. Это было на уровне интуиции, ощущения. Потом, когда я познакомился с работами Юрия

Николаевича Жукова, а затем стал общаться с ним, моё ощущение порочности этой идейной конструкции только укрепилось.

Жданов, конечно, не был лидером «ленинградской группировки», и у него с Алексеем Кузнецовым были самые отвратные отношения, особенно — в конце войны и после её окончания. Более того, собственными глазами я видел постановление Секретариата ЦК, подписанное Ждановым, о снятии Кузнецова с должности начальника управления кадров ЦК и перемещении на менее значимую работу внутри ЦК. Кто же делает подобное своему выдвиженцу, на которого возлагались большие надежды?

А дело всё в том, что саму идею о Сталине как палаче национальной «русской партии ленинградцев», противостоящей космопо-

литическому ядру ЦК, подбросил не кто иной, как Александр Яковлев. Таким образом он пытался представить «вождя всех времён и народов» не только врагом «малых народов» — чеченцев, крымских татар, калмыков и др., — но, прежде всего, врагом русского народа. Мол, именно поэтому он и уничтожил «русскую партию» внутри ЦК ВКП(б).

Я, знаете, человек не сентиментальный, но прочитанное в книге Сушкова, в том числе — документальные источники, повергло меня в шок. Эти подонки (другого слова не подберу) — Кузнецов, Попков, Капустин, Лазутин и их ставленники в ленинградских райкомах, — вытворяли такое, что волосы становятся дыбом. Например, в годы войны руководство одного из районов Ленинграда

напивалось в бункерах с девицами и устраивало стрельбу по портретам Сталина, Жданова, Молотова и других советских вождей. Весной 1942 года руководителю Ленгортранса за восстановление движения трамваев и других подвижных средств были подарены золотые часы стоимостью 5000 рублей. Откуда они возникли в то страшное время? Да из ломбарда, как невостребованная вещь от человека, умершего в первую блокадную зиму. Но ведь в таком случае эти часы должны были строго сдаваться в Гохран! В книге Сушкова есть записка Арсения Зверева, тогдашнего министра финансов СССР, направленная Георгию Маленкову. В ней говорится о колоссальных тратах бюджетных средств руководством Ленинграда и области на бесконечные банкеты и дружеские попойки...

Вот ещё пример: приезжает Алексей Кузнецов в какой-нибудь ленинградский райком, там на трибуне выступает первый секретарь данного райкома. И если тот срочно не прерывает выступления и не представляет Кузнецова партактиву, то секретаря сразу снимают с работы за «неуважение» к высокому начальству. А какие пышные торжества тот же Кузнецов устроил в свою честь в связи с переездом в Москву в 1945 году! Весь город на ушах стоял: вокзал в транспарантах, парадным маршем проходили войска Ленинградского военного округа — целый концерт был!

А что устраивал другой ленинградец-секретарь Пётр Попков, когда на охоту ездил!

Ему сделали специальную дрезину, которую литером пускали по всем железным дорогам, останавливая другие поезда. Есть доказанные данные, как «ленинградцы» забирали у колхозов земли, устраивая там элитные рыболовецкие и охотничьи «хозяйства». Распоясались донельзя! Когда Сталин об этом узнал, судьба провинившихся была, понятное дело, решена.

Малоизвестен также факт, что на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года Сталин с большим трудом пробил решение о том, что отныне всё руководство республиканских, краевых, областных и городских комитетов партии будет избираться на отчётно-выборных конференциях тайным голосованием. Эта новация стала одним из важных столпов установившейся сталинской власти. Историк Сушков в этой связи приводит примеры отчётно-выборных конференций 1948 года по разным областям и краям РСФСР. Например, в Ростове, Ярославле и Костроме первые, вторые и третьи секретари обкомов и горкомов получили от 10 до 130 голосов «против». То есть реально были показаны цифры отношения к региональной партийной верхушке, что было очень важно для Сталина и других членов Политбюро. Исходя из этих данных, можно было делать своевременные кадровые перестановки.

Так зарвавшиеся «ленинградцы», извините, плевали на этот «столп». Ведь не будем

забывать, что само «ленинградское дело» закрутилось с того, что один совестливый парторботник направил в ЦК письмо, где указал, что он как член счётной комиссии своими глазами видел, что против Попкова, Лазутина и Капустина было подано столько-то голосов «против». Но когда Тихонов, один из заведующих отделом Ленинградского обкома и горкома партии (он тогда был ещё объединённым), стал зачитывать результаты голосования, то оказалось, что они получили ноль голосов «против», то есть были избраны единогласно.

Сталин дал команду Маленкову проверить эти факты. Маленков выехал в Ленинград, куда вскоре направились ответработники из Министерства госконтроля (Л.З. Мехлис) и Комитета партийного контроля, то есть подчинённые Матвея Фёдоровича Шкирятова. Накопать удалось многое. Причём Сушков пишет, что сведения, которые он приводит в книге, — лишь малая толика того, что есть в архивах, так как большая часть дел до сих пор засекречена.

Так что расправа с «ленинградской группировкой» была оправдана. И стала нарочито показательной, чтобы другим неповадно было. У нас ведь любят «свистеть»: мол, Сталин на корню изничтожил всех ленинградских руководителей. Ещё бы, а чего бы вы хотели в такой ситуации? Тот же Алексей Кузнецов, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома, какой пост с 1945 года ещё занимал? Руководителя управления кадров ЦК. Вот он и таскал всех своих протеже в Ярославский, Крымский, Псковский, Новгородский и другие обкомы. И его команда, поднабравшаяся своевольных мерзостей в Ленинграде, стала внедрять их и на новых местах.

Это же касается пестовавшейся идеи создания особой «компартии РСФСР». Впервые её подбросил Сталину выходец из Ленинграда Михаил Родионов — тогдашний председатель Совета министров РСФСР. Её активно поддерживал и ряд ленинградских партийных вождей. Они хотели добиться у Сталина учреждения отдельной Российской компартии, первым секретарём которой стал бы Кузнецов и, по сути, по факту тем самым стал бы вровень со Сталиным. Вот какую мыслили заложить мину. И Сталин, естественно, эту опасность увидел.

Вообще, говоря об исторических минах замедленного действия, заложенных в начале прошлого века, нельзя забывать, что большевики пришли на развалины Российской империи, где существовали десятки квазигосударствен-

ных образований. Им надо памятник поставить в каждом городе, что они реанимировали Российскую империю буквально на последнем этапе перед её неминуемой гибелью. Да, они пошли на создание национальной федерации. Но большевики изначально были унитаристами, а вовсе не федералистами, как эсеры, которые собирались создавать и культурно-национальные, и государственные автономии. Но жизнь изменилась, а Ленин, Сталин и их соратники были диалектиками. Другое дело, что внутри партии возникли споры по поводу характера советской федерации, круга полномочий её субъектов и федерального центра.

Сталин выступал с планом автономизации. Он действительно считал, что национальные республики должны войти в состав «большой» России как автономии. А Ленин говорил о том, что надо строить федерацию полноправных республик. Но, опять-таки, на минуточку а Ленин ли это предлагал? Большой вопрос! Как раз осенью 1922 года, в разгар этих дискуссий, у Владимира Ильича был второй инсульт (первый он перенёс ещё в мае). И его знаменитые последние работы по национальному вопросу были уже не написаны, а надиктованы. У нас нет аутентичного ленинского текста, где мы могли бы стопроцентно сказать, что это ленинский автограф. Может быть, кто-то что-то за него написал или дописал, как уж это водится порой в подобных случаях?

Точно так же дело обстоит и со знаменитой фразой Каменева, брошенной им на заседании куйбышевской комиссии Оргбюро ЦК по урегулированию вопросов между федеральным и национальными ЦК: «Я только что был у Ленина, и он мне сказал, что строим “большую” федерацию». А был ли он у Ленина или не был, говорил ему это Ленин или же не говорил, мы точно не знаем.

Вместе с тем, надо понимать, что вплоть до поражения германской революции в 1923 году у значительной части большевистского руководства ещё была иллюзия, что вот-вот победит мировая пролетарская революция. Но если бы в Германии победила советская власть, она что, вошла бы в состав Российской Федерации на правах автономии? Нет, конечно! Она могла войти только в состав Советской Федерации наравне с РСФСР. А отсюда и такая форма национально-государственного устройства. Ленин и Сталин были диалектиками, они шли от жизни, а не от кабинетных доктрин. И это — самое главное.

/ Валентин КАТАСОНОВ /

Экономика Сталина

Опережая время

Являюсь председателем Русского экономического общества имени Сергея Фёдоровича Шарапова. С.Ф. Шарапов — дореволюционный экономист, умерший в 1911 году. Наиболее известная его работа — «Бумажный рубль». И когда я изучал денежно-кредитную реформу в Советском Союзе, то увидел, что многие идеи Шарапова были реализованы.

То есть для индустриализации нужны были интеллектуальные наработки, но не менее

важным было и наличие соответствующих политических условий. В середине 1920-х годов у Сталина были серьёзные оппоненты как слева, так и справа, — они тянули страну в разные стороны: Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сокольников (он же Бриллиант). Кстати, Сокольников был наркомом финансов. Он готовил денежную реформу. Его лгство называли вторым советским Витте. Как вы знаете, будучи министром финансов, Витте провёл денежную реформу, и в 1897 году

у нас был введён золотой рубль. Фактически на Россию была накинута «золотая петля» Ротшильдов. А Сокольников, собственно, хотел проверить то же самое. Однако Сталин вовремя успел сместить его с поста. Слава богу, у нас после нэпа «золотого рубля» в обращении не было. Если бы появился тогда, то мы откатились бы на позиции начала XX века, и у меня не хватает фантазии представить, что произошло бы с нашей страной!

Так что, безусловно, Сталин был человеком с хорошей интуицией. Некоторые говорят, что он был выдающимся теоретиком, приводя в пример его книгу «Экономические проблемы социализма в СССР». С моей точки зрения, Сталин как практик намного интереснее Сталина-теоретика. Самое главное даже не в том, что он что-то изобретал, а в том, что он умел подбирать нужных людей и прекрасно чувствовал общий курс, по которому должна двигаться страна. Он быстро схватывал суть тех или иных предложений, исходивших от экономистов.

Идеологом партии долгое время считался Николай Бухарин. Он утверждал, что нам нужна эволюционная модель индустриализации и что надо начинать с отраслей, в которых происходит быстрое обращение капитала, то есть высокая «рентабельность» капитала. Накапливая капитал, по его мысли, можно было от лёгкой промышленности переходить к тяжёлой и к созданию вообще фундамента для построения мощного государства. Но этот алгоритм был абсолютно нежизнеспособен в условиях жёсткого внешнего окружения России. Сколько раз предпринимались попытки военной интервенции в 1920-е годы. Времени на раскачку не было совсем. Цитирую слова Сталина, сказанные им в 1931 году: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

К этому моменту мы сумели, наконец, подготовить политические предпосылки для индустриализации. Не буду говорить о судьбах оппозиционных сил, но главный оппозиционер Троцкий, как вы знаете, был выслан сначала в Алма-Ату, а потом и за пределы страны. Это, безусловно, облегчило проведение индустриализации страны в необходимом ключе. Основными принципами этого курса стала опора на государственный сектор и централизованное управление экономикой. Тогда не использовалось словосочетание «мобилизационная экономика», но, по сути дела,

это была именно модель мобилизационной экономики.

Сталин придерживался универсального набора плановых показателей независимо от отраслей. Это минимум показателей, одинаковый для всех. Хотя, конечно, у каждой отрасли были и свои специфические показатели.

Когда сейчас говорят у нас о планировании, зачастую выясняется, что имеют в виду простое прогнозирование! А при Сталине было жёсткое директивное планирование, где план становился законом. Конечно, неисполнение закона влекло за собой ответственность, что естественно для экономики рывка, мобилизационной экономики в условиях, приближённых к боевым.

Мне иногда приходится соприкоснуться с некоторыми депутатами нашей Госдумы. У меня складывается впечатление, что далеко не все из них понимают, в какое время и в каком мире мы живём. Я им говорю, что мы находимся в состоянии войны, а они этого понять не могут. Удивительная слепота! Таким людям происходившее в 30-х годах, конечно, представляется чем-то ужасным. Как же, ведь ухудшались условия жизни людей!.. Ведь к стройкам социализма привлекали заключённых из так называемого ГУЛАГа!.. Это же недемократично!..

Вы меня извините, но необходимо понимать: это была война — самая настоящая, необъявленная. Сегодня мы имеем такую же. Я всё пытаюсь достучаться до сознания наших народных избранников, объяснить им, что гибридная война (холодная война) в любой момент может перейти в горячую и чем слабее будет наша экономика, тем больше вероятности для столь катастрофического сценария. Но у многих, увы, атрофировано ощущение времени.

В 30-е годы это чувство времени было приуще не только руководству страны, но и всем людям, которые участвовали в индустриализации, в стройках социализма.

Я не пытаюсь идеализировать ту эпоху. Просто внимательно изучал документы начала первой пятилетки. Начиналась она весьма туго, люди не сразу поняли логику трудового процесса — что и зачем делается. Им надо было объяснить. И на второй-третий год пятилетки начался качественный разворот — люди стали понимать, ради чего они трудятся.

Именно трудятся, а не работают! Я всегда подчёркиваю различие этих слов. Работать может машина, работать может робот, а тру-

даться может только человек! К сожалению, разговаривая с сотрудниками кадровых служб крупных корпораций, банков, слышу от них: «Какая разница, это синонимы!» У них это синонимы, а у нас, православных русских, это два разных понятия. Тогда, в начале индустриализации, люди стали превращаться из работников в трудящихся. Слово «трудящиеся» было популярным, глубоко правильным словом.

Очень часто современные критики сталинской экономики говорят, что она была тоталитарной, жестокой. Но вы лучше посмотрите, какие у них были планы! Они насчитывали тысячи позиций. У некоторых министерств разрабатывались планы по всей товарной номенклатуре, производимой в рамках их отрасли. Доходило и до десяти тысяч позиций! При этом первые десятки или сотни показателей не были стоимостными, они были натурально-физическими. Были тонны, километры, метры, штуки, единицы, киловатт-часы... Это была экономика, заточенная на удовлетворение конкретных производственных и потребительских нужд.

Есть понятие «производственное потребление», есть понятие «личное потребление». На личное потребление работает группа отраслей под кодовым названием «Б», а на производственное потребление — группа под названием «А». Это значит производство средств производства. Безусловно, в условиях индустриализации необходимо было обеспечить ускоренное развитие отраслей группы «А» по отношению к отраслям группы «Б». Ясно, что это не вело к каким-то зримым качественным изменениям в уровне жизни людей, особенно поначалу. Но где-то уже к концу второй пятилетки можно было говорить о реальных качественных изменениях в уровне жизни каждого человека. (Я застал людей, которые жили в довоенных Москве и Ленинграде. Они, конечно, очень переживали при виде разрухи в эпоху 90-х и ностальгически вспоминали конец 30-х — начало 40-х годов.)

Для успеха индустриализации необходимо было провести реформу денежно-кредитной системы. В угаре нэпа, во второй половине 1920-х годов, было создано огромное количество разных акционерных компаний типа «Рога и копыта», в том числе и акционерных банков. Вы не поверите, но тогда в Советском Союзе было около четырёхсот (!) коммерческих банков. Примерно столько же сегодня у нас в РФ. И всё это исчезло в одночасье. В 1930 году была проведена реформа, в результате кото-

рой осталось всего около десяти банков. Все они были государственными, и, естественно, не имели статуса акционерных обществ. Никому и в голову не приходило, скажем, оставить АО со 100%-м участием государства. Это просто было, если выражаться современным языком, что-то наподобие государственного унитарного предприятия.

Главным банковским учреждением был Государственный банк Советского Союза. Был ещё банк, который несколько раз менял свои названия (в 1980-е он назывался Промстройбанком) — мощнейшая организация, которая имела несколько тысяч отделений и филиалов по всей стране и занималась не столько кредитованием, сколько финансированием капитальных вложений. Был Кооперативный банк. Вот он, пожалуй, был единственным негосударственным, представлял собой кооперативный сектор экономики. Я не буду называть все банки, упомяну лишь ещё один — Внешторгбанк. Да, и сегодня есть банк с такой вывеской, но он совершенно не тот, что был в начале 30-х годов. На Внешторгбанк тогда была возложена почётная миссия государственной валютной монополии

Должен сказать, что, к сожалению, до сих пор среди патриотов, в том числе государственных мужей, есть серьёзное недопонимание того, что такое рубль и каким он должен быть. Сейчас на волне энтузиазма некоторые говорят: «Давайте замещать американский доллар, евро и британский фунт российским рублём. Вот мы торгуем нефтью, и давайте требовать, чтобы нам платили рублями, и самим покупать товары за рубли!» Это страшная ошибка!

Сталину, кстати, не раз говорили: «А может, мы, Иосиф Виссарионович, хотя бы частично начнём торговать с другими странами, используя советский рубль?» Он всегда говорил: «Нет! Ни в коем случае!» — так как прекрасно понимал: стоит только условной собаке высунуть хвост на мировой рынок, как тут же посредством хвоста начнут крутить самой же собакой. Видимо, Сталин хорошо знал историю предшествующего столетия, в частности — реформ Александра II. Обычно все вспоминают его освобождение крестьян от крепостного права. Очень тяжёлая реформа, так как был выбран наихудший вариант освобождения для крестьянства. Об этом, кстати, писал Сергей Фёдорович Шарапов. Финансовая, судебная, земская, образовательная реформы, принятые при Александре II, перевели всю Российскую империю на рельсы капитализма.

Это была тихая буржуазная революция. А ведь альтернатива-то была!

Иногда мне задают вопрос: почему Александр II послушал советников и страна покатилась по такому страшному пути? Чтобы ответить на этот вопрос, надо знать биографию человека и тех, кто его учил и воспитывал. Вот Александр III был духовно взращён Константином Победоносцевым, мы это хорошо знаем. И соответственно, Александр III абсолютно отличался от своего родителя в плане экономики и прочих политических решений.

Так вот, Александром II была введена конвертация российского рубля. Он стал свободно выходить за пределы Российской империи, попал на берлинскую, парижскую, лондонскую биржи. Рублём начали играть, курс его стал скакать. Сложно стало пользоваться российским рублём, меняющим свою покупательную способность. И за это ухватились разные «мудрецы», и в ход пошли советы: давайте-ка стабилизируем рубль, сделав его золотым. А тут на подхвате Сергей Юльевич Витте обозначился со своей реформой 1897 года — масон 33-го градуса, к слову.

Так что, думаю, Сталин прекрасно учитывал все эти тонкости. У меня даже иногда возникает ощущение, что он читал «Бумажный рубль» Сергея Шарапова, равно как и книгу русского генерала Александра Нечволодова «От разорения к достатку», в которой подробно и популярно объясняется, как устроены банкирско-ростовщические хитрости. Может быть, читал он и книгу Георгия Бутми «Золотая валюта». В общем, были люди на Руси и в Советском Союзе, которые прекрасно знали ловушки мировых ростовщиков.

Поэтому Сокольников и лишился кресла наркома финансов. Ему не позволили играть в «золотые валюты». Так что ВТБ, собственно, стал держателем иностранной валюты. А сама она в Россию не заходила, что очень правильно.

Сегодня у нас в Конституции есть правильные слова о российском рубле как единственной валюте, обслуживающей внутренний оборот. А другие законы писались уже без оглядки на Конституцию, например, «О банках и банковской деятельности» и «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». По ним, оказывается, можно использовать валюту внутри страны. В общем, полный правовой беспредел.

При индустриализации такое было, конечно, невозможно, так как она могла проходить только в условиях понятных, однозначных

законов в денежно-кредитной сфере. Государственная валютная монополия сама по себе существовать, конечно, не может, а только в паре с другой госмонополией — внешней торговли. Когда я учился в МГИМО на факультете международных экономических отношений, нам много про это рассказывали, но никто никогда не говорил, откуда вообще взялась сама идея. Дело в том, что уже в 1918 году, 22 апреля, был подписан Декрет о введении государственной монополии внешней торговли. Я до сих пор пытаюсь найти того, кто подсказал Ленину необходимость принятия этого гениального декрета, потому что никто до революции эту тему не поднимал. Но попали в самую десятку! Если бы у нас тогда не было государственной монополии внешней торговли, я думаю, и с индустриализацией ничего не получилось бы.

Враг тоже прекрасно понимал, что Россия очень хорошо закрылась ото всех возможных ударов Запада. И государственной валютной монополией, и государственной монополией внешней торговли, и тем, что все банки стали государственными. Не ухватишь! На память приходит и Генуэзская конференция 1922 года. Сталин не участвовал в этой конференции, но тем не менее нельзя забывать, что Запад задумал её как показательную порку России.

Но наша страна хорошо подготовилась к Генуе. Знаю об этом со слов участника этой международной встречи, профессора Николая Николаевича Любимова, тогда — заместителя директора Конъюнктурного института при Наркомате финансов Союза ССР. Было предельно ясно, на какие вопросы нам придётся отвечать. В первую очередь — на тот, что связан с долгами царского и Временного правительств. Но на это был подготовлен очень серьёзный документ — встречные требования к бывшим союзникам по Антанте относительно ущерба, который был нанесён нам в результате морской и торговой блокады, объявленной в декабре 1917 года, а также в ходе военной интервенции.

Запад нам «выкатил» в Генуе долг с процентами на 18,5 миллиарда золотых рублей. Мы же выставили требования на 39 миллиардов золотых рублей! Этот документ готовили

несколько месяцев на основе первичных бумаг, собиравшихся по всей стране. Так что это был не кабинетный продукт, от которого можно легко отмахнуться. Консенсуса, естественно, достичь не удалось, каждый остался при своём.

Вторым пунктом обсуждения были национализированные инвестиции иностранного капитала. Мы тут тоже не пошли на попятную — национализировали, да и всё. Только немцам сделали уступку. Параллельно Генуэзской конференции нашей дипломатии удалось совершить такой финт, от которого бывшие союзники по Антанте просто обалдели. Имею в виду Рапальский мир... Ночью в совершенно секретной обстановке встретились советская (во главе с Чичериным) и немецкая (во главе с Ратенау) делегации и заключили мир, дезавуирующий Версальский договор. Последующие документы предусматривали частичное восстановление позиций немецких инвесторов.

Третьим пунктом преткновения на Генуэзской встрече стало требование отмены нами государственной монополии внешней торговли. Здесь мы встали намертво, и Запад ничего от нас не получил.

Но давайте вернёмся к теме экономического плана и его показателям. До сих пор многие никак не могут понять, как вместо стоимостных показателей, рентабельности и се-

бестоимости можно прибегать к натуральным показателям в виде тонн, штук, квадратных метров и т. д. Однако это был единственный действенный способ уйти от товарно-денежных отношений, как в Англии, Германии и прочих странах капиталистического мира. Мы тогда опережали своё время. До межотраслевых балансов на Западе, между прочим, додумались только в 70-е годы! Это был прототип будущей модели экономики, где деньги представляют из себя не более чем счётную единицу.

Безусловно, это не отменяло всех товарно-денежных отношений, но индустриализация предусматривала, что значительная часть производственных отношений находится вне сферы денег, выпускавшихся Государственным банком Советского Союза. Обмен машинами, оборудованием, сырьём между предприятиями промышленности осуществлялся на основе условных цен. Это были безналичные деньги, там наличные вообще никогда не использовались. А вот в обмене потребительскими товарами деньги оставались, но их оборот относился к оборотам безналичным в соотношении примерно 1:10, причём цены в безналичном обороте могли быть самые разные и условные, диктуемые только необходимостью максимизации результата.

В связи с этим скажу пару слов о том, как устроена вообще корпорация. Знаю об этом, что называется, изнутри, так как работал консультантом в данной сфере. Крупная транснациональная корпорация имеет десятки и даже сотни филиалов, отделений, дочерних структур, между которыми выстраиваются свои внутрикорпоративные отношения на основе трансфертных цен. (Эти цены не имеют никакого отношения к рыночным ценам — ценам, которые якобы регулирует ВТО.)

Чтобы вы представляли себе, примерно треть всего мирового товарооборота сегодня — это внутрикорпоративный оборот. По сути, это своего рода чёрный ящик: что происходит внутри — неизвестно. Понятно, что транснациональная корпорация встраивает свои цены во внутрикорпоративные потоки, дабы оптимизировать конечный результат — прибыль. Именно по такому же принципу устроена была и советская экономика — вспомним появившееся в 30-е годы понятие «единый народнохозяйственный комплекс». То есть Советский Союз был одной большой корпорацией.

Статистика говорит, что у нас было 30 000, а далее — и 40 000 промышленных предприятий. Эти предприятия обменивались полу-

фабрикатами и инвестиционными товарами на основе условных цен таким образом, чтобы на выходе был максимальный результат. Что считал Госплан максимальным результатом? Максимальное удовлетворение инвестиционных потребностей общества и личных потребностей человека. Инвестиционные — это понятно: чтобы производились станки, машины, были полуфабрикаты, сырьё, необходимое для производства конечных продуктов. Конечное звено в личных потребностях — продовольствие, одежда, бытовая техника, жильё и т. д.

Вся эта конструкция собиралась наверху, в государственной плановой комиссии (сокращённо — Госплан). Он использовал балансы, но не только межотраслевые. Были также денежные, финансовые, и всё это сходилась — одно с другим. Более того, уже когда реформа Косыгина–Либермана себя дискредитировала, стали задумываться о дальнейших вариантах.

В качестве одного из них предлагалось использовать возможности электронно-вычислительных машин для того, чтобы оптимально выстраивать потоки товаров, услуг, полуфабрикатов между предприятиями единого народнохозяйственного комплекса. Эту идею защищали академик Виктор Глушков, а также первый директор Центрального экономико-математического института Николай Федоренко. Но к тому времени (концу 70-х) партийно-государственная бюрократия набрала уже немалый вес, и ей такая модель была не нужна. Потому что она отменяла саму бюрократическую прослойку. И, что самое главное, исключала возможность «откусывать», то есть воровать что-либо в этой отлаженной цепочке.

Отдельная большая тема — размывание сталинской модели экономики. Но должен сказать, что после XXII съезда партии, на котором Хрущёв обнародовал Третью программу КПСС, немецкие коммунисты прямо сказали, что это понижение целей. Да и многие советские люди восприняли эту программу так, что к 1980 году всё будет бесплатно. Но если вы целью ставите «кормушку», то идея коммунизма терпит крах. Естественно, что в международном рабочем коммунистическом движении последовала негативная реакция. Я, будучи школьником, помню, как люди хотели дожидаться магического 1980 года. Но на пути к нему в 70-е годы вымахало в полный рост терние государственного капитализма, который вскоре трансформировался в капитализм частнособственнический.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Сталин и глобализация

Уроки прошлого

Меня часто спрашивают: «Что читать о Сталине?» Сразу посоветую двухтомник Святослава Рыбаса «Сталин. Судьба и стратегия». На мой взгляд, лучшее по этому вопросу, потому что в этой книге подробно показано, как объективные процессы совпали с устремлениями отдельно взятой личности. Эта книга не просто о том, что Сталин сделал, чего добился или не добился, — об этом исчерпывающе Юрий Жуков писал и пишет, — а именно, о совпадении человека с эпохой. И, кстати говоря, несовпадения Сталина с эпохой тоже тщательно разобраны в этой книге.

Мы знаем довольно многое про сталинское время, но хочу напомнить, что в Советском Союзе с конца 30-х до конца 50-х годов применялась технология повышения эффективности производства. Японцы нахватались у нас этой технологии, «советское чудо» легло в фундамент их «японского чуда». Лучше всего об этом написано в одной из книг Николая Старикова, где он говорит о методах повышения эффективности труда.

И ещё настоятельно рекомендую к прочтению фундаментальную книгу Андрея Фурсова «Колокола истории»: она даёт глубочайший, на мой взгляд, анализ происходившего после разрушения советской цивилизации. Это «Капитал» эпохи глобализации, — правда, как положено твиттер-эпохе, он намного короче.

А теперь хотел бы привести мою любимую цитату из Сталина. Иосиф Виссарионович был абсолютным практиком, а потому известная формула «бытие определяет сознание» у него звучала так: «Есть логика намерений и логика обстоятельств, и логика обстоятельств сильнее логики намерений». Это крайне полезная максима не только для изучения деятельности Сталина, но и для планирования собственной жизни. Это выстрадано.

Сталин мыслил глобально, системно. В первых, он рассматривал мир как нечто целое, определяя при этом все его значимые субъекты. Во-вторых, мир рассматривался им в динамике, то есть учитывалась история и учитывались планы на будущее, поскольку и то и другое формирует настоящее.

Такое глобальное системное мышление оказалось одним из важнейших факторов, который обеспечил большевикам пугающее интеллектуальное превосходство, которое чувствовали и о котором говорили многие их оппоненты. В этом — источник актуальности Сталина.

Выйдите на улицу — необязательно в Москве — и оглянитесь: то, что вы увидите, на две

трети построено или спроектировано при Сталине. Актуальность Сталина обеспечивается всем ходом нашей истории.

У меня есть такое увлечение — люблю собирать высказывания официальных лиц. В частности, недавно я переслушал последнее публичное выступление Сталина на XIX съезде КПСС. И вдруг обнаружил, что это выступление 1952 года невероятно актуально! В международной части оно было коротеньким: там говорилось о том, что мир изменился и в нём есть международный капитализм. Сталин подчёркивал, что международной буржуазией «знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт». Далее он обращался к представителям коммунистических и демократических партий: «Нет сомнения, что это знамя придётся поднять вам и понести его вперёд, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации».

И сегодня, когда левые и правые в Европе объединяются и формируют правительство (как, например, в Греции и Италии), то делают они это для борьбы с общим врагом — глобальными финансовыми спекулянтами.

Это вечное противостояние: финансового, наднационального по своей природе капитала и капитала промышленного, который национален. В разные эпохи то один из них берёт верх, то другой. Это, собственно, и определяет всю историю капитализма.

Мы видим, что сейчас для борьбы с глобальными финансовыми спекулянтами объединяются силы, которые считают, что противоречия между левыми и правыми менее значимы, чем противостояние между народами и глобальным финансовым капиталом. Почему так? Дело в том, что с начала XIX века, когда глобальные финансовые спекулянты проявили себя как значимую силу, они исходят из необходимости раздробления обществ и государств. Раздробив их на части — по любому признаку — они получают мелкие самостоятельные образования, которыми удобно управлять через международные финансовые рынки. А большими странами управлять сложнее, поскольку, в силу величины своей экономики, такая страна сама может влиять на международные рынки, формировать свою жизненную среду и быть действительно независимой.

С этой логикой Сталин столкнулся непосредственно. Потому что его время совпало со временем выхода на поверхность запад-

ных глобальных финансовых спекулянтов и с их дальнейшей консолидацией. Сначала — в лице Федеральной резервной системы, потом в форме превращения США в оргструктуру глобального управляющего класса, которое завершилось уже при президенте Никсоне. Сталин столкнулся с этой уже достаточно зрелой системой, когда миром стали неприкрыто управлять финансовые спекулянты.

Вернёмся к началу XX века. В 1910 году президент и будущий председатель Верховного суда США Тафт сказал: «Доллар будет сражаться лучше снарядов и лучше солдат». В 1912 году американцы попытались разжечь Первую мировую войну. Тогда ещё не получилось, так как европейские социалисты сказали: мы этого не позволим. В 1913-м была создана Федеральная резервная система США — и в 1914 году война разгорелась как миленькая.

В Первой мировой были уничтожены четыре империи, об этом все знают. Но часто забывают, что та война очень сильно надорвала и Британию, и Францию. Дорога финансовым спекулянтам была открыта.

1920-е годы для Америки стали временем процветания, временем безумия финансовых спекуляций — потрясающих по своим масштабам. В Европе тогда всё было плохонько, она восстанавливалась после войны и захватывалась американским капиталом.

Но в результате глобальные спекулянты заигрались. Возникли две проблемы: во-первых, масштабы интеграции мира превысили возможности управляющей системы, и, во-вторых, в каждом из пяти макрорегионов начали загнивать промышленные монополии, так как им стало не хватать рынка.

Таковы же проблемы, разрушающие и наш сегодняшний мир. С одной стороны, масштабы интеграции, когда есть один-единственный глобальный рынок, превысили возможности управляющей системы. И мы плачем вместе с американцами о том, что главный регулятор мировых рынков оказывается одновременно его главным участником, а в результате эти рынки разваливаются. С другой стороны — то же самое загнивание монополий, только не в пяти макрорегионах, а в глобальном масштабе.

Есть чудесные фотографии с новенькими южнокорейскими и японскими автомобилями — до горизонта. И никто не знает, что с ними делать. Поскольку глобальный рынок один, перепроизводство наблюдается и в финансовой, и в информационной сферах.

Во времена Сталина, в конце 20-х годов, это привело Запад к «Великой депрессии», а затем — и к войне.

Сейчас проблема глубже, потому что речь идёт уже не о переделе рынков, а о разрушении рынка как такового. Деньги уступают место технологиям, деньги перестают быть нужными для управления людьми.

Что такое деньги с точки зрения управления? Инструмент лёгкого и эффективного управления людьми. Благодаря им можно делать так, чтобы, как в анекдоте, кошка лизала горчицу добровольно и с песней.

А в то же время, зачем управлять людьми косвенно — через деньги, когда можно управлять ими уже непосредственно — через социальные платформы? Эти технологии уже отработаны достаточно хорошо. То есть нынешний кризис будет глубже и многообразнее того, что уже было.

Ведь сейчас меняется характер самого человечества. Всю историю мы меняли окружающий мир, мы к этому приспособлены. Но уже целое поколение человечество занимается изменением своего восприятия окружающего мира — занятием противоестественным. Это стало главным делом современного человека. И это — симптом какого-то глобального разворота истории.

Хотя грядущий кризис будет глубже и серьёзнее «Великой депрессии», уроки её актуальны и сегодня. Та глобальная депрессия, в которую мы входим сейчас, — это такой же вызов, такая же угроза и такой же шанс, какими была «Великая депрессия» для Сталина. Ведь вспомним: наша страна подошла к 1929 году в состоянии, которое очень сложно как-то цивилизованно охарактеризовать. Сталин взял власть в свои руки как раз к этому году. До этого была достаточно зыбкая система с постоянной борьбой за власть в разных конфигурациях. К 1929 году страна ещё не оправилась от последствий Гражданской войны, мы были слабы.

У нас очень любят превозносить нэп. Да, он дал стране наесться, это правда, и это действительно выдающееся достижение. Но к концу 1920-х годов 80% предпринимателей занимались разграблением государственных ресурсов. Прямо, откровенно!.. Показанное в образе Остапа Бендера как анекдот, это было повседневно, хозяйственной рутинной. Уголовные дела того времени, где одного поймали, а пятьдесят продолжали чувствовать себя прекрасно, показывают ситуацию достаточно ярко.

Страна была нежизнеспособной. И, кстати, нельзя забывать, что Троцкий тогда был главой Главного концессионного комитета (Главконцесскома), официальной задачей которого было помогать Западу осваивать природные ресурсы Советской России. Нам с барского стола тоже кое-что перепало, но немного. В таких условиях и произошёл развал глобального капиталистического проекта.

К концу 20-х годов и у советского руководства не было глобального проекта поскольку, после того как в 1923 году окончательно провалилась революция в Германии, цель на мировую революцию перестала быть самоочевидной. Стало ясно, что сделать социалистической Европу невозможно: не позволяют обстоятельства, не позволяют Англия и Франция, которым интеграция Германии

с Россией была не нужна так же, как за век до этого, и так же, как спустя век после этого. Поворот от ситуации, когда Германии отводилась роль промышленного центра, а России — её сельскохозяйственного придатка, был неизбежен.

Официальным языком Коминтерна был немецкий, предполагался и переезд его руководящих органов в Берлин. А их месторасположение определяло власть в самом Коминтерне — коммунистическая партия страны, где находился Исполком, получала «контрольный пакет» голосов. В этой ситуации разворот от глобальных целей к национальным интересам происходил медленно и в то же время стихийно. Сталин смог стать выразителем этого процесса.

Коминтерн начали репрессировать с 1936 года, ещё до войны в Испании. Война в Испании процесс этот приостановила, но позже он наложился на последствия сталинской демократизации, которую мы знаем как «Большой террор».

Сразу после коллективизации у нас начали развивать рыночные отношения — то, что теперь иногда называют «сталинским рынком». Стали создаваться по всей стране «колхозные рынки» (моё поколение их ещё застало в юности). Но происходило всё это не быстро, экономический разворот требовал времени. Это был процесс взросления управляющей системы и самого общества.

Сейчас перед нами стоят те же проблемы, которые когда-то решал Сталин. И очень важно

изучить его опыт, в том числе то, что было тогда сделано, может быть, не совсем корректно.

«Переиздание» «Великой депрессии», которое нам предстоит, может породить войны, но они не будут способом решения проблем. Что сделала в своё время Вторая мировая война? Она из пяти макрорегионов: Британской империи, Советского Союза, объединённой Гитлером Европы, Соединённых Штатов Америки и Японии, — сделала два. Произошло укрупнение макрорегионов, уровень монополизации упал. Хватило на четверть века по-хорошему и на 45 лет по-плохому.

А сейчас мир един, и теперь, чтобы увеличить масштабы, его опять делят на кусочки. Мы живём в условиях начинающегося распада глобального мира. Протекционизм Трампа — абсолютно естественное стремление американского общества к выживанию. Другое дело, что свои проблемы американцы перекладывают на всех остальных, они не хотят повторять ошибок Британской империи.

Мир развалится на макрорегионы, процесс этот может быть очень болезненным, всем будет крайне сложно приспособиться к новым условиям. Появятся новые классы технологий, потому что нынешние технологии слишком сложны и чересчур дороги. К тому же они требуют слишком большого количества потребителей. Они — продукт глобальных монополий, которые зарабатывают на издержках, а не на прибыли.

Мир изменится, и понадобится решать новые задачи, но придётся решить и много старых задач. Сталин актуален сегодня именно как человек, который показал, как решать большое количество задач, возникающих в силу объективных исторических причин, и как решать их одновременно и комплексно.

Очень распространено представление о Сталине как о человеке жестоком. Об этом говорят и его критики, и его сторонники. Но, во-первых, давайте не будем забывать, что судьбы страны тогда вершило поколение, прошедшее через Гражданскую войну. А Сталин в 1936 году решил демократизировать систему и ввести конкурентные выборы. Я долго не понимал истоков пресловутого 1937 года, пока своими глазами не увидел, что произошло с партией «Единая Россия» во время так называемых праймериз. Какие только способы устранения конкурентов ни были пущены в ход людьми, воспитанными гуманнейшей в истории советской цивилизацией, — чего ж можно было ждать от исчадий Гражданской войны?!

В огне 1937 года сгорели почти все, кто его разжигал, но партхозноменклатура как класс выжила и окрепла.

Сейчас дополнительным поводом для оптимизма является то, что, скорее всего, глобальный кризис ударит раньше, чем вызреет внутрироссийский. Вызревание нашего внутреннего кризиса идёт медленнее, чем вызревание глобального. Вероятно, мировой кризис проявится уже в конце 2020 года. Возможно, его спусковым крючком станет ситуация с Трампом и представителями глобальных спекулянтов. Вспомните кризис 2008 года, он был абсолютно рукотворным. Потому что до него такие банки, как «Леман Бразерс», эффективно спасали. Их можно было спасать ещё два-три года, оттягивая кризис. Но этот банк не стали спасать, поскольку он многим насолил лично. В итоге был создан кризис, который объявили делом рук республиканцев и усадили в президентское кресло демократа Обаму. Вероятно, и теперь финансисты будут форсировать кризис в США, думая, что это всего лишь внутриамериканская разборка с сугубо локальной целью — свалить Трампа. А из-за этого в глобальную депрессию может сорваться вся мировая экономика.

Уже 20 лет мир балансирует на грани этой депрессии. И может ещё какое-то время балансировать, но нынешний технический анализ рынков с очевидностью указывает на проблемный участок — конец 2020 года. Люди, которые пытаются осуществлять структурный анализ мировой экономики, говорят, что капитализму уже пора на тот свет! А политологи от них не отстают, заявляя: «Можете себе представить миллион людей, штурмующих американский Белый дом? И что будет в этой ситуации с вашими несчастными фондовыми рынками?» Когда люди, изучающие разные проблемы с разных сторон приходят к аналогичным выводам, это, по крайней мере, достойно внимания.

Мы живём в эпоху, когда государственность как таковая (какая угодно: косая, кривая и т.д.) оказывается огромным и достаточно редко встречающимся благом. Поэтому лучше жить при плохом государстве, чем пытаться хорошо жить без него.

В этой ситуации Сталин становится очень актуальным. Не только потому, что мы живём в цивилизации, им созданной. Другой цивилизации никто придумать не может. Главное — нам предстоит решать очень скоро те самые задачи, которые успешно решал Сталин в куда худшей ситуации.

/ Екатерина ГЛУШИК /

Сталин – организатор жизни города

*Фрагмент из бесед с приемным сыном И.В. Сталина
Артёмом Фёдоровичем Сергеевым*

Иосиф Виссарионович Сталин был великим организатором. Этого не могут отрицать даже его враги: мощное строительство, небывалое развитие искусства и культуры, науки, основание научных школ, механизация сельского хозяйства... Велись ли дома разговоры об этих государственных делах, обсуждались ли вопросы строительства, например? На эту тему мы ведем разговор с Артёмом Фёдоровичем.

Е. Г.: Ездил ли Сталин по Москве, осматривая ведущееся мощное строительство? Говорят о сталинском стиле в архитектуре. А формировал ли он его?

А. С.: Да, постоянно ездил осматривать стройки. И когда мы с ним ехали в машине, он показывал на появляющиеся здания, комментировал, рассказывал. Или говорил, что должно быть там или здесь построено. Я помню его разговор в машине с Лазарем Моисеевичем Кагановичем. Это был 1935 год. Каганович был первым секретарём Московского комитета партии. Речь шла о Дворце Советов, который планировался на месте храма Христа Спасителя. Они говорили, какие здания должны быть убраны с Волхонки. От площади Дзержинского, то есть с Лубянки, должен был идти проспект ко дворцу.

Е. Г.: А как Сталин относился к Москве как к городу?

А. С.: Он считал, что Москва должна сохраниться в её стиле. Кое-кто предлагал все снести и заново построить, кто-то желал на новом месте столицу строить. А Сталин говорил, что надо обновить, почистить и чтобы она сохранила свой характер и замысел, идею её градостроительства. Ведь центр Москвы — это колокольня Ивана Великого, потом шатровые церкви, дороги кольцевые. А когда стали строить высокие дома, то и колокольня потерялась, и церкви были закрыты домами. Сталин хотел в центре поставить Дворец Советов, чтобы он возвышался над зданиями, как в своё время колокольня Ивана Великого, построить высотные здания наподобие шатровых церквей, то есть поднять Москву. Кольца оставались: и А — Бульварное кольцо, и Б — Садовое кольцо, по которым ходили трамваи «А» — «Аннушка» и «Б», который то «бьякой» называли, то «бабушкой». Ну и помню его разговор относительно конкретного дома. Это было 17 мая 1937 года. Дом стоит напротив Киевского вокзала с другой стороны, на Дорогомиловской улице: 5-этажный стилобат, а центральная часть — 8-этажная.

Шёл разговор о сроках строительства. Сталин сказал: «Думаю, что три года и три недели достаточно, чтобы выстроить такой дом». И дом был в эти сроки построен и заселён. А строители говорили, что нужно больше времени на это строительство. Дом был долгостроем. Кстати, туда вселился и мой соученик по 10-му классу спецшколы.

Е. Г.: Вы говорили, что для него авторитетом в архитектуре был Жолтовский. От кого вы этого слышали?

А. С.: От людей в доме слышал, когда шёл какой-то разговор и ссылались на мнение Жолтовского, Щусева, Щуко, Иофана и на мнение Сталина об их суждениях. И сам Сталин называл эти имена, если шёл разговор о строительстве или проектировании зданий. Но свидетелем тому, чтобы именно они — Сталин и Жолтовский — разговаривали друг с другом, я не был.

Е. Г.: Сталин был аскетом, но высотные дома не только удобны, но и красивы, в фойе некоторая даже и роскошь. В сталинских домах высокие потолки, большие кухни.

А. С.: В этом стиле — сочетание классики и модерна. Классика и конструктивизм, некоторое обновление согласно новым технологиям того, что уже было создано в истории. Аскетом он был сам, но о благосостоянии людей думал постоянно и работал над этим.

Е. Г.: В его библиотеке были альбомы по архитектуре?

А. С.: Не помню. Хорошие альбомы живописи русской классики были, это да, это помню. Мы рассматривали их.

Е. Г.: Для того чтобы вести такое строительство, нужны кирпичные, цементные заводы.

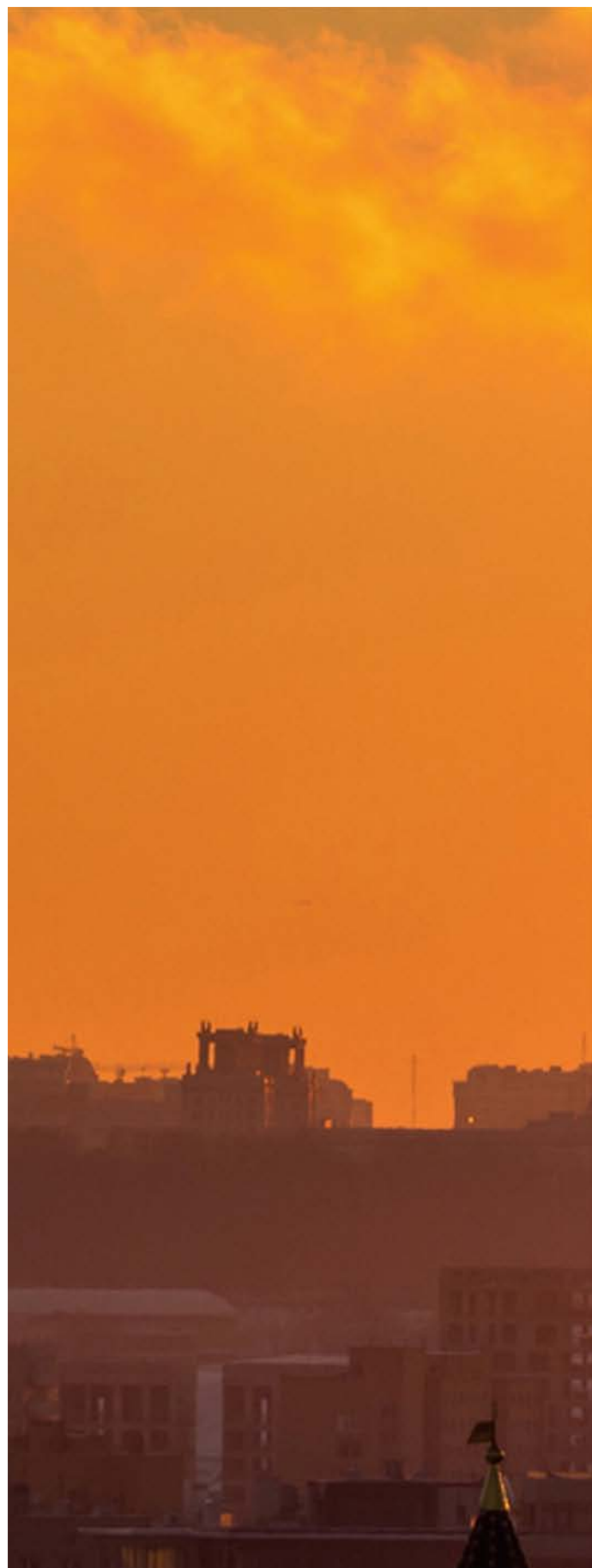
А. С.: Конечно. И они строились. Возьмите Одинцово: это фактически посёлок из нескольких кирпичных заводов. Там есть несколько озёр — это как раз места выемки глины. В правление Хрущёва это всё было закрыто. Хрущёв говорил: «Кто за кирпич и против железобетона — тот мой враг. Кирпичники — мои враги». При нём ликвидировали кирпичные заводы. После него оказалось, что кирпич в промышленных масштабах негде делать.

Е. Г.: Был ли Сталин формалистом, буквоедом?

А. С.: В некоторых вопросах, конечно, он был педантичен, точен. Совершенно чётко требовал

исполнения и следил за выполнением принятых решений. Но не был формалистом ради самой формальности. Это можно продемонстрировать на таких примерах. Мне рассказывал маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев, дело было в 1942 году. Яковлев тогда ещё недостаточно знал характер Сталина. Когда Яковлев пришёл к нему по вызову, Сталин сразу сунул ему бумагу и сказал: «Это что такое?» Яковлев прочитал. А это жалоба какого-то начальника, что формируемой кавалерийской дивизии выданы шашки, на эфесе которых выгравировано «За Веру, Царя и Отечество». Яковлев воспринял это как серьёзный упрёк и стал докладывать: ошиблись, не успели, у нас шашки не производятся, и мы пользуемся запасами ещё царского времени, но когда мы выдаём формируемым дивизиям эти шашки, стираем эту надпись, ну а здесь пропустили — виноват. Тогда Сталин спрашивает: «А шашкой с такой надписью немцу голову срубить можно?» Яковлев отвечает, мол, можно, конечно. Сталин: «Тогда дай им бог и за веру, и за царя, и за отечество. А дурака этого, что жалуется, — чтобы в Москве больше не было». И ещё сказал, мол, с такими формалистами будьте осторожны: они — опасные люди. Ещё один специалист написал Сталину, что Яковлев игнорирует производство химических боеприпасов в то время, когда это очень важно. Яковлев Сталину доложил: «У нас достаточно химических боеприпасов. Сейчас химия не применяется, у нас есть запас. Если потребуется, мы можем возобновить это производство. А сейчас нам нужны осколочно-фугасные снаряды». На что Сталин сказал: «Наверное, этих любителей химии надо отправлять начальниками химических складов. Пусть нюхают химию, сколько хотят, чтобы мало не казалось». Или возьмите пример с разгрузкой сахара в Мурманске. Начальником порта во время войны там был Папанин, и вот пришёл корабль, гружённый сахаром, необходимо быстро разгрузить, пока не налетели немецкие самолёты и не разбомбили, а людей для разгрузки нет. И Папанин распорядился каждому, кто будет работать на разгрузке, выдать мешок сахара. Ну, разгрузили. Сталину докладывают о таком самоуправстве Папанина, разбазаривании им продуктов и требуют для него серьёзного наказания. Сталин спрашивает: «Кто съел этот сахар?» (То есть выданный Папаниным.) Там замялись. Как кто? «Ну кто его съел? — опять Сталин спрашивает. — Люди?» Ему отвечают, мол, да, конечно, люди. А он: «А вы бы хотели, чтобы рыбы съели?» И разговор был окончен.

/ Ольга ЧЕТВЕРИКОВА /

Сталин и Ватикан

Сталин как охранитель православия

И. В. Сталин не только прекрасно разбирался в геополитических процессах, но и имел богословское образование. В силу этого он не мог не понимать той роли, которую играет Ватикан как религиозно-политическая организация, значение которой особенно усилилось после Второй мировой войны. Именно ясная и принципиальная позиция тогдашнего руководства нашей страны в отношении Ватикана обеспечила возможность Русской православной церкви утвердить документы, которые имеют непреходящее значение для защиты духовной независимости нашего народа.

Вначале надо кратко выделить этапы отношений между СССР и Св. Престолом (до 1926 г. не использовалось название Ватикан). Первый этап длился с 1917 по 1927 год. В эти годы Св. Престол стремился наладить связи с послевоенным правительством и был нацелен на сотрудничество. Затем он прекратил какие-либо попытки сближения и занял жёстко антикоммунистическую и антисоветскую позицию. Особняком стоит период Второй мировой войны, когда были сделаны попытки пойти на контакт, но он сменился ещё более жёстким послевоенным противостоянием, которое длилось до начала 60-х годов. Хрущёвское время стало периодом экуменической открытости, которая при Л.И. Брежнев стала сходить на нет. Однако с началом перестройки активное сотрудничество под флагом межрелигиозного экуменического «диалога» увенчалось установлением дипломатических отношений и превращением Ватикана в политического партнёра современного руководства РФ. Мы рассмотрим только дохрущёвское время.

Послевоенный период стал годами тяжёлых испытаний для нашей церкви, поскольку большевистское руководство взяло курс на её вытеснение и устранение из общественной жизни страны. В этих условиях папство, заняв

нейтральную позицию, решило использовать данную ситуацию в целях укрепления своего влияния в России, рассчитывая на то, что большевики нанесут такой удар по православию, после которого наша Церковь не сможет выжить и её место займёт католицизм.

Эта стратегия замены православия была разработана папством ещё до прихода к власти большевиков. В годы Первой мировой войны Бенедикт XV, которого называли немецким папой, сделал ставку не на Антанту, в которой участвовала Россия, а на германо-австрийский блок, поскольку именно с его победой он связывал возможность широкого проникновения в Российскую империю. И если до этого главным фактором влияния католицизма была Брестская уния, то в ходе мировой войны у него появилась возможность уже полностью подчинить себе западнорусские церковные приходы на оккупированных территориях. Главным центром по отработке соответствующих «технологий» была выбрана Галиция, а ключевую роль призваны были сыграть униаты.

Но произошла Февральская революция, в результате которой Временное правительство отменило все ограничения для католиков. Рим с удовлетворением встретил свержение царя, признал новое правительство, и уже 18 марта 1917 г. поверенный в делах России при Св. Престоле Николай Бок сообщал депешей министру иностранных дел Павлу Милюкову, что папская нота от 9 марта означает официальное признание нового строя. Ватикан рассчитывал на то, что с падением царизма влияние Православной церкви ослабеет и откроется возможность для католической пропаганды и унии. Как писал тот же Бок, в связи с сообщением о революции в России Ватикан испытал «чувство эгоистической радости за интересы Католической церкви». Бок хорошо знал ситуацию и говорил, что «на Россию Ватикан

никогда не перестанет смотреть как на тучную ниву, которая может дать ему когда-нибудь обильную жатву». О том же телеграфировал поверенный в делах России в Париже: «Ватикан считает, что создавшееся у нас положение представляет особенно благоприятные условия для католической пропаганды».

Уже в мае 1917 года была Ватиканом создана Конгрегация по делам восточных церквей. И если раньше папство насаждало униатство и проводило беспощадную латинизацию, то теперь главную роль стали отводить католическому восточному обряду, который называли тем «мостом», по которому Рим войдёт в Россию.

Этот вопрос крайне актуален, поскольку именно такие криптокатолические иезуитские уловки стали в наше время главным инструментом обработки православных. Суть по-новому понятого восточного обряда в том, чтобы сохранить в Русской церкви её православный обряд, каноническое право, догматические положения, но подчинить её юрисдикции римского епископа через признание его первосвященства. И если формальная уния была нацелена на церковную иерархию, то восточный обряд — на простых мирян. Исследователь Константин Николаев так описывал это явление: брался русский православный обряд в его предвоенном виде, и папа римский клал на него свою каноническую печать. В силу этого православные приходы переходили из юрисдикции православного епископа в юрисдикцию епископа католического, то есть не было никакой унии в смысле

соединения, а было поглощение Католической церковью восточного обряда православных приходов. Для изучения и воспроизведения догматических, литургических, канонических вопросов и духовных традиций православных церквей был создан специальный Папский восточный институт.

Именно эта стратегия и осуществлялась папством после прихода к власти большевиков. Прекрасно понимая, в каком положении находится наша Церковь, Ватикан попытался наладить отношения с новым режимом. В 1923 г. патриарх Тихон по этому поводу писал: «Пользуясь происходящей у нас неурядицей в Церкви, римский папа всячески стремится насаждать в Российской православной церкви католицизм...» Действительно, католики считали, что после падения большевиков или их отказа от своей антицерковной политики, поскольку Православной церкви уже якобы не будет, должна появиться некая новая церковная организация. Она должна обладать большими средствами и техническим аппаратом, так как это привлечёт к ней «усталые сердца русских людей и церковно объединит их под началом Рима».

Папство пыталось представить крушение России как божественное наказание за нежелание вступить в союз с Римом. Неслучайно были совершенно нормальными, обыденными такие высказывания, как, например, бенедиктинца Хризостома Бауэра: «Большевики умерщвляют священников, оскверняют храмы, но не в этом ли как раз заключается религиозная

миссия безрелигиозного большевизма, что он обрекает на исчезновение носителей схизматической мысли, делает, так сказать, “чистый лист” (tabula rasa) и этим даёт возможность духовному воссозданию?» А один венский католический печатный орган так дополнил тогда эту мысль: «Большевизм создаёт возможность обращения в католичество неподвижной России».

В силу этого в 20-е годы XX века главной задачей папства было добиться соглашения с большевиками, выторговав большие уступки Католической церкви и утвердив католицизм восточного обряда. Вокруг этой схемы вёл переговоры с наркомом по иностранным делам РСФСР Георгием Чичериным кардинал Пьетро Гаспарри на Генуэзской конференции 1922 года. Далее переговоры вёл уже Эудженио Пачелли — будущий папа Пий XII. На первый план тут выходит иезуит Мишель д’Эрбиньи, который несколько раз на протяжении 20-х годов ездил в Россию и написал книгу, которая крайне положительно оценивала большевистский режим. В ней он, например, утверждал, что коммунистический универсализм и католический унитаризм необходимо соединить. Главная же ставка делалась на криптокатолицизм, то есть замаскированный католицизм, когда фактически всё остаётся православным, вплоть до внешней юрисдикции, но иерархи тайно принимают католицизм. Для этого в 1929 году был создан Папский колледж «Руссикум» («Коллегиум Руссикум»), который призван был готовить священников католического восточного обряда.

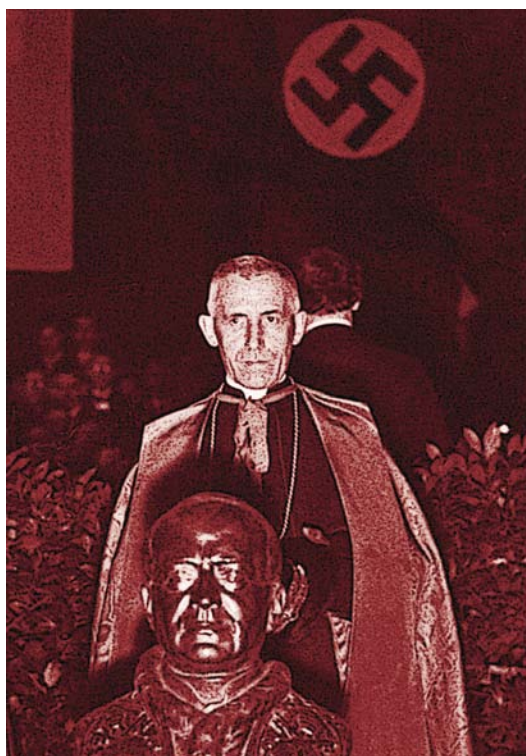
Попытки договориться с большевистской властью закончились в 1927 году в связи с выходом известной декларации митрополита Сергия Страгородского о налаживании отношений Русской православной церкви с советской властью. После этого руководство Католической церкви резко сменило свою позицию. В 1930 году тогдашний папа Пий XI издаёт послание, объявлявшее молитвенный крестовый поход «за Россию», а д’Эрбиньи издаёт новый труд — «Антирелигиозная война в Советском Союзе», в котором совершенно в других красках и терминах обрисовывает реальность СССР. В 1937 году выходит папская энциклика *Divini Redemptoris*, которая уже обличала «безбожный коммунизм». Выходит, понадобилось без малого 20 лет, чтобы Католическая церковь высказалась, наконец, по поводу атеистического коммунизма. И далее весь предвоенный период был заполнен антикоммунизмом и антисоветизмом.

Между тем в самой Италии к тому времени был установлен фашистский режим, с которым

Св. Престол в 1929 г. подписал конкордат (по которому, в том числе, создавалось государство Ватикан), а в 1933 г. подписывается договор и с нацистской Германией. Таким образом, Ватикан де-юре признал эти режимы, оформив свою к ним лояльность. Фактически папство оказалось под контролем новых властей, и, видимо, неслучайно Черчилль сообщал, что в 1935 г. И.В. Сталин, беседуя с французским министром иностранных дел П. Лавалем, произнёс известную фразу в адрес Ватикана: «А сколько дивизий у папы римского?» Имелся в виду всем очевидный факт, что Ватикан не играл самостоятельной политической роли в Европе.

Однако на фоне видимого подчинения итальянскому и немецкому режимам началась скрытая переориентация Ватикана на США. Эта политическая игра велась Эудженио Пачелли, будущим папой Пием XII, который в 1936 г., будучи в США, установил тесные контакты с американскими промышленными и банковскими кругами. Встречался он и с Рузвельтом, с которым у него была продолжительная переписка вплоть до смерти последнего в апреле 1945 г. Так начинал завязываться тесный американо-ватиканский союз, взаимовыгодный для обеих сторон.

Для Ватикана США становятся главным источником финансирования. Он, например, имел такие тесные отношения с Морганом, что в начале 1938 г. банкиры Дж.П. Морган

(младший) и Т. Ламонт (оба не католики) были награждены высшими ватиканскими орденами. Не будем забывать и про мощную Католическую церковь США. В свою очередь, американцев Ватикан интересовал не только как религиозный центр (это в перспективе), но и как источник обширной информации, который можно было использовать для влияния на другие страны. Спецслужбы Ватикана считались тогда наиболее информированными, так как обширнейшая сеть его религиозных связей позволяла проводить разведывательные мероприятия. В 1939 году Св. Престол поддерживал дипломатические отношения с 37 странами, и в 22 из них присутствовали апостольские легаты. Так что госсекретариат Ватикана, при своей небольшой численности (32 человека), имел гигантский разведывательный аппарат. На него работали епископы, священники, различного рода ордена, благотворительные организации и фонды — словом, целые сети, которые должны были передавать информацию в одну точку.

С началом Второй мировой войны Пачелли (теперь уже папа Пий XII) оказался в двусмысленном положении. Он не стал объявлять Германию агрессором под предлогом, что папа не может вмешиваться в международную политику, и, провозгласив нейтралитет, до самого конца войны не сделал ни одного заявления в поддержку той или иной стороны. Не осуждая действий Германии и её сателлитов, он, вместе с тем, не только не закрыл, но активизировал атлантическое направление своей политики. В этом были заинтересованы и американцы,

исходившие из того, что Ватикану предстоит сыграть главную роль в идейно-политической стабилизации послевоенной Европы.

Для более тесной связи с правительством США папа римский основал Вашингтонское архиепископство и назначил архиепископа Фрэнсиса Спеллмана главой католического духовенства всей американской армии. Коммуникация со Спеллманом у него была довольно плотная. А Рузвельт тем временем в январе 1940 г. назначил своего личного представителя при понтифике, которым стал бизнесмен Майрон Тейлор. Он находился в Ватикане с титулом «чрезвычайный посол» и был связан с Госдепом США. Создалась щекотливая ситуация, поскольку официальных отношений не было, а представитель (позже им стал заместитель Тейлора) в Ватикане был. Совсем парадоксальной она станет, когда Америка вступит в войну и её представитель будет сидеть в Риме, то есть столице вражеского государства, получая необходимую ему информацию о ситуации в Европе.

В мае 1940 г. Ватикан, учитывая положение дел на фронте, при посредничестве кардинала Спеллмана перемещает свой золотой запас в 7,7 млн долл. из Лондона в хранилище на территории американской военной базы Форт-Нокс, и с этого времени Федеральная резервная система США превращается по факту в главный иностранный банк Ватикана. Так оно было на протяжении всей войны. Ватикан регулярно получал от США крупные суммы, которые представлялись в качестве «даров католиков», но в действительности поступали из секретного

фонда Рузвельта. А понтифик, хорошо понимавший будущую роль США, высокопарно писал президенту уже в августе 1940 г., что он надеется «рассчитывать на поддержку президента в поисках золотого века христианского согласия ради духовного и материального улучшения человечества».

Итак, мы описали положение Ватикана. Что же касается советского руководства, то оно в эти годы знало не так много о том, что происходит внутри самого Св. Престола, и о его тайной деятельности. Ситуация начала меняться только в конце 30-х годов, когда разведку возглавил Л. Берия. Им были набраны новые кадры, двое из них — специально на ватиканское направление. Это были Николай Горшков, направленный в Рим в 1939 году, и Глеб Рогатнев, который с октября 1940-го по август 1941-го был резидентом советской внешней разведки в Италии. Им помогали два римских агента: Гао, который был вхож в политические круги, и итальянец с оперативным псевдонимом Друг, бывший агентом широкого профиля. Им удалось получить подробную информацию о деятельности коллегии «Руссикум», благодаря чему под контролем советской разведки оказалась операция по засылке на Урал нескольких его учеников, которых перевербовали по их прибытии на место. С началом Великой Отечественной войны Рогатнев вернулся в Москву, а Горшков переехал в Каир в советскую миссию при союзном командовании и до 1944 года в Риме не появлялся.

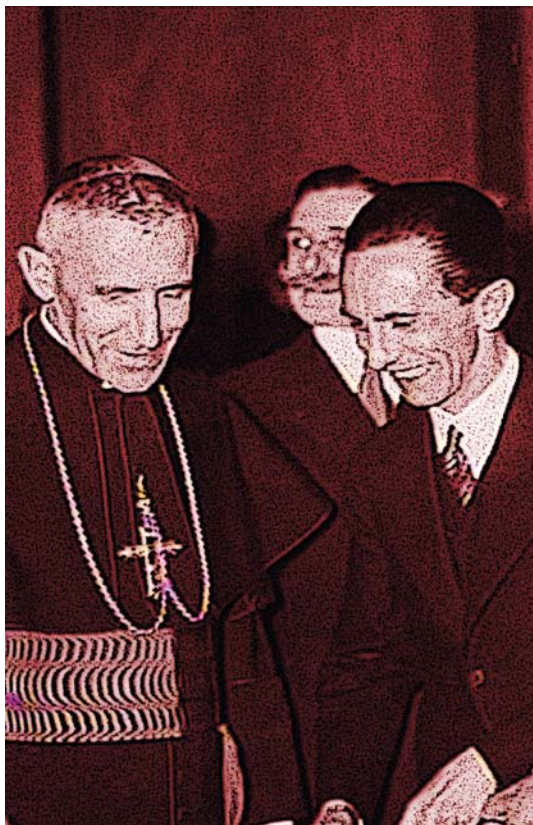
С нападением Гитлера на Советский Союз Пий XII и его окружение оказались в ещё более сложной ситуации. С одной стороны, они желали поражения нашей стране, рассматривая нас в качестве главного врага, а с другой стороны, понимали, что если нацизм победит, то католичество как таковое перестанет существовать в силу несовместимости с нацистской идеологией. Но, главное, они учитывали позицию англо-американцев, которые после вступления США в войну стали нашими союзниками.

В силу этого, несмотря на давление со стороны Гитлера и Муссолини, папа так и не высказал ни одного слова одобрения их войне против СССР. А госсекретарь Ватикана Доменико Тардини в ответ на просьбы немецкого и итальянского послов обозначить более чётко свою позицию в отношении СССР заявил: «Отношение апостольской столицы к большевикам не требует никаких новых изъяснений. Если речь идёт обо мне, то я был бы чрезвычайно рад, если бы коммунизм был повержен. Он яв-

ляется самым серьёзным, но не единственным врагом Церкви. Нацизм тоже преследовал и всё ещё преследует Церковь. Если бы апостольская столица вспомнила публично об ошибках и ужасах коммунизма, то она не смогла бы обойти молчанием заблуждения и преследования нацизма. Поэтому она придерживается в настоящий момент не доктрины крестовых походов, а руководствуется поговоркой «один дьявол другого гонит»; если тот, другой, хуже, то тем лучше». Такую же позицию, как мы знаем, занимало и англо-американское руководство.

Вместе с тем, желая использовать ситуацию в своих интересах и понимая, что при завоевании большей части территорий Советского Союза нацисты не допустят туда католиков, римские легаты решили подсуесться и заложить свои базы ещё до того, как немцы там крепко обоснуются. Секретарь Священной конгрегации по делам Восточной церкви Эжен Тиссеран разработал целый план действий («Апостолат в России»), который был скоординирован с главой Ордена иезуитов В. Ледуковским. Чтобы «не поранить», как указывалось, «патриотических чувств русских», было решено сделать всё, чтобы не возникло впечатления, будто существует какая-либо связь между отправкой священников и наступлением немецкой армии. Схема операции Тиссерана предполагала вербовку капелланов для сопровождения немецких частей и сбора информации, но успехом она не увенчалась, так как немцы не допустили

действий ватиканской агентуры на «своей» территории.

Таким образом, Ватикан играл на два фронта, но его антисоветская позиция мешала американскому руководству, которому требовалось переломить сопротивление американских католиков, выступавших против сотрудничества с СССР. В связи с этим американцы начали склонять папство к более лояльному отношению к СССР, одновременно призывая и советское руководство к таким шагам навстречу Ватикану, которые положительно воздействовали бы на западное общественное мнение.

Между тем уже с началом войны в СССР прекратилась антирелигиозная пропаганда, в частности, был свёрнут выпуск журналов «Союза безбожников». Но что касается Ватикана, то советское руководство вело себя крайне осторожно. Хотя, естественно, оно прекрасно понимало, что граничащие с нами страны: Польша, Венгрия, Чехословакия, — это католические государства, и без соответствующей дипломатической позиции было не обойтись.

Ещё в июле 1941 г. СССР установил дипломатические отношения с польским правительством В. Сикорского, пребывающим в Лондоне. Между Сикорским и советским послом И. Майским было достигнуто соглашение о формировании на территории Советского Союза польской

армии из находящихся в заключении польских граждан и военнопленных под командованием генерала Андерса. Для религиозного окормления солдат и офицеров из лагерей в «Армию Андерса» выпустили половину находившихся там капелланов. Сталин даже согласился на посещение «Армии Андерса» одним из польских епископов, который получил для этого специальное папское полномочие.

Это был первый реальный шаг в сторону Ватикана, сделанный под влиянием чрезвычайных обстоятельств, но он никоим образом не означал изменения принципиальных позиций. Что же касается второго шага, то он так и остался до конца не прояснённым. В соответствии с исследованием историка Б. Филиппова, летом 1942 г. польский посол и французский представитель движения «Сражающаяся Франция» в Москве передали представителям Св. Престола в Тегеране и Сирии сигналы о готовности советской стороны к установлению контактов. Как пишет немецкий историк восточной политики Ханс-Якоб Шелле: «Римская курия при всём своём скептицизме сочла, что над этим по меньшей мере стоит подумать».

Эта «подача сигналов» закончилась ничем, но интересно, что тогда же была запущена фальшивка под названием «Письмо Сталина папе Пию XII». Впервые эта информация появилась на одной из связанных с нацистскими властями радиостанций, которая в марте 1942 г. заявила, что Сталин направил папе римскому письмо, в котором просил об установлении дипломатических отношений между СССР и Св. Престолом. Эту информацию подхватили как немцы, так и союзники. Немцы хотели обличить и прощантажировать римскую курию, а США и Англия решили представить Сталина как вменяемого союзника Ватикана в целях формирования положительного западного общественного мнения. Но, как пишет уже упомянутый Б. Филиппов, вероятнее всего, фальшивка была сфабрикована на Би-би-си и запущена в первые числа января 1942 года. На это, в частности, указывает то, что впервые Ватикан опроверг это сообщение уже 7 января. Однако слухи о подобных контактах продолжали распространять и далее.

В 1943 году произошло коренное изменение положения на фронте. И тогда же советское руководство стало получать информацию о том, что американцы и англичане используют Ватикан для того, чтобы вступить в сепаратные переговоры с определёнными кругами из нацистского руководства.

Действительно, с февраля 1943 года посредническая миссия Ватикана выходит на первый план. Его начинают активно привлекать к тайным переговорам, которые вели между собой США и Англия по поводу Германии. Для этого в Ватикан в качестве эмиссара правящих кругов США прибыл американский архиепископ Фрэнсис Spellman. И пока в Швейцарии шли переговоры между американским представителем А. Даллесом и представителем Германии князем Гогенлоэ, Spellman выполнял собственную миссию. В течение шести месяцев он посещал различные страны Европы, Северную и Южную Африку, Ближний Восток, Иран, и везде его сопровождали американские военные и дипломаты. Главной задачей Spellmana было добиться сепаратного мира с Германией и выхода Италии из войны при сохранении фашистского режима, но с устранением наиболее одиозных политических фигур. Это, в частности, он обсуждал в ходе встречи в Анкаре с германским послом Францем фон Папеном. Но фон Папен находился под наблюдением советской разведки, которая была в курсе происходящего. Одновременно об этих переговорах доносила в Москву и резидентура в США, которую возглавлял Василий Зарубин (в апреле 1943 года он стал резидентом в Вашингтоне, а до этого работал в Нью-Йорке). И именно оттуда, из Америки, впервые стали приходить донесения, в которых упоминался Ватикан как место таких переговоров.

Советское руководство знало, что на фоне союзнической солидарности идут закулисные переговоры, и видело, как закладывалась архитектура тесного теневого союза между Ватиканом и США, который был направлен

против нашей страны. Сталин был не только в курсе планов американского и ватиканского руководства, но и понимал ту роль, которую призван был сыграть Ватикан в качестве религиозно-политической силы в конце войны и в послевоенном мире. В переломный момент войны с помощью Ватикана американцы возрождали в европейских странах католические партии, которые должны были стать их главной опорой в период послевоенной реконструкции. Осуществлялось это при активном участии американской разведки УСС, а одну из ведущих ролей играл частный университет социальных исследований Pro Deo, созданный Ватиканом.

Понимая возрастающее значение религии в общественной жизни страны в условиях меняющейся геополитической обстановки, Сталин не только способствовал восстановлению патриаршества, но и представил программу возрождения церковной жизни в стране. Собрав в сентябре 1943 г. оставшихся высших иерархов РПЦ, он поднял вопрос о помощи государства «церковному центру», заявив: «Вам надо создать свой Ватикан, чтобы там и академия, и библиотека, и типография помещались, и все другие учреждения, необходимые такой крупной и значительной патриархии, какой является Патриархия Московская». Естественно, речь шла не о политической организации, а о религиозном центре. Но замысел Сталина шёл дальше.

По мере приближения конца войны явно вырисовывалась новая конфигурация отношений на Западе, в которой должен был доминировать «американский порядок». Руководство США превратило религию в составную часть своей

внешнеполитической стратегии, и Ватикан встраивали в неё в качестве ведущей религиозной силы в Европе. Католики составляли большинство европейского населения, и главную ставку новые правящие круги делали на христианско-демократические партии и движения. Таким образом, Св. Престол становился важным символом идейной сплочённости Европы и совместно с оформлявшимся тогда же экуменическим движением (Всемирным советом церквей) должен был воплощать цивилизованный западный мир, противостоящий теперь уже новому врагу — СССР.

Но Советский Союз стал другим, он стал державой-победительницей, а в глазах освобождённых народов — ведущей державой, в том числе и в духовном смысле. Возникло осознание того, что если Россия победила в такой великой войне и изменила свой статус в мире, то изменился тем самым и статус Русской церкви, участвовавшей в этой Победе самым непосредственным образом. Именно из этого исходил Сталин и, отталкиваясь от идеи «Москва — Третий Рим», считал, что Московский патриархат может претендовать на первенство чести в православном мире. Сильному в своём единстве Ватикану должен был противостоять сплочённый Русской православной церковью православный мир. Так, впервые за долгое время всплыли вопросы всеправославного единства и была высказана идея провести в Москве Всеправославный собор.

Ещё в январе 1945 г. в Москве состоялся поместный собор РПЦ, на котором было принято Положение об управлении РПЦ и избран новый патриарх — Алексий I, воплощавший собой старый русский консерватизм. Сталин лично контролировал подготовку к собору, и показательно, что в его документах уже содержались отдельные установочные положения определённого внешнеполитического звучания, выходявшие за сугубо внутрицерковные рамки и дававшие политическую оценку деятельности Ватикана. Так, в принятом в феврале обращении «К народам всего мира» прямо подчёркивались усилия Ватикана «оградить гитлеровскую Германию от ответственности за все совершённые ею преступления» и «оставить после войны на земле фашистское, человеконенавистническое, антихристианское учение его носителей». Это была первая, по оценкам исследователей, апробация антикатолических планов советского руководства, связанных с организацией послевоенного мира.

Поскольку Ватикан всё более усиливал своё влияние в международных делах, весной 1945 г. советское руководство включило антикатолическую составляющую в свою внешнеполитическую стратегию, что отразилось в документах Совета по делам РПЦ. Совет приступил к тщательному изучению взаимоотношений между католицизмом и православием, истории связей между РПЦ и Ватиканом. Результатом этой работы стали конкретные предложения, направленные против Католической церкви и униатства как «защитников и пособников фашизма». Они касались отрыва униатских приходов СССР от Ватикана с последующим присоединением их к РПЦ и организации на западных территориях страны православных братств с предоставлением им права ведения миссионерской и благотворительной деятельности. Было предложено также провести в Москве Всемирную конференцию христианских (некатолических) церквей, главной задачей которой было бы блокирование претензий Ватикана на руководящее мировое значение.

Полностью реализовать задуманное не удалось, так как из-за саботажа греческих первоиерархов готовящийся Всеправославный собор был низведён до статуса Всеправославного совещания глав и представителей автокефальных православных церквей, которое состоялось в Москве в июле 1948 г. и было посвящено 500-летию провозглашения автокефалии РПЦ. Но несмотря на это, значение данного события трудно переоценить, и его не перекроют никакие проходив-

шие в последующем собрания и встречи. Это было крупнейшее в церковной и культурной жизни событие. Принятые здесь резолюции касались ключевых вопросов: отношения православия к Ватикану, к экуменическому движению, к англиканам и церковному календарю (речь шла о необходимости сохранения древней православной Александрийской пасхалии). Все они были довольно жёсткими и давали чёткую и ясную оценку католицизму и экуменизму. В резолюции по вопросу «Ватикан и Православная церковь» было указано, что римская курия извратила истинное евангельское учение и нарушила чистоту древневселенского православия новоявленными догматами, главный из которых — совершенно антихристианское учение о главенстве в Церкви папы и его непогрешимости. В силу этого Католическая церковь превратилась в политическую организацию, для которой политика стала высшим законом, а папа — политическим деятелем, всегда стоящим на стороне «сильных мира сего». Эта политика была осуждена как антихристианская, антинациональная, направленная против инте-

ресов народов, особенно славянских, и ведущая к братоубийственным войнам и защите фашизма.

Такая же принципиальная позиция была высказана в отношении Всемирного совета церквей, который определили как псевдорелигиозную организацию, ставящую целью создать сверхнациональную экуменическую Церковь, которая заменила бы собой Церковь Христову и стала бы силой для духовного овладения миром. В основу резолюции по экуменизму были положены слова протоиерея И.Г. Разумовского: «Наша Церковь не хочет, не может и не должна быть под влиянием нецерковных организаций. Мы будем оберегать свою духовную свободу как неоценимое сокровище».

Хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что результаты совещания 1948 г. имеют для нас непреходящее значение. Они актуальны как никогда именно сегодня, когда папство под началом иезуитов строит свою глобальную экуменическую антицерковь. И перед нами выбор: либо принимать экуменизм, означающий смерть православия, либо — держать оборону, хранить нашу веру.

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Сталин и русские

Из не-сократических диалогов

Недavno, буквально на днях, в купейном вагоне, снятом организаторами солидной московской конференции, встретилаcь разношёрстная компания. Профессор-историк из МГУ, известный философ, седовласый физик из атомного академгородка и четвёртый, весьма колоритная личность, — исламский шейх родом из бывшей советской республики, в юности живший в Москве и учившийся в московском вузе. В руках его был толстый журнал, и, как вскоре выяснилось, он дочитывал роман-эпопею Леонида Леонова «Пирамида». Историк был также знаком с этим романом и несказанно удивился, узнав, что его читает шейх.

Шейх.

Роман очень насыщенный и требует большого внимания и погружения в язык на каждой странице. Не так давно я дочитал чрезвычайно важный эпизод — беседу Сталина с воплотившимся ангелом...

Историк.

А-а-а... Да, это, пожалуй, кульминация всей книги. Ну и как вам эти сцены?

Шейх.

Мысли, вложенные в уста Сталина, поразительны. Больше всего меня поражает проникновение в душу нерусского правителя России. Я и сам часто думал на эту тему. Но вот что пишет Леонов: «На приведённом эпизоде выпукло прослеживается характерная для иноземного правителя утрата национальных черт по мере погружения в русскую стихию...»

Философ.

А я, к сожалению, роман не читал. Но темой Сталина занимаюсь... Может быть, прочтёте что-нибудь наиболее сильное?

Шейх.

Почему бы нет?.. Вот вам пара цитат из монолога Сталина, я их подчеркнул карандашом. «Правителю иноземного происхождения, если не с однодневным кругозором, плохо спится в Московском Кремле. Недружественные тени обступают его бессонное ложе. И без того выросшему в провинциальной тесноте и после многолетнего подполья немудрено заболеть необъятным русским простором — как он видится с кремлёвского холма, который нынче выше хребтов

Он был верующим, по-православному, может быть, в какое-то время он и терял веру, но потом во всех борениях укрепился в ней.

о. Димитрий Дудко

Гималайских». Далее Сталин говорит о какой-то «секретной присадке к русской стали», которая позволяла веками наращивать мощь государства. И далее: «Только глупый вояка списывает в переплав пусть устаревшее туземное оружие, прежде чем опробует принятое взамен... Речь идёт о пригодности русского племени как главного инструмента в решении поставленной задачи». Далее вождь признаётся ангелу: «За годы ссылки мне почти не приходилось слышать в простонародной беседе точного именования их отчизны. В обиходной же Расее не любовь к материнскому гнезду, не гордость дедовским подвигом слышится — скорее виноватая неумелость извлекать из своей громады некую всеобщую полезность, способную в глазах мира оправдать несусветные масштабы обладаемого...»

Историк.

А можно прочесть то место, где Сталин говорит, как русские, великороссы то есть, смотрят лично на него?..

Шейх.

Да, у меня это тоже подчёркнуто. «Оттого, что ум труднее скрыть, чем камень за пазухой, я и считаю опущенный среди беседы взор красноречивой уликой запретной надежды, следовательно, полуизмены... Но эти с детским бесстрашием смотрят мне прямо в лицо, а в сущности сквозь меня, примериваясь к поре, когда меня не станет. Иной же с ухмылкой преданности совсем откровенно запоминает меня впрок, чтоб потом изобразить похлеще...»

Физик.

Не совсем понятно из этого, обрусел ли сам Сталин, или же русские так и остались для него загадкой?

Шейх.

Одно другого не исключает. Я вообще думаю, что иноземная примесь в правителях России — это историческая закономерность. Нужна какая-то нечеловеческая сила, чтобы русские объективировали сами себя. Поэтому в лице правителя, своего, кремлёвского, но немножко иноземца, России легче решить эту задачу — подойти к самой себе со стороны, выявить в себе невиданную ранее оформленность, непривычно строгую меру, выковать новую грань русского национального характера...

Философ.

Вы хорошо знаете Россию и, наверное, сами, как Сталин, себя называете русским?..

Шейх.

За границей я чувствую себя русским, а здесь — немножко иностранцем, совсем чуть-чуть, примерно как Сталин. (*Шейх улыбнулся.*)

Историк.

Давайте поговорим о Сталине. Сегодня его имя вновь поднимают на щит, и даже более серьёзно, чем после ухода Хрущёва или при Андропове. В общем, ощущается веяние неосталинизма... Как вы думаете, с чем это связано?

Философ.

Возникла потребность в личности, которая соединяла бы практику и мысль... Нуждаются в большой личности не как частной индивидуальности, но как общественном достоянии...

Историк.

Но ведь именно такая потребность и порождает «культ личности»...

Философ.

Собственно, культ личности Сталина — это и есть сталинизм, но сталинизм ещё при жизни вождя. Символ личности, венчающей государственное целое, востребован прямо сейчас и здесь, происходят встреча мифа и реальности, их переход друг в друга. Потерявшая самодержавие страна компенсировала эту утрату, приумножив компенсацию через обоготворение постмонарха.

Физик.

Насколько я понимаю, такое происходило и во Франции после крушения монархии — Бонапарт, и в Германии после падения Вильгельма — Гитлер...

Философ.

Совершенно верно. Такая компенсация обязательно происходит. Но она ограничена и очерчена несколькими десятилетиями...

Историк.

Но вот в Англии реставрация носила буквальный характер и, строго говоря, продолжается до сих пор. Кстати, на место казнённого короля новый король пришёл уже через 11 лет...

Шейх.

Я думаю, что в беседах о «возвращении» Сталина современные русские выражают предчувствие

и ожидание имперского вождя. Но Сталин создал всё-таки квазиимперию, а сегодня разрешить кризис России смогла бы только империя подлинная, то есть со священным в себе измерением. Я давно отстаиваю мысль, что в нынешних условиях российская держава может состояться только в опоре на стратегический союз с исламом.

Философ.

Вы имеете в виду эсхатологическую перспективу?

Шейх.

Да.

Физик.

Но грозит ли теперешний сталинизм вылиться во что-то серьёзное? Или это нечто вроде ностальгии?

Шейх.

На этот вопрос можно ответить, только если постигать само явление — Сталина и его «образ», его «отражение». В конце концов, «Пирамида» Леонова — это всё-таки роман. Но как реально соотносились русские и Сталин при его жизни? На мой взгляд, Сталин строил своё превосходство на могуществе,

а не наоборот. Он был загипнотизирован Россией и, хотя пришел к власти вслед за Лениным и старыми большевиками, которые сами стремились быть гипнотизёрами страны и тем самым навязывали ей свое коммунарное сожительство, — по существу, он хотел только одного: воспроизвести сильные черты России, помочь русским стать собою. Не в смысле повторения задов, а в смысле нового расцвета... Чтобы и державу сохранить, и себя не потерять...

Физик.

Непонятно, откуда такая любовь к России? У большевика, революционера, наконец, грузина... Мне кажется, ваши мысли не соответствуют действительности. Это какие-то мифы. История вынесла Сталина другой суд...

Шейх.

Россия умеет приковать к себе иноземца, заставить его полюбить себя. Вы чистокровный русский и, как это часто бывает у вас, недооцениваете Россию...

Философ.

Я думаю, что мифологичны как раз рассуждения о «суде истории». Кто кого здесь, собственно, судит? Почему история судит только ушедших, «отсутствующих», да и история ли это тогда? Ведь она, история, соприкасалась с ними и при их жизни, вступала с ними в непосредственный контакт, но тогда она не только не судила их, но была завораживаема ими. Выходит, история «берёт» только долготой лет и пользуется тем, что человеческие существа смертны и подвержены старению. Нет, судят всякий раз историки и публицисты, эта нескончаемая вереница многословных присяжных заседателей, и суд продолжается бесконечно. Судия же находится слишком высоко и далеко, за пределами истории, собственно. Кассация и обжалования решений никогда не кончатся. Что скажете, профессор?

Историк.

Труд историка состоит в накоплении данных. А когда накопление сведений перестает быть фактором № 1, здесь вступают в силу сложнейшие комплексы мышления — интерпретация историком с этого момента зависит уже не от его восприятия интерпретируемых фактов, а от восприятия реальности вообще, то есть реальности не сугубо исторической. Поэтому волна неосталинизма сегодня связана с запросами дня, с попыткой вызвать в народе какие-то задремавшие в нём силы, пробудить подземные токи...

Физик.

А вы, профессор, не разделяете тех взглядов на Сталина, которые были так распространены в перестройку?

Историк.

Что вы имеете в виду?

Философ.

Он имеет в виду образ «Сосо Джугашвили» — сухорукого и рябого садиста, патология которого имела ярко выраженный паранойяльный характер. И, трясая за свою власть, дурковатый деспот изводил миллионы порядочных людей, в том числе — тех, которых никогда не видел и никогда бы не увидел...

Физик.

Ну зачем вы так? Я полагаю, что подозрения в болезненности психики Сталина не столь уж необоснованны...

Шейх.

Мои близкие тоже были репрессированы... Это не мешает мне сознавать, что Сталин был человеком здравого ума. Достаточно сравнить его с другими правителями — и судить по плодам созидательной организации государства. Обвиняющие Сталина в патологии, должно быть, переносят на него собственные слабости. Они, мягко говоря, сами с собой не в ладу. И пишут о Сталине исходя из чувств какой-то мести — за пострадавших родственников, или за себя лично, или за какие-то дорогие им иллюзии, которые были попорчены советской властью. Да, эта власть гнала религию, и не мне, правоверному мусульманину, оправдывать её. Однако же нужно различать, где реальность, а где то, что мы выливаем на эту реальность из своего бессознательного. И нужно понимать, что в любом миропорядке есть свои тёмные и светлые черты, и не смешивать одно с другим.

Историк (Физику).

Я все-таки отвечу вам на ваш вопрос. Видите ли, нет оснований полагать, что перестройка расставила все точки над i в отношении 30-х или 40-х годов. Давайте проанализируем, как вообще относились к «кремлёвскому горцу», и мы увидим с десяток непохожих подходов, в каждом из которых есть какая-то правда.

Во-первых, это точка зрения Троцкого, главного врага и конкурента, в которой был обобщён опыт многих других партийных оппозиционеров. Во-вторых, точка зрения Бухарина. Это «правый уклон», в отличие от Троцкого, хотя в критике сталинского «русофильства» правые и левые загадочно сходятся. Далее «полуксепромтный хрущёвский доклад», по выражению историка Щетинова. С одной стороны, всем понятно, что хрущёвские оценки и сам термин «культ личности» были временными, относительными признаниями факта репрессий. С другой стороны, обозревая многие — отечественные и западные,

перестроечные и демократические — варианты толкования проблемы, трудно не восхититься тем, как органично и даже грациозно было это тогда проделано Хрущёвым. Дальше антисталинизм пошёл в сознание диссидентствующей интеллигенции, от Гроссмана, впервые осмелившегося сопоставить фашизм с советским коммунизмом, а Гитлера — со Сталиным. По сути, в этом дерзновении уже заключалось, как в зародыше, новейшее: «Сталин хуже Гитлера». Еще дальше — перестроечные очернители. Общество «Мемориал» и движения в защиту жертв репрессий были объективно заинтересованы в нагнетании антисталинской истерии. Тогда-то и начали писать про психические болезни вождя, про его нравственную невменяемость и прочее.

Если проследить положительную трактовку Сталина, то достаточно заглянуть в воспоминания представителей партийной и хозяйственной элиты того времени — и убедиться, насколько вменяемым и адекватным был этот человек. В то же время отношение к Сталину иностранных лидеров — Черчилля, Рузвельта, де Голля и Гитлера, между прочим, — весьма красноречиво: они видели в нём выдающегося политика, можно даже сказать, великого политика своего времени. Черчилль в 1959 году как бы в ответ Хрущёву выступил в английском парламенте с речью о Сталине, в которой сказал: «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелейших испытаний Россию возглавил гений... Статьи и речи он писал сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила, эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался непревзойдённым среди руководителей государств всех времён и народов... Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил на Ялтинскую конференцию, все мы словно по команде встали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишённой всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойдённым мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям». Гитлер же оценивал Сталина гораздо выше чем русскую нацию в её среднем. Об этом в своей блистательной статье недавно упомянул и Юрий Крупнов.

Физик.

Это как раз один из нынешних неосталинистов...

Историк.

Можно так сказать, но при этом нужно отдавать себе отчёт, что сталинисты XXI века весьма своеобразны. Для них характерно ставить проблему не как в советские времена, а по-другому. Они рассматривают Сталина как наследие, видят в нём не символ

реставрации советского мироустройства, но один из продуктивных мифов, один из созидательных образов прошлого... Вот, например, ещё один популярный автор Егор Холмогоров пишет о Сталине: «Его гениальный во многих отношениях ум был заточен под учёт мельчайших материальных факторов и под оценку материальной действенности духовного». Материальная действенность духовного... Каково?!

Философ.

Мне кажется, первым из таких неосталинистов был недавно упокоившийся отец Дмитрий Дудко. Он, в юности сам пострадавший в лагерях за критику Сталина, в старости, после крушения СССР, выдвинул мысль о Сталине как о праведнике на троне, который переломил страшную революционную угрозу, свёл её на нет, так сказать... По мысли отца Дмитрия, Сталин устроил так, что в безбожном государстве, в безбожное время люди жили по божьим заповедям...

Физик.

Ну это бред какой-то. И это говорил священник... о правителе, при котором повсюду насаждалось стукачество, весь народ пытались превратить в сексотов. Кстати, а сколько священников при нём расстреляли и довели до могилы?

Историк.

А вы слышали, что благодаря Сталину многие храмы не были разрушены, многие священники были спасены от гибели, а во время войны и вовсе возвращены из ссылки?

Физик.

Да, слышал. Сейчас об этом принято говорить. Это напоминает «эффект заложника», который часто «благодарен» доброму дяде-террористу. В 1943 году после «замирения» Сталина с Церковью в храмах поминался на ектенью «Богом дарованный вождь». Но почему же он начал восстанавливать Церковь во время войны, а не раньше?

Шейх.

Видите ли, не стоит преувеличивать необъятность власти правителей. Если допустить, что под личиной вождя пролетариата скрывался патриот и почвенник, то надо же понимать и то, что к власти он пришёл всё-таки как вождь пролетариата, как интернационалист, как наследник Ленина. Сколько времени и сил нужно, чтобы преобразовать эту энергию в нечто противоположное по сути? Вы не чувствуете логики власти, если думаете, что оттуда можно всё повернуть в одночасье — что подчинённые на любой приказ возьмут под козырек и всё пойдёт по-новому.

Философ.

К тому же и это «преобразование энергии» должно произойти сперва в самом вожде, это тоже нелёгкое дело. Ведь не только он гипнотизировал страну и партию, но происходил и обратный гипноз, как верно заметил наш собеседник.

Физик.

Не понимаю, что же это, «страна» заставляла Сталина уничтожать крестьян, взрывать храмы, угнетать инакомыслящих? «Страна», что ли, саму себя возненавидела?

Философ.

Вы не заметили, что я сказал не только «страна», но «страна и партия». Ведь это сочинённый идеологами лозунг провозглашал, что «народ и партия едины». На деле какое-то подобие единства было достигнуто Сталиным в ходе войны, а до 40-х годов никаким единством страны и партаппарата даже не пахло. Гипноз партии и гипноз страны были противоположны друг другу, схватка двух великих начал велась в 30-е годы за Сталина, за его личность. Они вели невидимую брань. Ведь это страшная драма.

Мы даже не догадываемся, как всё это укладывалось в сознании вождя.

Физик.

Все это мистика. Мне представляется, что дело проще: так же, как Ленин ввёл нэп, потому что коммунизм был явно нежизнеспособен, так же и Сталин путём проб и ошибок со временем отбраковал наиболее завиральные из марксистских идей.

Философ.

Не преувеличивайте так называемую роль личности в истории. Сталин внимательно следил за формированием своего образа в пропаганде и широкой прессе. Однако бросал он на русскую ниву много слов, а прижились далеко не многие из них. И образ вождя формировался в результате долгого взаимного наблюдения друг за другом власти и массы в одном срезе, а также власти и субъектов речетворчества — идеологии, печати, литературы — в другом срезе. Не шёл ли Сталин какое-то время на поводу у определённого слоя советского государства — прежде всего того самого своего «союзника» по борьбе, тех самых «кадров», которые «решают всё»? Не строил ли он

своё поведение исходя из оправдания чьих-то ожиданий? Думаю, в определённом смысле это было так. И Сталин был популистом, но не демократического толка. В отношении бюрократии это был своеобразный административный «популизм», в отношении же широких масс это был более игровой, мифологический «популизм», мимикрирующий под формы исконно русского традиционализма. И здесь я соглашусь с уважаемым шейхом: постепенно всё большее внимание вождь обращал на сигналы, поступающие от народных масс и от тех представителей аппарата, которые были ещё тесно связаны с народом, не оторвались духовно от него. Народ с его мягким, кротким, но мощным и неиссякающим магнетическим полем всё больше и больше воздействовал на Сталина, подчинял его себе.

Физик.

Я понимаю вас в том смысле, что эпоха сталинизма отличается особой могущественной магией жеста, а с другой стороны, герметичностью, замкнутостью на себе. Глядя из столь неуравновешенной эпохи, как те же 80-е, действительно трудно удержать в объективе целую картину. Кто-то предпочитал восхищаться сталинской архитектурой и кинематографом, а кого-то заклинило на смаковании «Архипелага ГУЛАГа». Но как добиться целостности анализа?

Историк.

Но ведь и не все критики Сталина в перестройку так уж потеряли голову. Встречались и взвешенные оценки. Вот, например, Михаил Гефтер, книгу которого не так давно выпустил Павловский. Так вот, Гефтер, один из самых тонких критиков сталинизма, поднимается иногда на высоту диалектического самоопровержения. В этих своих «мастер-классах» он прямо говорил, что в репрессиях 1937 года Сталин протянул руку стране поверх голов аппарата, как бы соединил себя с национальным духом вопреки партийным перегородкам. Вот у меня в блокноте выписаны слова Гефтера: «В середине 30-х люди шли навстречу ему, навстречу своей смерти, — и им радостно, им хочется жить и жить! То, что позади у них трупы, их не смущает — и они не чувствуют приближения своей собственной смерти. Их скрытые чувства после страшного погрома на селе, который они с ним сообща учинили в начале 30-х годов, неясны Сталину и уже этим ему несносны... Он как бы предчувствует, что сумма их воли, тайный нерв этой “гласности и перестройки”, не вводит его в личный контакт со страной. Террор вытекал из потребности Сталина установить прямые отношения с Россией — связь через гибель. Вот, собственно, в чём суть дела». Видите как! Получается, что действительно два начала боролись за вождя, а он был вынужден

между ними маневрировать — и сначала гнобить одно начало в угоду другому — раскулачивание, коллективизация, — а затем это другое порезать во имя первого — репрессии против «врагов народа» второй половины 30-х гг. Заметьте, какая формула была найдена — «враги народа»! До этого была «контра», пытающаяся поднять народ против власти, — с той

покончили. Затем был короткий переходный период разоблачения «спецов», вредителей на производстве. А теперь заход идёт с другого конца — это «враги», которые не желают остановиться, бросают вызов самому «народу», норовят сломать его. Сталин в этот момент отождествляет себя с «народом» и стремится к созданию национально-государственного монолита.

Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правившему судьбой своей страны во времена мира и победоносному защитнику во время войны.

**Уинстон Черчилль,
премьер-министр Великобритании,
7 ноября 1945 года, речь перед Палатой общин**

Физик.

Всё же, на мой взгляд, панегирики Черчилля и тому подобные речи в адрес Сталина необъективны. Я вот читал в свое время книгу Роберта Такера «Путь к власти», в которой доказывается, что Сталин завоевал партийные круги именно благодаря тому, что не обладал харизмой — в конце 20-х годов государству был уже не нужен «новый Ленин», то есть некая неповторимая, самоценная революционная личность, а нужен был «второй Ленин», то есть предсказуемая политическая фигура. Или возьмём Лиона Фейхтвангера, внимательно следившего за событиями в СССР ещё задолго до своей поездки туда. Он был человеком, которого нелегко провести. Об этом свидетельствует его книга «Москва 1937», фактологически острая и последовательная. Из 37-го года автору представляется, что внутрипартийная вражда коренилась в оппозиции «борец — работник». «Борец» Троцкий с его «беспримерным высокомерием», субъективизмом, но и талантом оратора противопоставляется Сталину, победителю, победившему потому, что он сумел сочетать в себе качества «борца» и «работника», хотя и не обладал яркой одарённостью «перманентного революционера».

Философ.

Этот взгляд неверен, потому что неполон. Игнорируются пружины, позволившие бледным истинам Сталина побивать блестящие аргументы Троцкого.

Историк.

Да. Вероятно, Фейхтвангер некоторым образом попал под влияние Троцкого, который, кстати говоря, в своей книге о Сталине писал, цитирую: «Сталин

завладел властью не при помощи личных свойств, а при помощи безличного аппарата. И не он создал аппарат, а аппарат создал его. Этот аппарат, со своей силой и со своим авторитетом, явился результатом длинной, долгой и героической работы большевистской партии, которая сама выросла из идей... Сталин не создавал аппарат, а овладел им». Однако что бы там ни говорил Троцкий, Сталин по природе всегда был человеком независимым и мало подверженным чужим влияниям. Странно было бы не замечать в Сталине своеобразного идеологического и тактического таланта.

Физик.

Не думаю, чтобы Фейхтвангер попал под влияние Троцкого. Он писал о том, что Троцкий ненавидел не столько лично Сталина, сколько само «государство Сталина», видя в нём восстановление старой имперской России.

Историк.

Прежде чем стать жёстким диктатором, деспотом, поднявшимся над породившей его бюрократией, Сталин был вынужден в течение долгих лет существовать в условиях партийной демократии. В той же книге Троцкий так описывает качества наркомнаца: «Сталин ведёт переговоры с представителями различных национальных организаций... которые лавировали до поры до времени, стараясь извлечь для себя выгоды из смены режима. В этих переговорах с мусульманами и белорусами Сталин как нельзя более на месте. Он лавировал против лавирующих, отвечал хитростью на хитрость и вообще не давал себя одурачить. Именно это качество ценил в нём

Ленин». И в другом месте Каменев якобы поучает Троцкого: «Вы думаете, что Сталин размышляет сейчас над тем, как возразить вам по поводу вашей критики? Ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить: сперва морально, а потом, если можно, и физически... Сталин ведёт борьбу в совсем другой плоскости, чем вы. Вы не знаете этого азиата».

Шейх.

Враги редко бывают объективны. Однако по всему видно, что ещё в молодом Сталине Троцкий чувствовал противника интернационализма и в некотором роде врага «еврейского засилья» в руководстве партии. Недаром Ленин обвинял Кобу в «великорусском шовинизме». Однако этот шовинист был сильным теоретиком в национальном вопросе, и под прикрытием интернационалистической идеи ему удалось протащить во многом противоположное содержание — необычайный талант, «азиатский» талант! Ведь сталинская концепция «братства народов» прямо противоположна концепции Коминтерна с его идеалом смешения народов. Фактически во имя «братства» народов — имперского братства! — Сталин разгромил Коминтерн и лишил его политического влияния. Он указал «интернационалистам» их место — быть конспиративной силой на Западе, то есть фактически обернул «интернационалистический» инструмент против тех, кто его изобретал и внедрял в подрывных целях в «нецивилизованных» странах... Да-а, со Сталиным все были вынуждены считаться. Он перевел борьбу цивилизаций из плоскости публичных действий в плоскость секретных служб — он отказал Западу в праве на двойные стандарты, создав в противовес им собственный «второй стандарт».

Физик.

Интересно вы говорите. А вот модный ныне исламский философ Джемаль с вами не согласился бы. Он считает Сталина олицетворением «чингизидской бюрократии», которая всегда «стремится к симбиозу с туземным фактором». Джемаль считает эту политическую позицию реакционной и бездуховной, подчиняющейся влияниям почвы. Я читал у него, что современные мусульмане, особенно радикалы типа ваххабитов, — это и есть истинные наследники большевиков, так сказать, интернационалисты сегодня, и в этом спасение.

Шейх.

Я полагаю, Джемаль — вовсе не исламский философ, а московский, столичный. Для исламского философа ему не хватает необходимых знаний, без которых не может состояться ни один подлинный религиозный авторитет. Он скорее использует вероисповедные одежды для прикрытия своего «интернационализма»

и оправдания «международного терроризма», в том числе чеченского. Любой вменяемый мусульманин понимает, что самостоятельный исламский терроризм — фикция. А Джемаль своим «интернационализмом», по сути, поддерживает эту американскую выдумку. Позирует, обнимается на фото с боевиками — которые перед камерой отрезают голову пленному, рассчитывая при этом на одобрение мусульман. Им никогда не понять глубины и правды хадиса: «Злейший твой враг может стать твоим другом».

Физик.

Наверное, для Джемалья эти снимки с чеченскими боевиками — акция чисто политическая. Он даже утверждает, что Дудаев пошел на войну с целью восстановить СССР, а не расколоть Россию.

Шейх.

Ну это выдумки. Не об СССР они хлопотали, но о новом мировом пожаре, подпитываемом сырой нефтью. Эти «новые интернационалисты» в лучшем случае идут по стопам Троцкого, столь популярного у нынешних антиглобалистов. Антиглобалисты — вот действительные наследники Интернационала.

Философ.

Идея интернационализма — отработанный материал русской истории. Почему и европейские антиглобалисты имеют у нас мало шансов. Что удалось большевикам, уже никому в России не удастся. «Интернациональный» бунт до и после большевиков в России всегда был и будет бунтом шпаны. Например, казачьи бунты, Болотников, Пугачёв и т. п. Шпане действительно безразличен фактор этнической иерархии. Но настоящей контрэлите этот фактор не может быть безразличен.

Историк (перелистывая свой блокнот).

Кстати, в одном месте своей книги о Сталине Троцкий проговаривается. Речь Сталина, пишет он, «заклучала в себе ряд осторожных инсинуаций, которые большинству оставались непонятны, да они и предназначены были для кадров, для людей аппарата. Сталин как бы инструктировал их, как надо выступать перед массами, где нет верхов партии и где можно говорить не стесняясь». То есть получается, что в 20-е годы верхи партии выступали как своего рода надсмотрщики! И для того, чтобы одолеть этих «смотрящих от Коминтерна», Сталин как бы вступал в осторожный сговор с низовым аппаратом и народом.

Философ.

Это звучит очень актуально. Всё повторяется: и сейчас над нами нависли такие же «смотрящие» от международного капитала и демократических ценностей,

и на подходе новые, более современные, «смотрящие» — антиглобалисты.

Шейх.

С вашего позволения, я продолжу про «реакционное перерождение» государства. Заметьте, потенциал сталинской экспансии был так велик, что СССР даже при нерадивых и халатных преемниках вождя продвинулся ещё дальше на юг и на восток — участвуя в столкновениях в Индокитае, внедряясь в Африку и Латинскую Америку, то есть осуществляя проект «братства» народов в масштабах уже трансконтинентальных. К сожалению, после Сталина «коминтерновское» направление начало возрождаться. Но оно так до конца и не оправилось — подрыв СССР был осуществлён через работу секретных служб, только лишь при фоновой поддержке движения диссидентов. Сталин не довёл до конца ревизию интернационализма. И структура СССР с её этническим федерализмом оставалась номинальной до тех пор, пока не заработала в конце 80-х годов, когда определённые силы начали разрушение державы. Впору задаться вопросом: не был ли советский федерализм провокацией, миной замедленного действия, заложенной большевиками под Россию?

Философ.

Так называемый этнический федерализм в России — это некая коалиция местных национализмов и автономий за счёт русских, национализм которых превращается в жупел и подвергается остракизму. Русские — это как бы всечеловеки, склеивающий материал, они обязаны быть интернациональны, на национализм же права не имеют. Это порочная идеология, которая, кстати говоря, не обеспечивает большой стабильности государства и межэтнической гармонии. Как показал исторический опыт, локальные национализмы при таком порядке лишь тихо тлеют и дожидаются очередного «часа икс», когда ослабеет центр и можно будет вырвать у него очередную порцию льгот.

Интернационализм никогда не был свойствен традиционной России. Допускают большую ошибку те, кто видит в интернационализме нечто вроде реинкарнации старого имперского принципа. Интернационализм как массовую манипулятивную идеологию придумали марксисты, и советская империя строилась не благодаря, а вопреки ему. В догмах интернационализма есть однозначная связь с идеей мировой революции, и в идеале эти догмы ведут к смешению всех рас и наций с выведением некоего общечеловеческого гуманоида. Ельцин взял из совет-

ского прошлого самое плохое — федерализм и остатки интернационализма, выраженного в лукавой формуле «дорогие россияне», — отбросив самое хорошее.

Историк.

Сталин очень рано проявил себя подспудным противником интернационализма. В письме Ленину в 1922 г. он писал: «За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных национал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах». Сталин изначально повёл курс на восстановление имперского формата России, хотя и под лозунгом «национально-культурной автономии» (это был единственно возможный компромисс). И Ленин поддержал его, хотя и настоял на том, что окраины должны юридически входить не в состав Российской Федерации, а в состав союзной конфедерации, внутри которой Россия была бы лишь одной из республик. Эти линии на карте прочертили Ленин и Троцкий. Сталин олицетворял противоположную унитарную тенденцию. Но он так и не посмел — или не успел? — уйти от фиктивного федерализма. Хотя идея эта очень скоро устарела, ленинский федерализм остался. Постепенно Сталин повёл на него наступление. В 1937 году пленум ЦК ВКП(б) ввёл во всей стране обязательное изучение русского языка. РСФСР

была признана «старшей сестрой» по отношению к другим союзным республикам: по Конституции 1936 года вместо сопредседателей союзного ЦИК был введён пост единого председателя Президиума Верховного Совета СССР — его занял представитель РСФСР Калинин.

Шейх.

Такая особенность сталинского мышления позволяла Троцкому говорить о «национальной ограниченности» наркомнаца, но Троцкий с его космополитизмом оказался в итоге за бортом реальной политики, Сталину же его «ограниченность» позволила стать главным участником создания в России новых — гибридных — форм государственности.

Философ.

Всё-таки Сталин не выработал более зрелой структуры империи, чем социал-демократическая «автономия», хотя его политика «переселений» некоторых народов в 40-е годы была намёком на возможность такой выработки. Путь к имперскому территориальному устройству был для Сталина открыт, но он не продвинулся по нему, ограничиваясь малыми мерами. Я читал книгу Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым», в которой Молотов говорит: «Надо восхищаться дальновидностью Сталина. Ведь именно благодаря ему Крым был зачислен в состав РСФСР. Туда же в своё время и по той же причине была отнесена Калининградская область, а граница Казахстана прошла

не по естественному, казалось бы, рубежу — берегу Волги, — а в 100 километрах восточнее». Хорошие меры, но недостаточные, как мы теперь убедились.

Физик.

Роберт Такер тоже говорит о «русском красном патриотизме» Сталина. Когда Такер пишет, что «Сталин отождествлял себя с Россией», он имеет в виду обострение в Сталине сознания исторической судьбы — лучше сказать, миссии — России. В Ленине его, по собственному сталинскому признанию, привлекало прежде всего сочетание «русского революционного размаха» с «американской деловитостью».

Однако же Такер — как раз сторонник психоаналитической трактовки Сталина, и он утверждает, что схема «душевной болезни» вождя, его интровертной природы связана с репрессиями и культом личности: «Его культ — приоткрывает внутреннюю завесу».

Философ.

Профессор, вы, наверное, знаете эту теорию? Что вы думаете о Такере?

Историк.

Да, я знаю эту теорию. Такер — ученик фрейдистики Хорни, они вообще всё пытаются объяснить «по Фрейду». По существу, Такеру трудно возразить, но ему и не стоит возражать — сама постановка проблемы обличает многие слабые стороны фрейдизма. Вопрос ведь не в том, приоткрывает или не приоткрывает «культ личности» завесу над сталинской психикой, а в том, в какой степени, в каких пропорциях и по каким законам происходит это приоткрывание завес. Где проводить разграничительную линию между «личностью» и «эпохой», личным началом и неличной исторической стихией? Ни Такер, ни Хорни не дают ответа на этот вопрос. Они могут лишь предложить очередную психоаналитическую схему, не отличающуюся новизной.

Не следует забывать, что всё это происходило на значимом фоне грандиозных социальных сдвигов. И решая вопрос о том, верил ли Сталин в насущность и справедливость глобальных общественных изменений, мы во многом решаем и вопрос о том, удобно ли он чувствовал себя в атмосфере 30-х годов и позднее. Воля Сталина была направлена на укрепление новой партийно-советской государственности и на её доминирование в мире. Отождествление себя с исторической судьбой страны проявлялось в остром сталинском комплексе «отставания» от передовых стран. Но комплекс этот имел реальную почву в свете актуализировавшейся опасности мировой войны. Цепочка «коллективизация — индустриализация — милитаризация» на деле неразрывна и внутренне необходима в связи с целью догнать индустриальные державы «за 10 лет». Нельзя сказать, чтобы были не-

правы те историки, которые связывают создание системы ГУЛАГа не столько с проецированием паранойи вождя на действительность, сколько с необходимостью наличия максимально дешёвой рабочей силы для строительства каналов и решения лесозаготовительной проблемы. Как говорилось в отчётах НКВД, работы лагерей осуществляли народно-хозяйственные проекты «с экономией больше, чем в 4 раза». Вот откуда был почерпнут ресурс роста, вот откуда возникла возможность догнать конкурента за 10 лет. Сталин всегда имел в виду войну, и если июнь 1941 года застал его врасплох, то это был «распдох» скорее тактический, чем стратегический. Имел Сталин в виду и мировую революцию, и активность в «третьем мире».

Критики репрессий пытаются измерить сталинизм по меркам классического гуманизма — а это, мягко говоря, некорректно. Элементы модернизированного гуманизма в сталинизме сочетались с самыми жёсткими и консервативными элементами традиционализма. Этот сплав, пожалуй, и обеспечил системе прочность на русской почве, прочность, позволившую победить в войне и долго выдерживать конкуренцию с западными демократиями. Время-то жестокое было, и «капиталистические хищники» не дремали. Это не риторика.

Но недостатком сталинского сплава ценностей является высокая степень абстрактности, оторванности от действительных исторических корней. Это, пожалуй, главное уязвимое место Сталина. Тем не менее, наблюдая этот сплав и рассматривая его в качестве своего детища, Сталин — вполне вероятно — мог лелеять в себе сознание выполненного долга.

Философ.

Думаю, что как раз психическое здоровье Сталина, а вовсе не его серость было той главной отличительной чертой, которой он выделялся среди «старой ленинской гвардии». В молодости он был одним из классических подпольщиков и наиболее надежных организаторов конспирации и экспроприации. Соратники тех лет характеризуют Кобу как надёжного, волевого революционера, ещё на Кавказе он снискал прозвище «второго Ленина» за твёрдую приверженность курсу большевистского ЦК и лидеру партии лично. Если мне не изменяет память, на его счету было 14 псевдонимов и 7 ссылок, членство в ЦК с 1912 года, редакторство в «Правде», «Рабочем и солдате» в 1917 году — все эти факты «послужного списка» свидетельствуют о его важной роли в партии в предреволюционный период. После избрания его генеральным секретарем ЦК — должность новая по раскрывавшимся тогда масштабам административной работы, — то есть с 1921 года, Сталин начинает пользоваться в верхнем эшелоне советской власти всё большим и большим влиянием — «необъятной властью», по ленинской формуле. А такого рода влияние при сталинской

умелости и деловитости не могло не стать решающим фактором во внутрипартийной борьбе. К своей зрелой политике Сталин шёл целенаправленно, и меня не удивляют появившиеся в последнее время легенды, что он был послан в большевики некими православными старцами — это версия, изложенная в документальном фильме А. Москвиной «Бич Божий».

Изучая тексты сталинских статей и выступлений, трудно не отметить педагогической манеры Сталина — это не расплавленный поток речи троцкистов, но создание формул, оттачиваемых до заучиваемости. Впоследствии этот стиль, рассчитанный на универсализм его применения на местах, обрастая всё новыми подробностями, станет официальным языком газет и собраний. Классическим его образчиком является знаменитый «Краткий курс истории ВКП(б)». Задача Сталина — дать стереотипы местному администратору, дать язык безязыкому новому человеку. До конца 20-х годов эти тенденции в Сталине едва заметны, благодаря его осторожности и огромному дару тактического выжидания, терпеливой подготовки всех значимых шагов. Даже в 1928 году, после разгрома объединённой оппозиции, когда сталинский костяк был уже так силен, что не побоялся отмежеваться от умеренных оппонентов — бухаринской группы, — стиль мышления Сталина во многом ещё оформляется в виде осторожных разъяснений ситуации, комментирования политической программы. Только в речи «О правом уклоне в ВКП(б)» на апрельском пленуме ЦК в 1929 году начинает проявляться своеобразная «свирепость» генсека.

Одним из первых произведений новой сталинской эры можно считать короткий доклад «Год великого перелома», приуроченный к 12-й годовщине революции. Сразу ощущается дыхание новой политической ситуации осени 1929 года, когда последняя серьёзная оппозиция «большинству ЦК» и «генеральной линии», то есть фактически линии самого Сталина, — «правый оппортунизм» — была без особой шумихи отрезана от властных полномочий. Основой доклада является триумфальное настроение вождя в связи с победами колхозного движения. В данном тексте можно уже обнаружить ощутимые зачатки будущего сталинского парадного стиля, будущего «тоталитарного» монументализма. Это стиль своего рода догматического диалектизма. Нарочитый тавтологизм Сталина, как бы подчёркивание темы через повтор ключевого слова, зачастую в каждой фразе цепочки, манера «самоинтервью», создание иллюзии полемики — всё это сталинские изобретения. Но изобретения эти воспроизводят в себе эпические законы, законы речи, наделённой властью и семейно-родовым авторитетом, если можно так выразиться. Постепенно из жестокого и сурового учительства педагогизм этот всё больше обращается в формы добродушного отцовства.

Не резонно ли то предположение, что нэп и демократия — внутрипартийная, конечно, — были связаны некими глубинными внутренними узами? Так, в речи «О работе в деревне» 1933 года Сталин произносит слова, которые ещё недавно могли бы показаться недопустимыми, направленными на зажим инициативы низов или же недооценивающими классового врага: «Не в крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках, а в нас самих, в наших собственных рядах. Ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами, и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне».

Мы и сейчас переживаем нечто вроде нэпа: только не большевистского, а международно-олигархического — и вновь встаёт вопрос о том, чей гипноз сильнее. Я думаю, что на вопрос профессора, с которого начался наш разговор, следует ответить так: сегодня нашему обществу требуется нечто вроде нового Сталина — не буквальное его повторение, конечно, но тот же дух, та же государственная ответственность. И если Путину не удастся осилить такую задачу, значит, на смену ему придёт другой лидер, который её осилит.

Историк.

Из чего это следует?..

Философ.

Лидеру России в ближайшее десятилетие придётся решать задачи, типологически сходные с теми, что решал Сталин в 30-е годы. Тогда свежая стабильность государства заключалась в том, что аппарат был постоянно терроризируем властью, репрессии не позволяли ему распускаться — это была жёсткая, а не рыхлая деспотия, в какую-то она обратилась в 1960–1970-е годы. Кстати, первым уподобил Путина Сталину опять же отец Димитрий Дудко, о котором мы уже говорили.

Если сравнивать двух вождей, то я бы сказал следующее: Сталин в 20-е годы был гораздо осторожнее, чем Путин в наше время. Сталин был гораздо либеральнее по отношению к своим врагам. Троцкого он выслал из страны только в 1928 году. А Путин уже в первые годы своей власти, по сути, выдал за границу Березовского и Гусинского. В 2003 году Путин наносит удар по последнему оплоту либеральной оппозиции: разворачивается кампания против Ходорковского. В непосредственной связи с этим объявляется отставка Волошина — этого символа «старой ельцинской гвардии» в руководстве России. В 2004 году отставкой Касьянова Путин подводит черту под эпохой целенаправленного выдавливания своих противников из власти. Эти события напоминают разгром «правого уклона» в ВКП(б), который предшествовал «году великого

перелома». Через десять лет сталинские репрессии против господствующей партийной элиты достигнут пика. Не ожидать ли и нам в ближайшие годы начала репрессий, а не просто мягкой «ротации» нынешней элиты? Возможно, что Сталин, как говорится, «мягко стелил», но потом ожесточился, а у Путина будет обратная тенденция — но тем не менее следует ожидать сгущения туч над «старой элитой», «элитой 90-х».

Физик.

Я согласен, пожалуй, что параллель работает. Но вот не так давно вышла книжка в двух томах, называется «Двести встреч со Сталиным». Там на нашу тему есть очень интересный эпизод. Это встреча Сталина с писателями в 1947 году, вспоминает о ней Константин Симонов. Мысль, которую внушал на этой встрече нескольким маститым писателям Сталин, была такой: воспитывать советский патриотизм, искоренять в интеллигенции преклонение перед заграничной культурой. «Это традиция отсталая, она идёт от Петра, — сказал Сталин. — Простой крестьянин не пойдёт из-за пустяков кланяться, не станет снимать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия...» «Надо уничтожить дух самоуничтожения... Надо на эту тему написать произведение... Надо противопоставить отношение к этому вопросу таких

людей, как тут, — сказал Сталин, кивнув на лежащие на столе документы, — отношение простых бойцов, солдат, простых людей. Эта болезнь прививалась очень долго, со времён Петра, и сидит в людях до сих пор».

Философ.

Хорошую вы цитату откопали. Уничтожить дух самоуничтожения — вот какую задачу поставил Сталин. Такие слова просто так не рождаются. Как говорится, от избытка сердца говорят уста.

Физик.

Но как это понимать? Ведь уничтожение, смирение — это наше традиционное духовное достояние...

Шейх.

Уничтожение разное бывает. Сталин говорил о самоуничтожении, которое сродни предательству. Вообще же в той мысли, в самой зрелости мысли Сталина заключается какая-то загадка.

Философ.

Да. Масштаб мысли Сталина здесь уж очень велик. Может быть, и впрямь его богоносные старцы благословили на «хождение в революцию»? Как думаете?..

Впервые опубликовано в сетевом «Русском журнале» в 2005 году

/ Александр АЙВАЗОВ /

Два лидера – два парада

Исторические параллели

«У Путина спрашивают:

— Владимир Владимирович, а вы за или против Сталина?

— Я — вместо!»

Из современного фольклора

Влюбой хорошей шутке содержится некая истина. И шутка, приведённая здесь в качестве эпиграфа, — не исключение.

Путин и Сталин — политики разных эпох, даты их рождения отстоят друг от друга почти на три четверти века. Но есть то, что сближает и даже объединяет их между собой. Парады Победы 1945 и 2020 годов, проведённые в один день 24 июня, лишний раз подчёркивают наличие такой связи. А в чём она, эта связь, заключается по существу? И в чём заключается разница между «отцом народов» и действующим президентом Российской Федерации?

Великий китайский мудрец Конфуций говорил: «Хуже всего — жить в эпоху перемен». А Сталину пришлось, и Путину приходится не только жить, но и управлять такой сложной и многоплановой страной, как Россия, именно в эпоху перемен — причём не просто перемен, а колоссальных тектонических ломок всей мировой системы, которые человечество переживает примерно раз в столетие. Американский учёный Джованни Арриги в конце XX века, опираясь на исследования выдающегося французского историка Фернана Броделя и автора мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна, разработал теорию пяти вековых циклов накопления капитала (ВЦНК): Генуэзского, Голландского, Британского, Американского и нового, формирование которого идёт сегодня, — Азиатского.

ЭПОХИ ПЕРЕМЕН

В отечественной истории есть несколько реперных точек, когда Россией руководили выдающиеся личности, внёсшие фундаментальный вклад в её развитие. Это князь Владимир Святославич (Красно Солнышко), который крестил в православие Древнюю Русь. Это князь Александр Невский, который сделал выбор между Востоком и Западом в пользу Востока и тем самым сохранил православие на Руси. Это Иван Грозный, который завершил формирование

Русского царства в период расцвета Генуэзского ВЦНК. Это Пётр I, который превратил Московское царство в Российскую империю и «прорубил окно в Европу», когда та переживала расцвет Голландского ВЦНК. Это Екатерина Великая, которая в период заката Голландского ВЦНК превратила Российскую империю в великую державу, без ведома которой ни одна пушка в Европе не могла выстрелить. И это И.В. Сталин, который в период формирования Американского ВЦНК создал вторую после США мировую империю и разгромил объединённую под флагом нацистского Третьего рейха Европу. И, наконец, это В.В. Путин, который после распада Советского Союза в ходе «перестройки» и «рыночных реформ» вернул России политический суверенитет и заставил считаться с нею весь мир, но почему-то не торопится войти в формирующийся Азиатский ВЦНК.

Западные СМИ, российские либеральные блогеры и СМИ нередко называют президента В.В. Путина и генсека ЦК ВКП(б) И.В. Сталина близнецами-братьями, считая их тиранами и деспотами, пытаются очернить их, обвиняя во всех смертных грехах, представляя их чуть ли не абсолютным злом во плоти. Но людей не обманешь, и большинство наших соотечественников считают их выдающимися политическими деятелями и национальными лидерами.

Начнём со Сталина и сталинской эпохи.

В 2008 г. телеканал «Россия» проводил всероссийский опрос «Имя России», на котором «пьедестал почёта» заняли Александр Невский, Пётр Столыпин и Иосиф Сталин, каждый из которых набрал более полумиллиона голосов россиян, что подтвердило выдающийся вклад И. Сталина в историю России.

В 1910–1940-х гг. мир переживал период, когда Британский ВЦНК, сформировавшийся в первой половине XIX века, уходил в историю, а ему на смену приходил Американский ВЦНК. Этот процесс сопровождался тектоническими преобразова-

ниями, самые мощные из которых: две мировые войны и «Великая депрессия» между ними.

Тогда же мировая экономика оказалась на понижательной волне Большого Кондратьевского цикла, которая всегда сопровождается серьёзным падением производства, частыми и глубокими кризисами. Эта понижательная волна и «Великая депрессия» были результатом перехода с III технологического уклада (сталелитейная и химическая промышленность, электроэнергетика, станкостроение и т.д.) к IV укладу, основанному на двигателе внутреннего сгорания (автомобили, танки, самолёты и т.д.).

Колониальный мирохозяйственный уклад (МХУ), который на протяжении всего XIX века формировала для упрочения своей гегемонии Великобритания, прошёл свой пик развития в конце XIX столетия и в начале XX века уже утратил свою эффективность. В то же время США, Германия и Россия, экономики которых бурно развивались в начале XX столетия, стали подвергаться сомнению лидерство Британской империи, вступив с ней в жёсткую конфронтацию.

Чтобы отстоять своё лидерство, Великобритания стравлила Германию и Россию, развязав Первую мировую войну, но в результате не упрочила, а наоборот, потеряла его. В Первую мировую войну она входила крупнейшим мировым кредитором, а вышла из неё крупнейшим должником США с подорванной экономикой. В результате она вынуждена была отказаться от главного института Британского МХУ — золотого стандарта, который она внедряла в мировую экономику на протяжении почти всего XIX века.

При этом Первая мировая война разрушила четыре империи, две из которых противостояли Британской: Германскую и Российскую, — но укрепила экономическое положение Соединённых Штатов, которые выдвинулись в мировые лидеры по экономической мощи. Чтобы окончательно выдавить Великобританию с лидерских позиций,

США должны были развязать Вторую мировую войну и разрушить британскую колониальную империю, для чего был выдвинут лозунг «права наций на самоопределение». Более того, США начали финансировать восстановление экономик и индустриализацию в России и Германии, так как были уверены, что Германия захочет взять реванш за унижительный Версальский мирный договор и развяжет войну в Европе, куда окажется втянута и Великобритания, а США, как и в Первой мировой войне, заработают на поставках всем воюющим сторонам.

Всё так и случилось. Германия при поддержке американского капитала восстановила и милитаризовала свою экономику, а в 1939–1940 гг. взяла убедительный военный реванш за унижительное поражение в Первой мировой войне. Но Гитлер не остановился на этом и провозгласил лозунг: *Drang nach Osten!* («Натиск на Восток!»), где и нашёл свою погибель. СССР же в результате Победы 1945 года стал второй, после США, империей Американского ВЦНК.

Если бы Гитлер не напал на СССР, а довольствовался захватом большей части стран Европы и их колониальных владений или вторгся в Великобританию, то расклад мировых сил сегодня был бы совершенно иным. Но у эпох перемен — своя логика обстоятельств, и события того времени развивались так, как они развивались. В Бреттон-Вудсе, Ялте и Потсдаме был сформирован новый миропорядок, в котором Великобритания утратила свою гегемонию и потеряла империю, «над которой никогда не заходило солнце». Её место заняли две империи: американская и советская, поделившие мир между собой.

В 2000–2020-х гг. мир переживает точно такую же эпоху перемен и слома старого мирового устройства, а очередная понижительная волна Кондратьевского цикла началась с кризиса 2008 года, ознаменовавшего начало перехода с V технологического уклада (микроэлектроника, Интернет, персональные компьютеры, мобильная телефония) к VI укладу (нанобиотехнологии, робототехника, искусственный интеллект и т.д.).

В начале XXI столетия Американский ВЦНК, как и Британский за век до того, начал терять свою эффективность, сдвигая позиции в экономике КНР, и к 2020 г. США не только перестали быть первой экономикой мира по уровню ВВП, но уступили Китаю, ставшему новой «мировой фабрикой», и первенство в глобальной торговле. Американский имперский МХУ после кризиса 2008 г. начал разрушаться, но новый, Интегральный (как его назвал академик С.Ю. Глазьев), МХУ пока не возник. Он должен сформироваться к середине или к концу 2020-х гг., когда начнётся повышательная волна.

Сегодня США не могут, подобно Великобритании начала XX века, развязать мировую войну, поскольку наличие ядерного оружия и межконтинентальных ракет у других стран мира гарантирует, что Америка получит неприемлемый для неё ущерб и разрушится как единое государство. Поэтому, чтобы удержать свои лидерские позиции в мировой «табелі о рангах», Америка развязывает по всему миру гибридные войны.

В настоящее время она одновременно воюет с Россией, имеющей с ней военный паритет, с Китаем, обогнавшим США по уровню экономического развития, а также с Ираном, с ЕС и другими странами, которые пытаются стать независимыми от США.

Но если сто с лишним лет назад Великобритании удалось сравнять двух из трех своих основных конкурентов (Германию и Россию) в Первой мировой войне, то США своей неуклюжей внешней политикой, наоборот, сейчас максимально сблизил двух основных своих конкурентов (Китай и Россию). Китай, как первая экономика мира, и Россия, обладающая военным паритетом с Америкой, создали стратегическое партнёрство, с которым США справиться не удаётся.

Переход от Американского к Азиатскому (как его назвал Дж. Арриги) ВЦНК — вопрос только времени. Тем более что такие страны, как Индия, Иран, государства Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, также стремятся избавиться от гегемонии США, в то время как Китай стремится объединить практически весь Азиатский регион вокруг своего глобального проекта «Один пояс, один путь».

ЧТО СДЕЛАЛ ПУТИН

После развала Советского Союза наша страна в 1990-х гг. пережила не меньшую разруху, чем это было после Гражданской или Великой Отечественной войн. ВВП России (по паритету покупательной способности) за 1990–2000 гг. сократился ровно вдвое, с 2 до 1 трлн долл., в то время как, например, китайский ВВП вырос в 2,5 раза, а индийский — более чем в 2 раза. В результате РФ фактически утратила как политический, так и экономический суверенитет, превратившись в периферийное государство под внешним управлением США, что было зафиксировано в Конституции 1993 года, написанной либеральными компрадорами под диктовку американских советников.

Только после дефолта 1998 г. и знаменитого «разворота над Атланти-

кой», совершённого Е.М. Примаковым 24 марта 1999 года, начался процесс постепенного восстановления российского суверенитета. Правительство Примакова просуществовало всего 8 месяцев и не успело довести начатое им дело до конца. Но его подхватил В.В. Путин, занявший пост президента после досрочной отставки Б.Н. Ельцина и выигравший президентские выборы 2000 года.

Начал он, как и Сталин, с формирования «вертикали власти», для чего покончил с «парадом суверенитетов» в России и объединил федеральных и региональных чиновников, сформировав единую «партию власти». Затем он обуздал произвол олигархов, сказочно обогатившихся в 1990-х гг. за счёт развала экономики и катастрофического обнищания рядовых россиян, а также изгнал из Чечни подерживаемых из-за рубежа исламских террористов, чем завоевал уважение и доверие россиян, которые снова избрали его президентом в 2004 году.

Можно сказать, что на первом этапе (2000–2008 гг.) Путину сильно повезло. Но везёт тому, кто везёт. Пока он воевал на Кавказе, боролся с произволом чиновников и олигархов, выстраивая «властную вертикаль», российская экономика развивалась быстрыми темпами за счёт ускорения, которое было придано ей правительством Е. Примакова. Рост ВВП в 1999 году составил 6,4%, а в 2000 году — рекордные 10%, в том числе — за счёт отказа от либерал-монетаристских догм в экономике. Главой Банка России после дефолта 1998 года снова стал В.В. Геращенко, который, игнорируя требования МВФ, проводил суверенную финансовую политику и насытил российскую экономику деньгами.

А после ухода Геращенко из Банка России начался рост мировых нефтяных цен, создавший мощный приток валюты и заставивший работать печатный станок рубля с полной нагрузкой, гарантируя тем самым высокие темпы роста российской экономики. И так длилось вплоть до начала кризиса 2008 года, кото-

рый обвалил цены на нефть почти в пять раз.

В результате российская экономика за 2008–2009 гг. потеряла 8% своего объёма — больше любой другой национальной экономики из первой мировой двадятки. Стоит отметить, что суверенная политика Примакова–Геращенко, основанная на рублёвой эмиссии в соответствии с потребностями российской экономики, позволила российской экономике после дефолта 1998 года расти на 6,4% ежегодно. Последние же 12 лет, вследствие возврата к использованию либерал-монетаристской модели, включая «бюджетное правило» как сверхжесткий вариант пресловутой *currency board*, экономика РФ стагнирует, прибавляя, по данным Всемирного банка, менее 1% в год.

В области внешней политики Путин продолжил начатый Примаковым курс на укрепление суверенитета РФ, для чего, как показал опыт «чеченских войн» и конфликта в Южной Осетии, было необходимо восстановить боевой потенциал Российской армии. То, что сделать это удалось, было в полной мере продемонстрировано в Крыму весной 2014 года, а затем — в Сирии с осени 2015 года. Военные успехи подняли авторитет РФ не только на «постсоветском пространстве» или на Ближнем Востоке, но и во всём мире.

Путин оказался блестящим политиком, сумевшим вернуть России статус великой мировой державы, опирающейся на мощный военнополитический потенциал. Но, к сожалению, в сфере экономики он продолжил ельцинскую традицию опоры на либерал-монетаристов, этих «алхимиков от экономики», — видимо, записав на их счёт все российские достижения начала 2000-х гг. Эти либерал-монетаристы утверждали и утверждают, что рыночная экономика — саморегулируемая система, не нуждающаяся в государственном управлении и стратегическом планировании, — более того, заменяющая их «невидимой рукой рынка». Мышление либерал-монетаристов

является «клиповым», «мозаичным», а горизонт их «планирования» ограничивается максимум 2–3 годами, поэтому планирование они подменили бюджетированием, а в качестве главной цели государственной деятельности выдвинули принцип финансовой оптимизации и ограничения участия государства в экономике страны.

К чему это привело, особенно хорошо видно сегодня на примере российской медицины, подвергшейся либеральной «оптимизации». Повсеместное сокращение числа поликлиник, больниц, фельдшерско-акушерских пунктов и койко-мест привели к полному развалу низового звена системы здравоохранения и недоступности бесплатной медицины для большинства россиян. При этом упор был сделан на создание высокотехнологичных медицинских центров, благодаря чему буйным цветом расцвела платная медицина, доступная исключительно коррумпированному чиновничеству и обеспеченным слоям населения.

Когда же в Россию пришла эпидемия COVID-19, то оказалось, что наше здравоохранение, «оптимизированное» усилиями министров Зурабова,

Голиковой и Скворцовой, не готово ей противостоять. Хорошо, что в РФ оставалась ещё военная медицина, до которой не дотянулись руки либерал-оптимизаторов типа Кудрина, Грефа, Силуанова, Орешкина, Набиуллиной и других, постоянно призывавших к сокращению расходов оборонного бюджета.

Военные медики быстро заполнили вакуум медицинских учреждений и врачей, созданный либеральными оптимизаторами, а военные строители за пару месяцев возвели из сборных конструкций медицинские центры, компенсируя недостаток койко-мест, возникший из-за безграмотного реформаторства российских либералов. Если бы государство не сохранило необходимый уровень оборонного бюджета, наши потери от коронавируса в РФ были бы как в США, с ещё более тяжёлыми демографическими, социально-экономическими и, возможно, политическими последствиями.

ЧЕГО ПУТИН НЕ СДЕЛАЛ

Все попытки и призывы президента России обеспечить высокие темпы роста российской экономики обрече-

ны на провал в рамках действующей либерал-монетаристской спекулятивной модели экономики. Практика последних 12 лет это наглядно показывает.

Нужно сменить эту модель на национально ориентированную суверенную модель экономического развития, переход на которую начат был в 1998–1999 гг. правительством Примакова–Геращенко. Во «властной вертикали» число и влияние сторонников этой модели постепенно растёт, а в теории её активно развивает академик С.Ю. Глазьев, которого президент Путин (как в 1941 г. И.В. Сталин поступил с Г.К. Жуковым) отправил в прошлом году на «резервный фронт» — в Евразийскую экономическую комиссию. Но тогда Сталин, правильно оценив ситуацию, быстро вернул Жукова назад, доверился его знаниям и умениям при обороне сначала Ленинграда, а потом — и Москвы. Эпидемия COVID-19, по всем оценкам, нанесла значительный урон российской экономике. В этом плане ситуация вполне сопоставима с летом-осенью 1941 года. Коронавирусная инфекция продемонстрировала не только полное банкротство либеральной

политики оптимизации российского здравоохранения, но и банкротство всей спекулятивной модели экономического развития РФ. По итогам 2020 года ожидается сокращение российского ВВП на 10–12%.

А пока В.В. Путин теряет одну позицию за другой, компрадорские силы на всех уровнях российской властной «вертикали» — похоже, выполняя заказ глобальной финансовой олигархии, — делают всё от них зависящее, чтобы вызвать в России массовое недовольство президентом, с перспективой его замены на более «договороспособного» по отношению к Западу политика.

Слово «кризис» в китайском языке обозначается двумя иероглифами, один из которых означает «проблемы», а другой — «возможности». Путин сконцентрировался на проблемах, порождаемых коронавирусом, но полностью проигнорировал возможности, которые открывает этот кризис. Представьте себе, что если бы Сталин в 1941 г. полностью сконцентрировался на фронтовых делах и не создал бы уже на третий день войны Совет по эвакуации, благодаря деятельности которого промышленные мощности СССР были своевременно эвакуированы на восток нашей страны и быстро развёрнуты там, то сумела бы Красная армия без этого победить в Великой Отечественной войне и какой оказалась бы в итоге цена Победы? Ответ, я думаю, не вызывает каких-то сомнений: в таком случае война продлилась бы намного дольше, с гораздо большими потерями и жертвами для нас, а её исход мог оказаться принципиально иным. Путин же пока не считает необходимой полную мобилизацию страны и связанные с ней возможности — видимо, рассчитывая достичь победы, воюя «малой кровью и на чужой территории».

Правда, правительство «разработало» план восстановления экономики после эпидемии коронавируса, но этот документ представляет собой всего лишь совокупность мероприятий, которые или уже проводятся,

или будут проводиться в рамках всё той же спекулятивной либерал-монетаристской экономической модели и всё теми же кадрами, которые «добивались» стагнации российской экономики на протяжении вот уже 12 лет.

Представьте себе, что в 1941 году Сталин оставил бы Ворошилова на защите Ленинграда, Будённого — на обороне Москвы, а Жукова — командовать Резервным фронтом и не создал бы Совет по эвакуации. Куда бы тогда пришлось отступить под натиском нацистских агрессоров? До Урала? За Урал?

Путин постоянно говорит о необходимости роста инвестиций в российскую экономику. Но инвестиции бывают трёх видов: инвестиции финансовых спекулянтов на валютном и фондовых рынках, прямые портфельные инвестиции на фондовых рынках в акции и облигации и инвестиции в основной капитал. О каких инвестициях идёт речь? Спекулятивные инвестиции абсолютно не влияют на рост экономики, а в кризис спекулятивные капиталы стремительно бегут из страны, обваливая финансовые рынки, как это уже было в 1998-м и в 2008-м. Прямые портфельные инвестиции также не оказывают никакого влияния на рост экономики, они создают рост капитализации отдельных компаний. И только инвестиции в основной капитал формируют рост ВВП страны, но они за последние 12 лет не растут более чем на 18% от ВВП в год, что и порождает стагнацию или символический рост экономики максимум на 1% в год. Чтобы ВВП РФ рос на 4–5% в год, нужно, чтобы инвестиции в основной капитал росли не менее чем на 27–28%, а рост ВВП на 8–10% обеспечивается ростом инвестиций в основной капитал на 35–40%.

Президент Путин еще в 2012 г. поставил перед правительством задачу довести инвестиции в основной капитал до 27%, но правительство с этой задачей не справилось, поскольку оно ориентируется исключительно на частные инвестиции, которые ни-

когда и нигде не превышают 20%, даже если полностью «компенсировать» эти затраты за счёт бюджета, что сегодня мы видим на примерах «Роснефти» и «Газпрома». Чтобы этот показатель достиг более высоких отметок, нужен соответствующий мощный приток государственных инвестиций в основной капитал, а правительство РФ вместе с ЦБ ориентированы мировой финансовой олигархией в лице МВФ на сдерживание развития России и формирование стабилизационных фондов, средства которых держатся в иностранной валюте, финансируя, таким образом, не российскую, а западные экономики.

План правительства М.В. Мишустина по восстановлению экономики после пандемии предполагает вложения в размере 5 трлн рублей за полтора года. Но для преодоления стагнации российской экономики необходимо ежегодно насыщать её денежной массой (как это делал Герасченко в 1998–2002 гг.) в размере не менее чем 15–20 трлн рублей. Поэтому данный план не обеспечит роста российской экономики и не сможет удержать её от дальнейшего падения.

Если исходить из объективных данных и тенденций, то к концу 2021 года это должно стать очевидной реальностью — образно говоря, «немцы окажутся под Москвой» (эта параллель вполне имеет право на существование). Повторюсь, что Сталина в годы Великой Отечественной удалось опереться на Жукова и других советских военачальников «новой волны», а вот Николай II не смог защитить П.А. Столыпина и довести до конца начатые им реформы, что привело к революциям 1917 года и к расстрелу всей царской семьи. Джон Кеннеди был абсолютно прав, когда утверждал: «Те, кто делает мирную революцию невозможной, делают насильственную революцию неизбежной».

И Путину рано проводить свой парад Победы 24 июня 1945 года. Ему нужен парад 7 ноября 1941 года. Без первого второго не бывает и не будет!

/ Вардан БАГДАСАРЯН /

Образ Сталина в российском обществе

О чем говорят социологические опросы

Общественность последнее время была периодически эпатирована поступающей информацией о результатах социологических опросов в отношении восприятия российским обществом истории. Особенно

резонансными оказывались опросы, показывающие высокий уровень популярности И.В. Сталина. Предположение, что с течением времени и приходом новых поколений культовые фигуры советской эпохи будут объективно

утрачивать рейтинговые позиции, не подтвердилось. Отчасти происходит даже обратный процесс, характеризующийся как ресоветизация в восприятии прошлого. Возникает парадокс существенного расхождения оценок и интерпретаций, предлагаемых в школьной версии учебников истории и историческом сознании народа. Объяснение — народ не знает истории, и вместе с историческим просвещением исправятся и его оценки прошлого — не удовлетворяет. Серьёзность угроз, связанных с расхождением условно «официальной» и «народной» версий истории, определяет целесообразность специального анализа доминант динамических изменений исторического сознания российских граждан в постсоветский период.

Особенно индикативным является расхождение в отношении фигуры Сталина. Наблюдаемый раскол сопоставим с расхождением в оценках в народе и элите в Российской империи в отношении фигуры Ивана Грозного. Для элиты он — тиран, кровопийца, патологическая личность; для народа — сакральная фигура русского самодержца. Зафиксированы были даже прецеденты почитания первого русского царя как святого. В восприятии народа правда Ивана Грозного состояла в том, что он изводил боярскую крамолу и противостоял коллективному Западу. Изводил крамолу «бояр» и боролся с Западом — в этом видится сегодня и правда Сталина.

Источниковую базу проводимого рассмотрения восприятия в российском обществе фигуры Сталина составили материалы социологических опросов по исторической проблематике российского населения, проводимых наиболее известными агентствами по социальному мониторингу в России: Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фондом общественного мнения (ФОМ) и «Левада-центром». Обращение одновременно к опросам трёх социологических агентств позволяет соотнести полученные ими результаты идруг с другом и верифицировать на предмет непротиворечивости.

Историческое сознание динамично, и воспроизводство в нём архетипов национальной памяти сопряжено с лабильностью образов, соотносимых с актуальным информационным контекстом. О высоком уровне динамических изменений в историческом сознании россиян свидетельствует, в частности, периодически проводимый с 1989 года опрос ВЦИОМ — «Левада-центра» по определению «самого выдающегося человека всех времён и народов».

По результатам опроса 1989 года с большим отрывом: 72% против 38% у идущего на втором месте Петра I, — победил Ленин. Его победа вполне соотносилась с ленинским культом в СССР, сохранявшимся и в перестроечные годы. Сталин тогда был только десятым, идя вслед за Львом Толстым и Менделеевым. Демонизация фигуры Сталина в перестроечных СМИ убедила тогда многих. Общество ещё не выработало иммунитета в отношении продуцируемых исторических мифов.

По результатам опросов 1994 и 1999 годов побеждал Пётр I, что в целом соотносилось с западническим вектором развития России и возраставшим запросом на «сильную руку». Сталин, вместе с тем, поднялся в них на четвёртую позицию.

Итогом опроса 2003 года стало разделение первого места между Петром I и частично восстановившем свою популярность Лениным, что отражало формирование, пока ещё латентно, тенденции ресоветизации исторического сознания. Сталин поднялся ещё на ступеньку выше, войдя уже в рейтинговую тройку.

В результате опроса 2008 года победил Пушкин, что давало, казалось бы, основания для сдвига от политических баталий в преломлении к прошлому в сферу культуры. Сталин при этом вышел на второе место.

Наконец, по результатам опросов 2012 и 2017 годов побеждает уже Сталин. Его победа была, как видим, неслучайна, отражая тренд роста державных настроений и запроса на социальную справедливость. За двадцать лет Сталин поднялся с десятого на первое место, и это означает, что имеет место не инерция исторического восприятия, а ресталинизация. Сталин более популярен в современной России, чем даже в позднем СССР.

Из других динамических изменений обращает на себя внимание заметная потеря в голосах рядом традиционных фигур российского героического пантеона — Ломоносовым, Жуковым, Суворовым (соответственно, 4-е, 5-е и 6-е места в опросе 1989 года), а также Наполеоном (5-е место в опросе 1994 года). Данные изменения указывают, что историческое сознание россиян хотя и в значительной мере опирается на матрицу советского исторического сознания, имеет и определённые отличия.

Опрос ВЦИОМ «Русские кумиры XX века» был ориентирован в большей степени на выявление наиболее популярных фигур в культурной и общественной жизни, нежели в политике. Тем не менее по результатам голосования

в перечне наиболее популярных исторических персон оказались и политические фигуры, что несколько исказило репрезентативность результатов. За первую позицию во всех трёх опросах вели борьбу Высоцкий, победивший в 1999 году, и Гагарин, победивший в 2010 и 2018 годах. Образ Гагарина выражал официальный советский бренд, образ Высокого — неофициальную культуру периода СССР. В историческом сознании народа в постсоветский период они сочетались как наиболее популярные кумиры, выражая в совокупности ностальгию по советскому прошлому. По результатам опроса 1999 года большой результат — 26%, что соотносилось с 3–4-м местами в рейтинге «русских кумиров», получил Андрей Сахаров. Однако в дальнейшем его популярность понизилась до 11% и 9–10-го мест. Снижение рейтинга Сахарова соотносилось с общей тенденцией девальвации либеральной платформы в историческом и, шире, — общественном сознании в целом. Сталин в рейтинге 1999 года занял 9-е место, 2010-го — 5-е, 2018-го — 4-е.

Крупнейшим опросным скандалом в постсоветский период явилось голосование в рамках конкурса «Имя России» 2008 года. Конкурс проводился по аналогу с организованным Би-би-си

проектом «100 величайших британцев». В большинстве стран, где такого рода аналоговые телевизионные проекты были организованы, побеждали фигуры, считавшиеся выражением национального имперского духа. В России, в соответствии с этой тенденцией, уверенно побеждал Сталин. Началась системная подтасовка результатов голосования. Сталин победил, но победить ему не дали. Именем России был назван Александр Невский. Власть активно раскручивала тогда образ Столыпина. Героизация его фигуры определялась приверженностью премьер-министра, с одной стороны, рыночной модели развития экономики, с другой — политике «сильной руки» в отношении оппозиции и терроризма. Царский премьер-министр был поставлен на второе место. Сталина отодвинули на третье. Однако последующие социологические опросы «Левада-центра», ВЦИОМ и ФОМ не подтверждают сколь бы то ни было весомое место, занимаемое Столыпиным в историческом сознании российского общества.

Образ Сталина, прежде всего, коннотировал с периодами индустриализации, Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления народного хозяйства. Но его рейтинг обнаруживает тенденцию роста и по отношению к ленинскому периоду руководства партией.

По персональным симпатиям из деятелей периода революции во всех опросах с 1990-го по 2017-й годы первую позицию удерживал Ленин. Второе место в опросах 1990, 1997, 2002 и 2007 годов занимал Дзержинский, 2017-го — Сталин. Существенно потеряли в рейтинговых позициях Бухарин — с 21% до 4%, Троцкий — с 15% до 3%, Махно — с 8% до 2%. Повысился рейтинг Николая II — с 4% до 16% и Колчака — с 3% до 10%. Но этого было явно недостаточно для конкуренции с Лениным и Сталиным.

Социологические опросы показывают, что курс на «десталинизацию», четыре волны которой фиксируются в истории государственной политики национальной памяти СССР/РФ, оказав определённое влияние на формирование негативных коннотаций образа Сталина, приводил затем к обратному эффекту волнового роста сталинской популярности. Причём доминантной позицией большинства негативизация Сталина даже на пиках десталинизационных кампаний в СМИ так и не стала. Напротив, волновой откат очередного роста популярности Сталина превосходил прежний уровень его позитивного восприятия. Фиксация тенденции волнового роста сталинского рейтинга позволяет говорить, что его формирование

в значительной мере выстраивалось в качестве протеста общества на происходящие реформы, ухудшение социального положения значительных групп населения. Сталин в данном случае выступал не как реальная историческая фигура, а как символический образ, противопоставляемый народной рефлексией властному дискурсу.

Ещё одна закономерность, обнаруживаемая в динамике популярности сталинского образа, выявляется в его корреляции с конфронтационностью России с Западом. При актуализации конфликта рейтинг Сталина находился в динамике роста, в ситуации потепления отношений — снижался. Такая закономерность позволяет говорить о его восприятии в качестве победителя, выразителя геополитической мощи государства. Сопричастность со сталинским образом подразумевала саморепрезентацию народа в качестве нации победителей, желания победы над новым врагом, основания для которой психологически находились в истории.

Широкий резонанс в 2019 году вызвали данные социологического опроса «Левада-центра», показавшие уровень позитивной оценки сталинской политики в российском обществе в 70%. Негативную оценку дали 19%. За всё время проведения опросов по соответствующей опросной позиции («Какую роль сыграл Сталин в жизни нашей страны?») сталинская политика в 2019 году получила максимум положительных оценок и минимум отрицательных. При первом таком опросе шестнадцатилетней давности положительную оценку давали 53% респондентов, отрицательную — 33%. Минимальный уровень поддержки сталинской политики пришёлся на февраль 2008 года — 39%. Далее следовали некоторый рост и новое снижение до 45% в 2011 году, что соотносилось с некоторым подъёмом либеральных настроений. После этого рейтинг популярности сталинской политики изменялся устойчиво в динамике роста. На опрос февраля 2008 года пришёлся и максимум негативных оценок политики Сталина — 38%. Это был единственный опрос, по результатам которого оценки в плюс и оценки в минус были почти равны. При всех других социологических замерах совокупность положительных ответов заметно преобладала. С 12 до 5% за весь период рассмотрения сократилась доля респондентов, относившихся к сталинской политике резко отрицательно. Резкий рост — сразу на 10% по отношению к предыдущему социологическому замеру в марте 2016 года произошёл при последнем опросе по доле тех, кто заявил, что поддержи-

вает тезис, что роль Сталина для нашей страны была целиком положительная.

Другая позиция в опросах «Левада-центра», личное отношение респондентов к Сталину, — показала в целом те же тенденции при меньших общих цифрах сталинской популярности. В марте 2019 года доля заявивших о личном положительном отношении к Сталину составила 51%. Рост в сравнении с первым замером в 2001 году по соответствующей опросной позиции — 38% и с минимальным уровнем 2012 года — 28% — также достаточно очевиден. Меньшая доля поддерживающих лично Сталина в сравнении со сталинской политикой объясняется позицией разграничения его на уровне исторического сознания народа в качестве политика и человека.

Доля лиц, имеющих лично неприязненное отношение к Сталину, составила 14%, что также несколько меньше доли не принимающих сталинскую политику. В 2001 году негативно к личности Сталина относились 43% россиян, что было больше воспринимающих его позитивно. Тенденция снижения этой доли в последующие годы имела достаточно устойчивый тренд. С 9 до 3% снизилась доля лиц, относящихся к Сталину с отвращением и ненавистью. В целом количество явных «сталинистов» (позиция отношения к Сталину с восхищением — 4%) и явных «антисталинистов» (позиция ненависти — 3%) показывает, что удельный вес радикалов не столь велик. Большинство отвечают менее однозначно — скорее да или скорее нет. Но их позиция в любой момент может радикализироваться в ту или иную сторону.

Перелом в «сталинской теме» произошёл за последние годы по опросной позиции отношения народа к политическим репрессиям — их оправданности/неоправданности. На интервале с 2008 по 2012 год соответствующих опросов «Левада-центра» доля тех, кто считал, что репрессии нельзя ничем оправдать, колебалась в диапазоне 58–61%, составляя очевидное большинство. Впервые число тех, кто считает, что репрессии в какой-то мере оправданны, превысило считающих их недопустимыми на опросе 2015 года. По результатам опроса 2019 года доля оправдывающих репрессии была снова чуть выше — 46% против 45%. Базовый компонент перестроечной исторической кампании — неприятие репрессий в политике СССР — утратил для значительной части общества своё прежнее мотивационное значение. От 3 до 13% возрос удельный вес тех, кто оправдывает политические репрессии целиком и, соответственно,

считает их целесообразным методом реализации государственной политики по отношению к сегодняшнему времени.

Сталин, судя по результатам опроса «Левада-центра» 2019 года, оказывается лишён привязки исключительно к коммунистической идеологии. Из голосовавших на президентских выборах за того или иного кандидата положительно относятся к политике Сталина 80% сторонников Жириновского, 70% сторонников Путина (как в обществе в целом) и только 68% сторонников Грудина. По логике ассоциации с коммунистической идеологией Сталин должен был бы, казалось, получить наибольшую поддержку среди адептов КПРФ. Однако результаты голосования такому ассоциативному ряду очевидно противоречат. Среди голосовавших за Грудина оказалась выше, чем в электорате других кандидатов, доля негативно относящихся к сталинской политике — 24% и относящихся к ней резко отрицательно — 7%. Всё это указывает на тенденцию переосмысления образа Сталина в версии государственника, восстановителя империи и даже оппонента исходной левокоммунистической идеологии Ленина. Разрывал ли в действительности Сталин с идеологическими принципами ленинской политики — вопрос, находящийся в фокусе обсуждения в СМИ и на форумах, и вне зависимости от того, был ли такой разрыв в действительности, в обществе имперская переоценка сталинской политики, по-видимому, происходит.

Опрос ВЦИОМ в апреле 2019 года подтвердил результаты опроса «Левада-центра» о доминанте роста популярности Сталина в российском обществе и достижении исторического максимума сталинского рейтинга за весь постсоветский период. Точку зрения о том, что в период сталинской власти страна развивалась в правильном направлении, поддержали 65% опрошенных. Почти столько же респондентов — 64% — солидаризировались со взглядом, что Сталин действовал в интересах всего общества. Личное положительное отношение к Сталину в опросе ВЦИОМ оказалось даже несколько выше, чем в опросе «Левада-центра», но меньше, как и при левадовском социологическом опросе, в соотношении с позитивно воспринимающими сталинскую политику — 58%.

При сравнении с опросами ВЦИОМ 2005, 2006 и 2007 годов отношение к Сталину изменилось в принципиально положительную сторону. Согласно опросным результатам 2005 года, доля респондентов, считавших, что страна

в сталинские годы развивалась в правильном направлении, составляла 37% — против 48%, оценивавших вектор развития как неправильный. По прошествии времени соотношение поменялось. Устойчивым осталась только сравнительно маленькая доля лиц, согласившихся бы лично жить в сталинскую эпоху, — только 4%.

Уже в 2011 году был проведён опрос ВЦИОМ по отношению общества к десталинизации, показавший неприятие большинством официального курса отношения к Сталину. Только 26% респондентов оценило десталинизацию в качестве целесообразной и своевременной меры государственной политики, тогда как мифом, манипуляцией историческим сознанием определили её 45% опрошенных. В контексте 2011 года, когда десталинизационные установки были восстановлены на уровне властного дискурса, в отрицании целесообразности десталинизации можно усмотреть проявление латентной оппозиционности со стороны общества в отношении к власти.

Индикативное значение меняющегося отношения общества к Сталину имел опрос ВЦИОМ 2017 года, проводимый по вопросу о целесообразности установления мемориальных досок и памятных знаков, связываемых со сталинским образом. Известна негативная реакция части общественности к прецедентам мемориализации Сталина. Среди респондентов опроса ВЦИОМ получила преобладание оценка допустимости и целесообразности такой мемориализации. При этом большинство — 62% — солидаризировалось со взглядом о необходимости установления мемориальных знаков, пропагандирующих успехи на посту руководителя государства, и 65% — с мнением о запрете на негативизирующие сталинскую политику мемориалы. Народ предпочитает видеть в истории своей страны великие свершения, а не разоблачение совершённых преступлений в соответствии со сценарием журналистской кампании периода перестройки.

Опросы Фонда общественного мнения фиксировали доминацию позитивных оценок сталинской политики ещё до того, как аналогичные результаты были получены «Левада-центром» и ВЦИОМ. Ещё в 2003 году доля оценивающих сталинскую политику положительно составила 36% против 29%, считавших, что она привела к негативным результатам. В 2006 году положительно оценивали роль Сталина уже 47% респондентов, отрицательно — по-прежнему 29%.

Опросы ФОМ позволяют также зафиксировать динамику оценок российским обществом

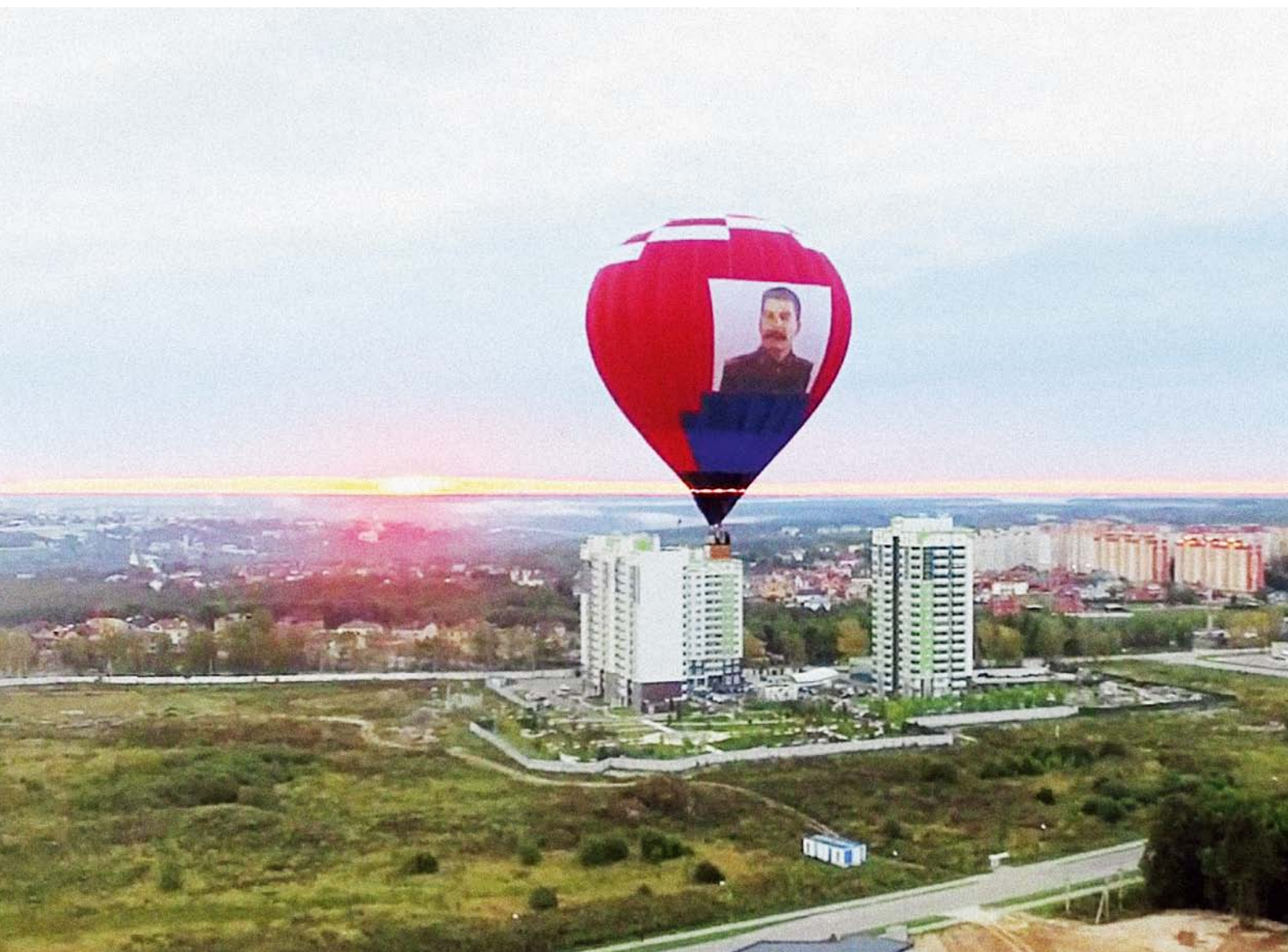
роли Сталина в Великой Отечественной войне. В 2005 году как положительную её оценивали 40% респондентов, в 2013 и 2015 гг. — 46%, в 2017 г. — 50%. Доля принимающих оценку «отчасти положительно, отчасти отрицательно» находилась во всех опросах в диапазоне трети голосов. Количество сугубо отрицательно оценивающих роль Сталина в Великой Отечественной войне составило в опросе 2017 года только 8%.

Интересные результаты для понимания представлений россиян дал опрос ВЦИОМ 2006 года. Тогда, по состоянию на 2006 год, сверхрейтинга популярности Сталина ещё достигнуто не было, это произойдёт позже. Тем не менее 57% респондентов высказались с той позиции, что нашему народу всегда (слово «всегда» в данной опросной версии ключевое) нужна «сильная рука». Такой ответ означал предпочтения большинством правителя определённого авторитарического стиля управления. Ещё 20% предпочли мнение о необходимости «сильной руки» на современном историческом этапе. Связанность опроса с темой репрессий, что ассоциативно могло использоваться как предупреждение, к чему «сильная рука» может привести в реализации своего курса, не повлияла на общие итоги голосования. Только 20% респондентов заявили, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы

вся власть сосредоточивалась исключительно в одних руках.

Победа в Великой Отечественной войне справедливо оценивается в качестве важнейшего консолидационного основания в историческом самосознании россиян. Тем не менее широкую циркуляцию в средствах массовой информации и Интернете получили различного рода мифологемы, направленные на дезавуирование образа СССР и советского руководства периода Великой Отечественной войны. Многие из них со времён перестройки составили клише интерпретации войны ангажировано в антисоветской/антироссийской направленности. Динамика социологических мониторингов показывает устойчивую тенденцию отхода от этих клише на уровне массового сознания.

Одна из наиболее резонансных мифологем, связанная с фигурой В. Суворова (Резуна), книги которого издавались в России огромными тиражами, состояла в утверждении превентивного характера нанесения Гитлером в 1941 году удара по СССР. На вопрос «Левада-центра», планировало ли руководство Советского Союза нападение на Германию, — положительно отвечали в 2005 году 19% респондентов, в 2010-м — 16%, в 2015-м — 14%, в 2018-м — 13%. С каждым опросом увеличивалась, соответственно, и доля тех, кто давал отрицательный ответ и ответ категорически отрицательный

(по опросу 2018 года совокупно они составили 76% населения).

Значительность потерь Красной армии на начальном этапе войны, превышавших потери Германии, преимущественно объяснялась в опросах 1990-х годов тем, что «сталинское руководство не считалось с жертвами». Такой ответ получил в опросах 1991 и 1997 годов соответственно 36 и 34%. В дальнейшем доля лиц, придерживающихся такого объяснения, устойчиво снижалась, достигнув по результатам опроса 2018 года исторического минимума — 9%, что соответствовало последнему месту из всех представленных объяснительных версий. В качестве основных причин 36% респондентов чаще всего указывают на внезапность нападения Германии, а на её военно-техническое превосходство в начале войны — 29%.

Рост популярности Сталина вёл, соответственно, к падению популярности Хрущёва как десталинизатора. И по самым ранним социологическим замерам Хрущёв не воспринимался в черед главных героев истории. Но он не оценивался российским населением и в качестве резко отрицательного персонажа, каковыми оказались Горбачёв и Ельцин. Главным положительным коннотатом хрущёвской эпохи оценивалось с большим отрывом от других индикаторов освоение космоса. Наиболее часто ассоциируемый с Хрущёвым негативный коннотат — дорогостоящие и малоуспешные эксперименты в сельском хозяйстве (выражаемые через образ «кукурузника»). Десталинизация и «оттепель» имели сравнительно незначительный факторный вес в оценках хрущёвских деяний в позитивном ключе (со-

ответственно, седьмую и четырнадцатую позиции в опросе 2014 года). Позитивные оценки Хрущёва преобладали по всем опросам над негативными. Но установившаяся тенденция снижения положительных оценок и роста отрицательных позволяет предположить, что при её сохранении он в скором времени окажется в восприятии большинства в ряду антигероев России. По замеру «Левада-центра» 2016 года, доля положительных оценок государства периода Хрущёва — 31% — почти совпала с долей отрицательных оценок — 29%.

Антиподом Сталина в историческом сознании народа оказывается не только Хрущёв, но и в ещё большей степени Горбачёв как десталинизатор № 2. Горбачёв, являясь в восприятии большинства россиян отрицательной фигурой истории, оказывается для значительной части населения преступником, изменником Родины. Главное предъявляемое ему обвинение — распад Советского Союза. Большинство полагает, что при другом правителе СССР не распался бы. Причём такого мнения придерживаются не только сторонники КПРФ, но и «Единой России».

Прямо противоположные результаты дают опросы по определению самого выдающегося деятеля российской истории в западных странах. Сообразно с ними Горбачёв является наиболее высокорейтинговой исторической фигурой России. Самый негативный образ для российских и самый позитивный для западных респондентов, Горбачев является и индикатором сохраняющего актуальность и воспроизводимого конфликта Россия — Запад.

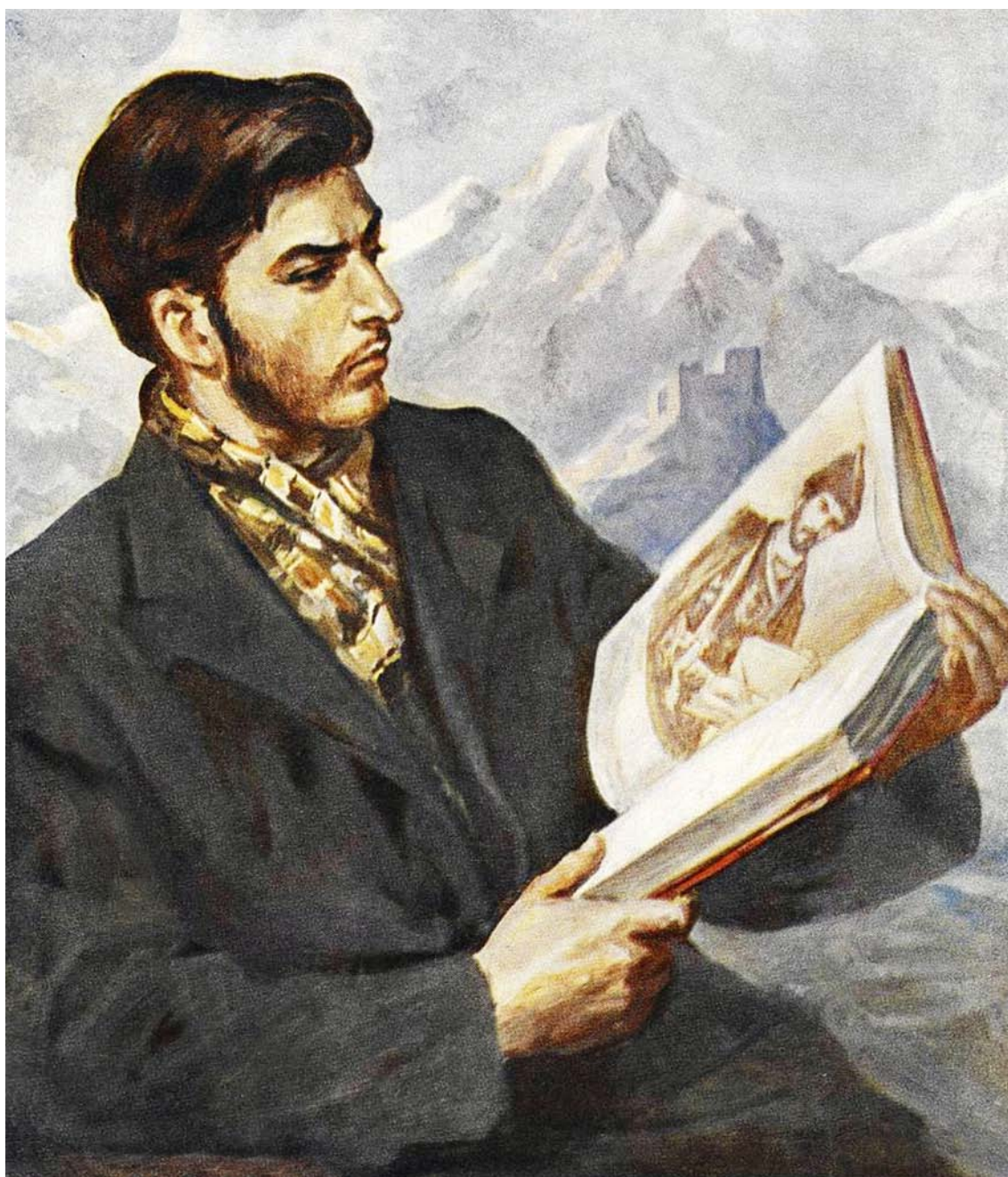
Акцентированно эта версия прошла верификацию в опросе Pew Research Center, проведённом в 2017 году в бывших странах социалистического лагеря. Бралась для сравнения мнения респондентов в отношении Сталина и Горбачёва. Разработчики опроса предположили, что популярность этих фигур находится в отрицательной корреляционной зависимости. Разность положительных и отрицательных голосов по странам опроса выразилась следующим образом. За Горбачёва: Эстония — 47, Польша — 45, Венгрия — 45, Чехия — 42, Литва — 40, Хорватия — 39, Латвия — 28, Румыния — 18, Беларусь — 10, Греция — 9, Босния — 8, Украина — 6%. За Сталина: Болгария — 1, Сербия — 5, Молдова — 12, Армения — 25, Россия — 36 и Грузия — 39%.

Анализ состояния исторического сознания россиян в преломлении отношения к фигуре Сталина за последние тридцать лет, по данным

социологических опросов, позволяет выявить выраженные доминантные тенденции. Десоветизация сталкивалась с советской матрицей восприятия истории. Определённые проявления её трансформации в десоветизационном тренде проявляются в 1990-е — начале 2010-х годов, достигнув апогея на интервале 2009–2011 годов. Однако взгляд на историю в соответствии с советской матрицей восприятия прошлого оставался во все периоды явно доминирующим. С начала 2010-х наблюдается новый рост популярности советских исторических образов и интерпретаций, что возможно трактовать в качестве сформировавшейся тенденции ресоветизации общественного сознания. Предположение, что советский исторический нарратив в общественном сознании российского населения связан исключительно с ностальгией по СССР старших поколений, не подтвердилось. Молодое поколение, вошедшее во взрослую жизнь в 2010-е годы, оказалось в восприятии истории более просоветски ориентировано, чем поколения средних возрастов.

Вместе с тем новая модель исторического сознания не явилась непосредственным воспроизводством исторического сознания периода СССР. Наряду с вектором ресоветизации прослеживается тенденция распространения взгляда на историю с позиций православной государственности. В целом оба вектора выражают тренд усиления имперского исторического нарратива. Сталин имеет высокий рейтинг популярности как у симпатизантов коммунистической идеи, так и у доминирующей части сторонников православной модели государственности. Либеральный взгляд на историю, несмотря на поддержку на уровне властного дискурса в 2000–2010 годы, не сформировался в виде доминанты и представлял позицию меньшинства.

Прослеживаемые тенденции показывают, что имперский вектор в историческом сознании будет и далее усиливаться. Главный вопрос состоит в том, будут ли православно-имперский и советско-имперский дискурсы синтезированы в рамках единой версии истории, или будут представлять в дальнейшем две антагонистические версии восприятия прошлого. Такой синтез оказывается возможным именно и прежде всего через фигуру Сталина. По большому счёту, сталинский образ и есть важнейший символический интегратор советской патриотики и патриотики православной державности.

/ Сергей БЕЛКИН /

Сталиниана: **ВОСПОМИНАНИЯ и размышления**

Образ Сталина в искусстве

Я пошёл в школу в 1957 году. Букварь, который мне купили, выглядел точно так, как и букварь моего старшего брата, пошедшего в школу двумя годами ранее. С одним отличием: в конце букваря у него были портреты Ленина и Сталина с краткими очерками о вождах, а у меня уже только Ленин. Разные формы десталинизации сопровождают меня всю жизнь. Так что сталиниану периода ее возникновения и развития я не застал, мне досталось наблюдать за разрушением развенчанного кумира.

Сталиниана, в ещё большей степени — лениниана, — хорошие в силу очевидности иллюстрации квазирелигиозного характера идеологической пропаганды. И не надо думать, что так было только тогда: проекции религиозной формы сознания, в которой основу составляют представления о персонифицированном Добре и Зле, остаются надежной, проверенной технологией до сих пор. Образы, имена, характерные черты и цели Добра и Зла могут изменяться, сама парадигма — нет.

Сталиниана — совокупность произведений музыкального, изобразительного и других искусств, а также кинематографии, прозы и поэзии, посвящённых И.В. Сталину или связанных с его личностью.

ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА

Изображений Сталина — живописных, графических, скульптурных — очень много. И здесь я проведу аналогию с традициями европейской, христианской культуры. Корнями они уходят в дохристианское прошлое — достаточно вспомнить дошедшие до нас образы древних греков и римлян. Но как инструмент активного формирования культурной матрицы, как модель распространения и утверждения определённой картины мира, мировоззрения, идеологии — здесь именно христианство продемонстрировало мощь и силу воздействия живописи и скульптуры. Европейская живопись во многом развивалась как иллюстрированная Библия и как портретная галерея заказчиков, среди которых заметное место занимают главы больших и малых государств, городов. Со временем мы забываем, чем хорош или плох был, скажем, урбинский герцог Федерико да Монтефельтро, но его знаменитый профильный портрет работы Пьеро делла Франческо вот уже более пяти столетий с нами, в нашей сегодняшней культуре.

С портретами Сталина и других советских руководителей постепенно происходит то же

самое. Те из них, которые написаны талантливо, переживут время и останутся в культуре. Но пока эпоха не столь далеко от нас ушла, многие из нас еще не могут оценивать полотна только с эстетической точки зрения. Видя портрет Сталина, мы пока что видим Сталина, а не портрет. Среди нас еще много людей, которых охватывает суеверный ужас от написанных на стене букв «С», «Т», «А», «Л», «И» и «Н». Недавно один популярный московский стряпчий отказался ходить на работу в здание, на котором повесили мемориальную табличку с текстом, в котором упомянут Сталин. И он вовсе не психопат и даже не мракобес: он так проявляет свои политические предпочтения. Впрочем, психопатию от политической активности не так-то просто бывает отделить...

Художники, формировавшие сталиниану, стремились к созданию позитивного, влиятельного образа вождя, формирующего уверенность в правоте политики, в способности защитить наши завоевания и обеспечить уверенность в завтрашнем дне. Те, кому это удалось, — справились со своей задачей и заслуживают уважения как настоящие мастера своего дела. Важно подчеркнуть, что ни художники, ни заказчики никогда не ставили задачу раскрыть образ гражданина Джугашвили И.В. во всей его психологической и физиологической полноте. Портрет политического деятеля почти всегда и почти во все времена подчинен другой цели — политической.

Изображения Сталина можно условно разделить на агитационные плакаты и портреты, среди которых есть свое направление — групповые и парные композиции.

Из множества плакатов, большинство из которых выполнено в технике коллажа с использованием фотографий, я бы вспомнил один из ранних — работу выдающегося мастера, основоположника советского плаката, работавшего под псевдонимом Дени. Его полное имя — Виктор Николаевич Денисов, чья карьера иллюстратора и карикатуриста началась еще в начале XX века. В его плакате «Трубка Сталина — вредитель, нэпач, кулак» 1930 года графический образ Сталина с дымящейся трубкой закладывает основу множества последующих подходов к образу вождя. Вспоминается и плакат Б. Ефимова — будущего мэтра политической карикатуры — «Капитан страны советов ведёт нас от победы к победе!», на котором Сталин изображён за штурвалом корабля по имени СССР. Плакат создан в 1933 году и посвящён выполнению планов пятилетки.

Свой след оставило и большое живописное полотно, созданное в том же году выдающимся мастером, действительным членом Императорской Академии художеств, заслуженным деятелем искусств РСФСР, профессором Д. Н. Кардовским «Сталин и члены Политбюро на маневрах».

В том же 1933 году была написана и работа Г. И. Рублёва «Портрет Сталина в кресле». Известна она стала, однако, спустя многие годы, после смерти автора в 1975 году. Георгий Рублёв был художником-монументалистом, работавшим в реалистической манере. Он автор росписей и мозаик станций метрополитена в Москве и Ленинграде, профессор в московских и ленинградских художественных институтах. Однако в ранний период он работал в иной манере, которую иногда называют наивным искусством. Эти свои работы он практически никому не показывал, хранил их в мастерской. Среди них и портрет Сталина, запоминающийся своей необычностью и, разумеется, радикально не соответствующий программной линии изображений политического лидера.

Подчеркнем, что Г. Рублев — вовсе не самоучка. Он окончил монументальное отделение живописного факультета Высших художественно-технических мастерских. Его учителями были известные мастера С. В. Герасимов, А. А. Осмёркин, И. И. Машков, П. П. Кончаловский.

Живописи, чтобы заслужить эпитет «наивной», недостаточно быть неумелой. Гораздо важнее — наивность взгляда художника на мир, которую удалось передать на холсте. Рублеву в портрете Сталина это удалось блистательно. Сталин здесь — сказочный герой, персонаж из «Тысячи и одной ночи», парящий в плетеном кресле, окружённый обворожительным по цвету — абрикосовым — бесконечным пространством. Лежащая у его ног собака — древний как мир образ покоя, домашнего уюта. Из сказочного мира Сталина не вырывает даже газета «Правда», которую он читает, — напротив: газета погружена в сказочный мир, став равноправным персонажем благостного мифа...

Портретная сталиниана становится политически-программной во второй половине 30-х годов. Среди главных мастеров этого направления смело можно назвать выдающегося живописца Александра Герасимова. Его портреты вождя — «Выступление И. В. Сталина на XVI съезде партии» (1935) и парадный «Портрет И. В. Сталина» (1939) — стали базовыми для тиражирования как многочисленными копиистами, так и полиграфией. Отдельного

упоминания заслуживает его громадное полотно «Иосиф Виссарионович Сталин и Климент Ефремович Ворошилов в Кремле» (1938).

Популярной стала первоклассная работа Василия Сварога «Доклад И. В. Сталина о принятии Конституции 1936 года» (1938 год). В своем до тошно-академическом стиле «Портрет И. В. Сталина» написал и маститый Исаак Бродский.

Особняком — в смысле стилистики, манеры — стоит «Портрет Сталина» (1936) работы Павла Филонова — художника гениального, но никак не вписывающегося в мейнстрим 30-х годов. Тем не менее картина, написанная по заказу государственного учреждения, была принята. Филонов выполнил её во вполне традиционной манере, но ее нетипичность при всем том — очевидна. Сейчас её можно увидеть в Русском музее.

Из картин военных лет достойна памяти работа А. И. Лактионова «Речь товарища Сталина 7 ноября 1941 года» (1942).

Послевоенный период портретной сталинианы достигает своего подлинно имперского величия. Образ вождя, лидера, борца, преобразуется в образ сияющего славой победителя и отца народов.

По праву знаменитыми стали работы Ф. П. Решетникова «Генералиссимус И. В. Сталин» (1948) и Ф. С. Шурпина «Утро нашей Родины» (1948).

Хороши и групповые портреты. Среди них «И. В. Сталин на крейсере “Молотов”» В. Г. Пузырькова (1950), «И. В. Сталин и В. М. Молотов с детьми» В. П. Ефанова (1947).

Достойны упоминания портреты Сталина таких мастеров, как В. М. Орешников, К. Д. Китайка, А. П. Бубнов и Д. А. Налбандян, чьи портреты политических деятелей «эпохи застоя» заполняют значительную часть художественного пространства в 70–80-е годы.

Упоминания, несомненно, заслуживает и портрет Сталина, выполненный Борисом Шаляпиным — сыном великого певца — для обложки журнала «Таймс» в 1950 году. Ясно, что этот образ создавался в совершенно иной политической и идеологической парадигме и призван служить иным целям. Тем не менее от облика исходят и мощь, и сила, и «стальная» воля.

ПАМЯТНИКИ

Борьба за памятники — то за их установку, то за снос — продолжает оставаться одним из важнейших инструментов политической жизни. С древних времён и до сих пор памят-

ники, прежде всего, «увековечивают память» и впоследствии рассматриваются и оцениваются с позиции «достойн — не достоин». С этим, как мы видим и по сей день, нельзя ничего поделать: памятники принимают на себя и месть политиков, и гнев толпы. Пример современной Америки показывает, что ни века истории, ни надуманность обвинений не спасают от расправы. Толпа при этом необязательно должна состоять из наследников культов вуду, прокалывающих иголками куколку своего врага: и у нас в стране, и в Европе то же самое творят просвещенные современники. Мне кажется, что изменить это, перевести восприятие памятников конкретным персонам в плоскость эстетики, как элемента городского ландшафта ещё очень долго не будет возможно. «Политические» общества — а других не предвидится — всегда будут сводить счёты с прошлым и конструировать настоящее, наполняя его своими символами.

Памятники Сталину — не первые памятники, подвергшиеся массовому сносу. После революции было снесено много всего, но можно выделить самую «массовую» персону — наиболее многотиражными до революции были памятники императору Александру Освободителю. Они стоили недорого, всегда имелись в продаже, поэтому ими была покрыта вся Россия. Чтобы представить масштабы, достаточно упомянуть, что только «Металло-литейный завод Новицкого» в Петербурге произвёл и поставил заказчиками более 2000 бронзовых бюстов Александра Второго по цене от 150 руб. за шт. После революции в ходе осуществления плана монументальной пропаганды были снесены почти все памятники «царям и их слугам». Уцелели немногие, такие как «Медный всадник» Этьена Фальконе, памятник Петру Первому у Михайловского замка работы Бартоломео Растрелли, выполненный Михаилом Микешиним памятник Екатерине II на Александринской площади, а также даже монументальные изображения особо нелюбимых новой властью Николая I на Исаакиевской площади (скульптор Петр Клодт) и Александра III (скульптор Паоло Трубецкой) и т.п. Спасали их, как правило, имена создателей и высокая художественная ценность.

Вновь повторю: религиозное сознание (а большевики тоже оперировали религиозным, хотя и безбожным, сознанием) требует сноса «не наших» богов и символов. Так было и при распространении христианства — уничтожались языческие «болваны и идола», так

действовали и во все последующие времена. Теперь мы храним каменных баб и идолов в музеях, а наши предки жгли их, топили и дробили. Вот и монументы Сталину постепенно накапливаются на лужайках музеев...

Сколько было памятников Сталину в СССР, сказать точно, думаю, затруднительно. Особенно, если подсчитывать и типовые бюсты, находившиеся внутри учреждений, и барельефы... Вероятно, счёт идёт на тысячи. Но большинство из них не относятся к теме сталинианы, поскольку не являются уникальными произведениями искусства. Но некоторые монументы таковыми, несомненно, были.

Выделю прежде всего работы С.Д. Меркурова, отличающиеся как по своему художественному уровню, так и по исключительным масштабам некоторых из них, например — памятник на Канале имени Москвы. Монумент был установлен в 1937 году на берегу реки Волги, у начала канала, при входе в шлюз № 1.

Он являлся частью архитектурного ансамбля: с противоположной (северной) стороны канала был воздвигнут памятник Ленину. Высота фигур — 25 метров, постамента — 12 метров.

До наших дней дожила скульптура Сталина из розового гранита, высеченная Меркуровым в 1938 году для советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Потом она стояла в ЦПКиО, а затем, после «разоблачения культа», убрана в запасники. С 1992 года, хотя и изуродованная вандалами — отбита часть лица, — скульптура стоит в парке «Музеон» на Крымской набережной. Эта и некоторые другие работы Меркурова стали образцами для тиражирования массовых памятников Сталину. Вот как описывал свою работу скульптор в журнальной статье 1939 года:

«Бывают такие краткие, четкие, лаконичные определения, которые сразу освещают явление или образ, как молния ночью в одно мгновение освещает весь пейзаж, и человеку сразу делается ясной местность, где он находится. Таким определением была для меня концовка книги Анри Барбюса “Сталин”: “И кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках того другого человека, который тоже бодрствует за всех и работает, — человека с головою учёного, с лицом рабочего, в одежде простого солдата”».

Весьма популярным был парный памятник «Ленин и Сталин в Горках» работы скульпторов Е.И. Белостоцкого, Г.Л. Пивоварова и Э.М. Фридмана. Его растиражировали в сотнях экземпляров по всей стране. Один из первых — авторских — вариантов был установлен в сквере у Речного вокзала в Москве в 1937 году. Следует отдать должное соответствию скульптуры актуальному политическому содержанию этого

периода. Вторая половина тридцатых — начало восстановления исторической субъектности России, фактическое появление (после Конституции 1936 года) национального государства, пришедшего на смену коминтерновскому плацдарму, называвшемуся «Первым отечеством мирового пролетариата». Сталин закрыл это гибельное направление русской истории и начал формировать новый катехизис, в котором прописывалась преемственность по отношению к канонизированному идеализированному Ленину. В связи с этим образ «Ленин и Сталин в Горках» вполне отвечал политической задаче и отличался достаточно высоким художественным уровнем. Впоследствии — в послевоенный период — появилось два слегка измененных варианта этой скульптуры. В одном из них ноги Ленина прикрыли шинелью, в другом — Ленин держит в руках книгу, а Сталин стоит рядом со свитком в руках.

После войны памятники Сталину обрели — как и в живописи — новые черты, черты победителя. Сталина изображали генералиссимусом, в военной форме. Одним из таких стал монумент работы Е.В. Вучетича и Л.М. Полякова в Сталинграде на канале Волга-Дон (открытый в 1952 году и имевший общую высоту 54 метра), а также памятник Сталину в Ереване (скульптор С.Д. Меркуров, архитектор Р.С. Израелян), в Ленинграде на Поклонной горе, открытый к 70-летию вождя в 1949 году

(скульптор В.И. Ингал), и др. Среди оригинальных работ, послуживших базовой моделью для тиражирования копий, были работы Н.В. Томского, В.И. Струковского, Г.В. Нероды.

Вспоминая утраченные монументы Сталину за рубежом, непременно говорят о памятнике Сталину в Праге («Народ Чехословакии — своему освободителю») — крупнейшей скульптурной группе в Европе (авторы Отакар Швец, Иржи Штраус), установленной в 1955 году и с немалыми усилиями взорванной в 1962 году.

Устанавливают ли памятники Сталину сегодня? Да, и этот процесс имеет вполне регулярный характер. В Грузии сейчас свыше полусотни памятников Сталину, большинство из которых установлено после обретения независимости, хотя при Саакашвили был ненадолго инициирован новый этап десталинизации. Во многих городах России идет процесс установки новых памятников. Массовый характер это приобрело в Дагестане, Северной и Южной Осетии. Бюсты Сталину устанавливают в региональных отделениях КПРФ.

Как относиться к утраченным монументам? Следует ли восстанавливать изображения и памятники Сталина и других — хотя бы и отвергнутых текущими политическими соображениями — персон? Полагаю, что это нужно делать тогда, когда они являются частью продолжающего существовать ансамбля, когда их отсутствие нарушает его целостность. Стоит, на мой взгляд, сожалеть об утрате доминантных монументов, составлявших ансамбль шлюзовых сооружений каналов Москва–Волга, Волга–Дон и некоторых других. К ансамблям относится и городская среда — как, например, Лубянская площадь с весьма удачным с художественной и архитектурной точек зрения памятником Дзержинскому.

Но особое чувство стыда и скорби вызывает варварское уничтожение изображений Сталина в метро. Список станций, на которых имелись изображения Сталина — барельефы, мозаики, скульптуры и т.п., — велик. Почти на каждой станции кольцевой линии были, зачастую и не в одном экземпляре, изображения Сталина.

Иногда их просто уничтожали — сбивали барельефы, убрали памятники. Так было сделано, например, на станциях «Павелецкая», «Семёновская» (бывшая «Сталинская») и «Электровзаводская», на которых до сих пор вместо барельефа — пустые кругляшки на стене. Иногда Сталина заменяли чем-то другим. Например — красными звездами, как на «Новокузнецкой», или посложнее, как на «Новослободской»: моза-

ичный профиль Сталина заменили на четырех белых голубей и пальмовую ветвь. Заменяли Сталина на Ленина, как на панно в южном торце «Новокузнецкой», или на женщину с ребёнком на фоне звёзд и космических аппаратов — «Добрынинская», или на панно «Матери мира» с мамами и детками трёх разных рас на «Проспекте мира». Парные портреты — Ленин и Сталин в профиль — разными способами меняли на одного Ленина: так сделали на «Бауманской», в нескольких местах на «Киевской». Там же — на «Киевской» — переделали мозаику «Провозглашение советской власти»: изображение Сталина превратили в полотнище знамени. На «Белорусской» было потолочное панно, на котором девушки вышивали портрет Сталина. Его заменили орденом Трудового Красного Знамени в окружении колосков. Похожим образом поступили на «Автозаводской» (бывший «Завод имени Сталина»): вместо лика вождя — картинки, иллюстрирующие промышленные достижения СССР. Несколько статуй просто убрали: на «Добрынинской», «Курской», «Автозаводской», убрали и парную скульптуру Ленина и Сталина с двумя декоративными торшерами на «Краснопресненской». В западном вестибюле «Арбатской» разобрали мозаику, а стену просто заштукатурили. Позади скульптурной группы «Партизаны» на «Партизанской» (которая недолгое время после открытия называлась «Измайловский парк культуры и отдыха имени Сталина») на стене был бронзовый профиль Сталина и цитата из Конституции: «Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР». Убрали и это. Стоит сожалеть и об утрате многофигурного белого керамического панно «Сталин и молодёжь» на «Таганской». Впоследствии вместо этого южного торца устроен переход на Таганско-Краснопресненскую линию. Одно из самых убогих — и по замыслу и по исполнению — решений — замена Сталина на Гагарина на «Добрынинской». В мозаике, изображающей парад физкультурников, несущих над головами портрет Сталина, произведена замена: физкультурники, одетые по моде 30-х годов, несут теперь портрет Гагарина...

Страсти по Сталину в Московском метрополитене еще не улеглись. В 2009 году была проведена реставрация вестибюля станции «Курская», в ходе которой были восстановлены строчки гимна СССР, в которых упоминался Сталин. Сколько было шума!.. Разумеется, о возвращении в этот вестибюль скульптуры Сталина, которая стояла в нише, примыкающей к ротонде с цитатой, и заикнуться не рискнули:

изображения Сталина пока ещё нельзя показывать в общественных местах: не достоин!

Критерий «достоин — не достоин» — крайне ненадёжный, ситуативный. На него не следовало бы полагаться, но политики, к сожалению, любят формировать и ссылаться на нечто, называемое «общественным мнением». Вот потрудились хрущёвские коммунисты-ревизионисты, развенчали, разоблачили Сталина и решили, что сформировали «общественное мнение»: Сталин не достоин, уберём его, а Ленина оставим. Народ стерпел... Ленины остались и приумножились. Потом страна развалилась, независимость союзных республик обреталась в форме антисоветизма и русофобии, сопровождавшихся сносом памятников. В России пошёл тот же процесс, но как-то приутих... Надолго ли? Сейчас уже яснее ясного, что если вновь немного «поработать», то от памятников Ленину легко откажутся: старики повымерли, новому поколению — «до лампочки», с КПРФ как-нибудь договорятся. Столь же ясно, что на свалку можно — на тех же основаниях, «не достоин», — отправить кого угодно: Петра Первого и Екатерину Вторую, Святого Владимира и патриарха Гермогена... «Если что», то ненадолго задержатся и памятники артистам, режиссёрам, художникам, — в передачах «из жизни звёзд» о них такое говорят, что всякий согласится: не место этим моральным уродам

на наших площадях и улицах! Ни за кого в этом смысле «быть спокойным» нельзя.

Лучше бы человечеству отказаться от этой традиции — «увековечивать память» путём установки памятников и переименования улиц, площадей, городов. Ясно, однако, что это не только политически обкатанный маневр, но и архетип из глубин племенного сознания, ищущего тотемные символы. Кумирство — надёжный инструмент политики. Что ни говори, какую базу под это ни подводи, а скульптура влияет на сознание очень сильно. Монумент персоне, кем-то объявленной «плохим человеком», весьма сильно смещает психологическое равновесие у многих людей, и они начинают крушить памятники. Думается, в этом направлении надо просто грамотно и терпеливо работать, и тогда для «увековечивания памяти» куда более разумные и действенные возможности. Но политики знают: пусть лучше сносят головы памятникам, чем им.

ПРОЗА И ДРАМАТУРГИЯ

Сталиниана в прозе и драматургии не стала влиятельным явлением культуры ни тогда, когда создавалась, ни тем более сейчас. Во всяком случае, сила воздействия стихов и песен, портретов, плакатов и памятников была значительно большей. Образы Сталина в пьесах Н. Погодина («Человек с ружьём»), Вс. Вишневского («Незабываемый 1919-й»), А. Толстого («Путь к победе») и его повести «Хлеб», в романе К. Федина «Необыкновенное лето» и др. выполняли свою повествовательную функцию, демонстрировали важную роль Сталина в событиях Гражданской войны — восстание на Красной горке, оборона Царицина и др. Можно вспомнить еще ряд произведений («Поднятая целина» М. Шолохова, повесть К. Симонова «Дни и ночи», роман А. Фадеева «Молодая гвардия», пьеса Л. Леонова «Нашествие» и др.), в которых художественным фактом становится не образ Сталина, а разговоры и поступки персонажей, осуществленные под влиянием образа вождя, его речей и статей.

ПОЭЗИЯ

Стихов и песен, воспевающих и восхваляющих Сталина, было написано немало. В основном они сочинялись в 30–50-е годы XX столетия. Мотивы авторов были такими же, какими они были и остаются во все времена у всех народов. Кто-то писал по зову сердца, с восторгом и почтением воспринимая вождя, кто-то — «по зову

партии», ясно осознавая как собственные выгоды, так и свой «гражданский долг», кто-то делал это наивно, кто-то — цинично... Ну и мера таланта всегда себя проявляла в полной мере независимо от того, «заказуха» это или искренний разговор со своим сердцем. У выдающихся поэтов и «заказуха» становилась явлением поэзии. Вот, например, строки виртуозного Николая Заболоцкого («Горийская симфония»):

*Есть в Грузии необычайный город.
Там буйволы, засунув шею в ворот,
стоят как боги древности седой,
склонив рога над шумною водой,
там основания каменные хижин
из первобытных сложены булыжин,
и тополя, расставленные в ряд,
подняв над миром трепетное тело,
по-карталински медленно шумят
о подвигах великого картвела.
Припоминая отрочества годы,
хотел понять я,
как в такой глуши
образовался действием природы
первоначальный строй его души...*

Несколько строк пропущу и процитирую строфу, в которой, наконец, появляется Сталин:

*...И мы садимся около костров,
вздывая чашу дружеского пира,
и «Мравалжамиер»¹
гремит в стране отцов —
заздравный гимн —
вождю народов мира.*

Несопоставимо менее даровитый, но мастеровитый Борис Пастернак свой номер отработывает более чем нудно, размазывая легковесную метафору на две дюжины куплетов. Приведу лишь начало, но и его не прочтешь, если не заставляють:

*Мне по душе строптивый норов
Артиста в силе: он отвык
От фраз, и прячется от взоров,
И собственных стыдится книг,*

*Но всем известен этот облик.
Он миг для прятков прозевал.
Назад не повернуть оглобли,
Хотя б и затаясь в подвал.*

И так далее — натужно, коряво автор пытается выразить хотя бы какую-то мысль, составить хотя бы какой-то образ...

*И этим гением поступка
Так поглощён другой поэт,
Что тяжелеет, словно губка,
Любою из его примет.*

*Как в этой двухголосной фуге
Он сам ни бесконечно мал,
Он верит в знание друг о друге
Предельно крайних двух начал.*

С тяжким трудом, но мысль всё-таки проби-лась: «Я и Сталин — двухголосная фуга». Есть, впрочем, у Пастернака и более удачные строки о Сталине:

*А в те же дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живёт не человек — деянье:
Поступок ростом с шар земной.*

Стихи, воспевающие Сталина, писали многие. И поэты-современники: А. Ахматова, А. Вертинский, М. Исаковский, А. Межиров, А. Тарковский,

¹ «Мравалжамиер» — «Многая лета», грузинское песнопение.

А. Твардовский, Н. Тихонов, О. Мандельштам, Д. Самойлов, М. Светлов, К. Симонов, Я. Смеляков, А. Сурков, и поэты послевоенного поколения: В. Боков, Т. Глушкова, В. Высоцкий, Е. Евтушенко, Ю. Кузнецов, Ф. Чуев и др. Немало написано бездарных стихов, но есть и яркие, проникновенные строки:

*Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь!
Сколько стоил ему Сталинград!*

(А. Вертинский)

*Мы слышали твой голос. Мы спокойны.
Нас не сломают, не поработят.
Да здоровствует суровый Вождь и Воин!
Да здоровствуют Москва и Ленинград!*

(О. Берггольц)

*Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты должен слышать нас, мы это знаем.
Не мать, не сына — в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем.*

(К. Симонов)

Нельзя не признать полновзвучными и заключительные строки из стихотворения Анны Ахматовой, написанного к 70-летию Сталина:

*Ликует вся страна в лучах зари янтарной,
И радости чистейшей нет преград, —
И древний Самарканд,
и Мурманск заполярный,
И дважды Сталиным спасённый Ленинград.*

Особую — мистико-эзотерическую — роль народного лидера увидел Даниил Андреев, поэт трагической судьбы, описывавший Смутное время в своей поэме «Русские боги». Уместно связать смысл этих строк с временем и ролью Сталина.

*Царству избран новый демон,
Страж и бич.
Он рождён в круговороте,
В бурных, хлещущих нотах —
Кровь от крови, плоть от плоти
Двух начал.
Лучше он, чем смерть народа,
Лучше он;
Но темна его природа,
Лют закон.
Жестока его природа.
Лют закон,
Но не он — так смерть народа.
Лучше — он!*

Многие начинающие поэты, желая быть опубликованными, свои стихи посвящали Сталину, по-

нимая, что в «официальную» литературу можно и даже проще проникнуть по «идеологическому» коридору. Такими были первые публикации Е. Евтушенко, В. Высоцкого и многих-многих других, которым и это не помогло: идеология идеологией, войти-то поможет, а вот дальше понадобится и талант...

На смерть Сталина откликнулись если не все, то очень и очень многие поэты. Самыми, быть может, простыми и человечными были стихи М. Исаковского:

*Тот день настал. Исполнились сроки.
Земля опять покой свой обрела.
Спасибо ж Вам за подвиг Ваш высокий,
За Ваши многотрудные дела.*

*Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.*

После XX съезда как старые, так и вновь прибывшие в поэтический строй поэты откликнулись на решения партии. И снова — «по велению того-сего», и снова — в меру дарования. Вперед вырвался Е. Евтушенко, его «Наследники Сталина», написанные в связи с выносом Сталина из Мавзолея, не просто опубликованы, а опубликованы в «Правде» — органе ЦК КПСС, манифестировавшем линию партии. Сперва Евтушенко подбросил немного поэтико-мистической фобии: «Мне чудится, будто поставлен в гробу телефон. Кому-то опять сообщает свои указания Сталин», — а потом обрушил призыв-приговор:

*Наследников Сталина, видно, сегодня не зря
Хватают инфаркты.
Им, бывшим когда-то опорами,
Не нравится время, в котором пусты лагеря,
А залы, где слушают люди стихи,
переполнены.*

*Велела не быть успокоенным партия мне.
Пусть кто-то твердит: «Успокойся...» —
спокойным я быть не сумею.
Покуда наследники Сталина есть на земле,
Мне будет казаться,
что Сталин еще в Мавзолее.*

Антисталинские поэтические хлопущки отхлопали свое довольно быстро, породив как ернические песенки типа «Товарищ Сталин, вы большой ученый» Алешковского, так и злобно-мстительные агитки типа этих строк Окуджавы:

*В Дорогомилово из тьмы Кремля,
Усы прокуренные шевеля,
Мой соплеменник пролетает мимо.
Он маленький, немывтый и рябой,
И выглядит растерянным и пьющим,
Но суть его — пространство и разбой
В кровавой драке прошлого с грядущим.*

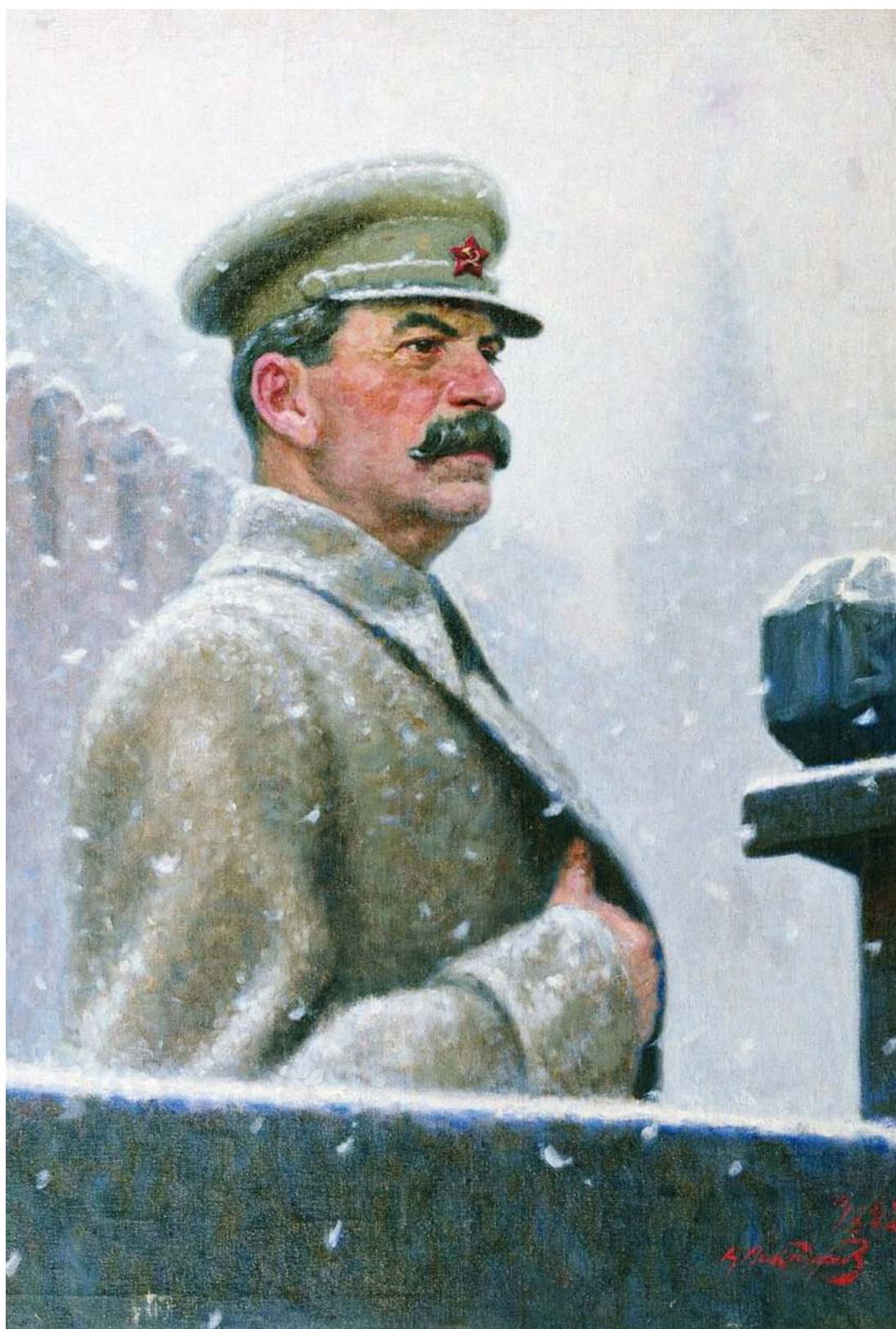
Как, однако, заметил наблюдательный Б. Слуцкий:

*Художники рисуют Ленина,
Как раньше рисовали Сталина.
А Сталина теперь не велено:
На Сталина все беды взвалены.
Их столько, бед, такое множество!
Такого качества, количества!*

Но «река времен» делала свою работу. Людям хотелось обрести в своей истории что-то более основательное, надёжное, вызывающее гордость. Хотелось чего-то в большей мере отвечающего голосу народной совести, нежели примитивные «все объясняющие» агитки времен XX съезда и его долгого эха. Через много лет после оттепели, в конце 70-х, Юрий Кузнецов написал стихотворение «Тегеранские сны»:

*Вдали от северных развалин
Синь тегеранская горит.
«Какая встреча, маршал Сталин! —
Лукавый Черчилль говорит. —
Я верю в добрые приметы,
Сегодня сон приснился мне:
Руководителем планеты
Меня назначили во сне.
Конечно, это возвышенье
Прошу не принимать всерьёз.
«Какое, право, совпадение! —
С улыбкой Рузвельт произнёс. —
В знак нашей встречи незабвенной
Сегодня сон приснился мне:
Руководителем вселенной
Меня назначили во сне». —
Раздумьем Сталин не смутился,
Неспешно трубку раскурил:
«Мне тоже сон сегодня снился:
Я никого не утвердил».*

Это писали уж никак не «наследники Сталина», а молодые люди послевоенного поколения. Здесь уже совсем другая интонация: взгляд с улыбкой, с юмором, но — добрым, а не мстительно-злым пересмешиванием, до которого еще предстояло дожить через десять с лишним лет.

КИНО

Сталиниана в кино не оставила столь же яркого, как живопись и скульптура, следа в культуре. Кино — в силу особенностей своего языка —

не справилось с этой задачей. При жизни Сталина было снято около 20 лент, в которых он был киногероем, персонажем сюжета. В четырёх фильмах Сталина играл Семён Голдштаб, в двенадцати — Михаил Геловани,

в трёх — Алексей Дикий, в одном — Андро Кобаладзе (с лихвой наверставший «отставание» в 50–80-е годы). Играть Сталина как игровой персонаж, изображая его в бытовом или ином контексте, оказалось практически невозможно. Ленина — получалось: в живых его нет, он лишь материал для создания образа, причём именно бытового, «человечного человека». Сталин — тоже образ, но пока он жив и работает, украсить его оживляющими деталями, без которых кинообраз живым не становится, невозможно. Поэтому в кино играли, в сущности, памятник Сталину. Памятник может стоять, сидеть, ходить, смотреть — взирать! — даже говорить, но остается памятником. Это и делал, например, Михаил Геловани. Алексей Дикий создавал тоже не вполне еще живой образ, к тому же не пытался говорить с грузинским акцентом, но у этого «русского» Сталина была своя общественно-политическая функция. Как верно сказал сам артист при встрече с вождем: «Я играл не лично вас, Иосиф Виссарионович, а впечатление людей о товарище Сталине».

После смерти Сталина на четыре года наступило затишье, но с 1957 года партия вспомнила, что кино остаётся важнейшим из искусств и народу надо всё заново объяснить. В 50–80-е годы сняли ещё двадцать картин. Причём в первое десятилетие — до 1968 года — сняли всего четыре ленты, не оставившие следа в памяти, а вот киноэпопея «Освобождение» (1968–1971) — это был настоящий прорыв. Такого Сталина еще не было (Бухути Закариадзе). К сожалению, не было и после. Авторам фильма удалось создать художественно-документальные образы Сталина и других исторических персонажей на высоком художественном уровне без превращения их в лубочные, как прежде, или карикатурные, как впоследствии, персонажи. В той или иной мере к такому стремились и в других фильмах тех лет. Падение — и художественное, и нравственное — началось в самом конце 80-х и продолжается до сих пор. Роль актеров уже не была так уж важна: Сталина не надо было играть, его надо было вываливать в грязи и высмеивать. Проституирующие перед новой властью кинематографисты со всей их алчностью припали к новой кормушке: с 1989 года до года текущего снято почти восемьдесят фильмов «со Сталиным» и «про Сталина». Вдумайтесь: в четыре раза больше, чем при Сталине, в два раза больше чем за весь предшествующий период!

Сталиниана была — и завершилась. Она стала частью мировой и отечественной культуры, искусства. Мы ее теперь только воспринимаем: впитываем или отвергаем, восхищаемся или возмущаемся... Те, кто не любят Сталина (ненавидят, видят в нем воплощение зла и т.п.), как правило не любят и его изображения. Они неспособны рассматривать и оценивать изображения Сталина просто как портретную живопись или скульптуру. Символы — прежде всего изобразительные — были и остаются одним из самых мощных инструментов управления сознанием. Сталин, его облик — символ: эпохи, политики, системы ценностей. Из этой эпохи можно «взять с собой» победы и достижения, счастье десятков миллионов людей, но можно помнить только о страданиях, трудностях, несправедливостях, тяжелых судьбах. Поэтому одни могут рассматривать портреты Сталина как явления искусства и оценивать их по соответствующим критериям, а кто-то — нет, полагая, что памятники надо снести, картины — если не сжечь, то уж по крайней мере «с глаз долой»: вид Сталина на них «плохо действует».

Если о сталиниане можно говорить как о завершенном историческом явлении, имеющем начало и конец, то личность и образ Сталина продолжают оказывать своё воздействие на день сегодняшний. Выбор за нами: использовать образы прошлого для разрушения непрерывного хода нашей истории, для выделения из неё только всего самого плохого, для формирования стыда за прошлое страны и народа, ненависти и глумления над драматичным, самоотверженным, рискованным, но искренним и славным путём наших отцов и дедов или опираться на позитивную историю, в которой были и трагедии, но был и поиск, были и победы, радость и любовь. Русская мечта — вовсе не мечта о выгребной яме истории, которую нам предлагают остающиеся во власти люди из 90-х и их идейные наследники, а мечта о цветущем саде, о синих реках и голубых небесах, об аромате лесов и красоте городов, о братских отношениях людей, о пути творчества и счастья. И в этой мечте, разумеется, есть образ Сталина: не такой, каким его делали современники вождя, и не такой, каким его пытаются слепить сегодня. Над этим образом нам надо работать, осознавая ту роль, которую он должен играть в этом важном, живительном мифе, который мы называем Русской мечтой.

Сергей БЕЛКИН. Слова и смыслы. Мировоззрение и картина мира. Ассоциативный словарь. — М.: ДеЛибри, 2020 — 714 с.

В книге 250 эссе. В каждом из них — размышления и ассоциации, рождаемые разными словами: от абрикоса — до яблока, от астрофизики — до эзотерики. Одни эссе — развлекательные, другие — познавательные, третьи — философские, но все вместе обращены к вопросам смысла жизни, мироустройства, религии и атеизма, общественного уклада. Эта книга — наглядное пособие по постижению собственной картины мира и мировоззрения. Автор демонстрирует метод размышлений об окружающем мире, об истории и современности, о философии, политике, религии, культуре. В сознании каждого присутствуют элементы разных мировоззрений: научного, религиозного, мифологического. Мы не обучены тому,

как ими пользоваться, не знаем, когда следует исходить из научного, а когда из религиозного мировоззрения. Следует ли всегда пользоваться только одним из них, отвергая остальные как ошибочные? Являются ли мировоззрения гибкими инструментами или это неизменные базисы? Зависит ли наша картина мира от сиюминутного состояния и какой она «должна быть»? Общаясь, мы пользуемся словами, полагая, что понимаем их одинаково, но у слов есть как общепринятые значения — их приводят в словарях, так и смыслы, — а вот они у каждого свои. Книга адресована как тем, кто впервые задумался «о смысле жизни», так и тем, кто давно и всерьёз погружён в философские размышления.

Сергей БЕЛКИН. Беглец-шоу. Изд. 2-е. — М.: Rideró, 2020. — 262 с.

«Беглец-шоу» — антиутопия-триллер. Автор обращается к современным читателям: если ничего не изменить в настоящем, будущее может стать трагичным. Динамичное действие происходит в Москве во второй половине XXI века. Москва

будущего — раздираемый противоречиями мегаполис, поделенный на сословные и этнические зоны, а общество будущего — мир жестокой и безжалостной борьбы, выжить в которой удаётся немногим...

Артём СЕРГЕЕВ, Екатерина ГЛУШИК. Беседы о Сталине. Издание 3-е, дополненное. — М.: Крымский мост-9Д, Форум 2020. — 271 с.

В книге идёт разговор о Сталине в кругу семьи: как воспитывали детей, как трудились, как принимали гостей. Артём Фёдорович Сергеев родился 5 марта 1921 года в семье Сергеева Фёдора Андреевича (подпольное имя «Артём») и Сергеевой Елизаветы Львовны. После трагической гибели отца Артёма воспитывал в своей семье его друг и соратник Иосиф Виссарионович Сталин.

Воспоминания А.Ф. Сергеева поистине бесценны: он обладает уникальной памятью и может восстановить практически с документальной точностью события любой давности, свидетелем которых был.

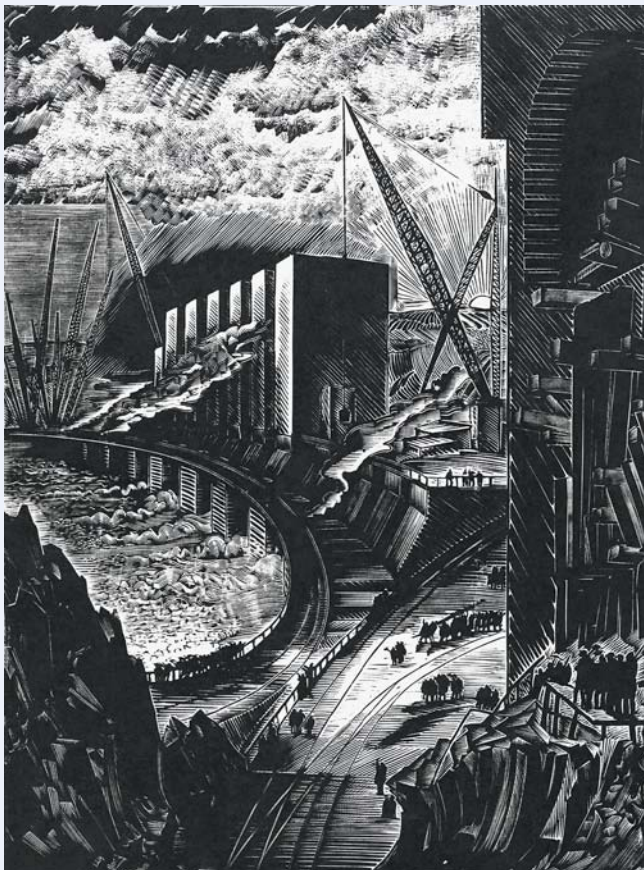
Настоящее — 3-е, дополненное — издание посвящается 75-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Николай СТАРИКОВ. Сталин. После войны. Книга вторая. 1949–1953. — М.: Эксмо. 2020. — 416 с.

Книга Николая Старикова — это оригинальный взгляд на последние четыре года жизни Сталина. По масштабу задач этот период сравним с индустриализацией и едва ли менее драматичен. А по масштабу политических решений — далеко превосходит все предшествующие. Второй том книги Николая Старикова — о событиях, которые известны всем, но понятны немногим. На фоне враждебности Запада — последние попытки уста-

новить добрососедство. На фоне угрозы новой мировой войны — тонкая дипломатическая игра на отвлечение в Корею. Производство собственной бомбы — на фоне ядерного шантажа Запада. Отчаянные попытки удержать Тито от авантюры — на фоне балканской «пороховой бочки». Громкие политические процессы на фоне схватки в верхах. И, конечно, загадочная смерть Хозяина на фоне борьбы за сталинское наследство.

Поэзия сталинской эпохи

«Сталинская эпоха»... Иногда этот период очерчивают двумя формальными датами: 1924 — смерть Ленина и 1953 — смерть Сталина. Хотя, с точки зрения меры влияния Сталина — а только это оправдывает именование периода времени подобным образом, — следовало бы очерчивать его иначе: от начала 30-х до начала 50-х.

На тему «поэты сталинской эпохи» опубликованы даже не сотни, а многие тысячи статей и подборок. Подавляющее большинство из них — о репрессированных поэтах, о трагической стороне жизни того времени. Цель таких публикаций — показать жестокость, несправедливость власти и «лично Сталина».

История мировой культуры переполнена трагическими судьбами поэтов, писателей, художников. Жестоко преследовались и были казнены многие и многие из них: Джордано Бруно и Гарсиа Лорка, Томас Мор и Кондратий Рылеев, Андре Шенье и Муса Джалиль, Юлиус Фучик и Цицерон... То время, которое мы называем «сталинской эпохой», — время ожесточённой, непримиримой политической борьбы — тоже не пощадило многих. Расстреляны или погибли в лагере Павел Васильев, Николай Клюев, Николай Олейников, Борис Пильняк, Осип Мандельштам, Даниил Хармс, Борис Корнилов... Пережили преследования и лагерную жизнь Николай Заболоцкий, Ярослав Смеляков, Даниил Андреев, Юрий Домбровский, Леонид Мартынов, Варлам Шаламов... Были и те, кто прожил эти времена без прямых репрессий, хотя страдания и тревоги коснулись и их. Среди них известные советские поэты: Николай Асеев, Анна Ахматова, Владимир Луговской, Самуил Маршак, Борис Пастернак, Михаил Светлов, Константин Симонов, Борис Слуцкий, Александр Твардовский, Николай Тихонов, Корней Чуковский, Илья Эренбург и многие другие.

В предлагаемой подборке — стихи поэтов, живших и творивших в то время. Цель подборки — показать, что подлинная, высокая поэзия рождалась и во времена, условно называемые «сталинскими». Нынешние поколения любителей поэзии часто не воспринимают эти знакомые им стихи как поэзию «той» эпохи. «То» время — вовсе не чёрная дыра истории, не «кабинет ужасов», а время обычной — в том числе и радостной, счастливой — жизни миллионов. Большинство стихов — очень известные, ставшие или создававшиеся песнями. Есть и философические стихи, размышляющие о жизни и её смысле. В стихах и песнях продолжает жить Русская мечта — мечта о любви, доброте, справедливости, гармонии, постижении жизни... Она переживает своё время, остаётся в культуре, в людской памяти.

Сергей БЕЛКИН

Анна АХМАТОВА

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах всё быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дёгтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

21 января 1940 г.

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

Я НЕ ИЩУ ГАРМОНИИ В ПРИРОДЕ

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир её дремучий!
В ожесточённом пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.

Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке.
Когда, сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,

Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодной игрой, —
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездны вод встаёт передо мной.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидеть.

1947

Михаил ИСАКОВСКИЙ

Снова замерло всё до рассвета —
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь:

То пойдёт на поля, за ворота,
То обратно вернётся опять,
Словно ищет в потёмках кого-то
И не может никак отыскать.

Веет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой...
Ты признайся — кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой.

Может статься, она — недалёко,
Да не знает — её ли ты ждёшь...
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даёшь?!

Валентин КАТАЕВ

Весну печатью ледяной
Скрепили поздние морозы,
Но веет воздух молодой
Лимонным запахом мимозы.

И я по-зимнему бегу,
Дыша на руки без перчаток,
Туда — где блещет на снегу
Весны стеклянный отпечаток.

1943

Николай КЛЮЕВ

Есть две страны; одна — Больница,
Другая — Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывно кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

«Ку-ку! Откройте двери, люди!»
«Будь проклят, полуночный пёс!»
Кому ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!

Весна погибла, в космы сосен
Вплетает вьюга седину...»
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Тянусь к зловещему окну.

И вижу: тётушка Могила
Ткёт жёлтый саван, и челнок,
Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность строк.

В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчиценой трубы.
Читаю нити: «Н.А. Клюев, —
Певец олонечкой избы!»

1937

Борис КОРНИЛОВ

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

И радость поёт, не скончая,
И песня навстречу идёт,
И люди смеются, встречая,
И встречное солнце встаёт —

Горячее и бравое,
Бодрит меня.
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

Бригада нас встретит работой,
И ты улыбнёшься друзьям,
С которыми труд, и забота,
И встречный, и жизнь — пополам.

За Нарвскую заставою,
В громах, в огнях,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

И с ней до победного края
Ты, молодость наша, пройдёшь,
Покуда не выйдет вторая
Навстречу тебе молодёжь.

И в жизнь вбежит оравую,
Отцов сменя.
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

...И радость никак не запрятать,
Когда барабанщики бьют:
За нами идут октябрю,
Картавые песни поют.

Отважные, картавые,
Идут, звеня.
Страна встаёт со славою
На встречу дня!

Такою прекрасною речью
О правде своей заяви.
Мы жизни выходим навстречу,
Навстречу труду и любви!

Любить грешно ль, кудрявая,
Когда, звеня,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

1932

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Вооружённый зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую всё, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и все...

И не рисую я, и не пою,
И не вожу смычком черногласым:
Я только в жизнь вливаюсь и люблю
Завидовать могучим, хитрым осам.

О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить, сон и смерть минуя,
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную...

8 февраля 1937

Николай ОЛЕЙНИКОВ

Неуловимы, глухи, неприметны
Слова, плывущие во мне, —
Проходят стороной — печальны, бледны, —
Не наяву, а будто бы во сне.
Простой предмет — перо, чернильница, —
Сверкая, свет прольют иной.
И день шипит, как мыло в мыльнице,
Пленя тусклой суетой.
Чужой рукой моя рука водила:
Я слышал то, о чём писать хотел,
Что издавало звук шипенья мыла, —
Цветок засохший чистотел.

1937

Борис ПАСТЕРНАК

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озарённый потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И всё терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

1946

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Если я заболёю,
к врачам обращаться не стану,
Обращаюсь я к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.

Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.

Порошков или капель — не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада —
Вот чем стоит лечить.
От морей и от гор
так и веет веками,
как посмотришь, почувствуешь:
вечно живём.

Не облатками белыми
путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас уйду коридором,
а Млечным путём.

1940

Александр ТВАРДОВСКИЙ

Ты дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной пустотой,
А мы условились, что будем
И за твою жить чертой.

И за твоею мглой безгласной
Мы — здесь, с живыми заодно.
Мы только врозь тебе подвластны —
Иного смерти не дано.

И нашей связаны порукой,
Мы вместе знаем чудеса:
Мы слышим в вечности друг друга
И различаем голоса.

И нам, живущим ныне людям,
Не оставаться без родни:
Все с нами те, кого мы любим,
Мы не одни, как и они.

И как бы ни был провод тонок,
Между своими связь жива.

Ты это слышишь, друг-потомок?
Ты подтвердишь мои слова?..

Николай ТИХОНОВ

Никаких не желаю иллюзий взамен,
Будто ночь и полуночный час,
И один прохожу я по улице Ренн
На пустынный бульвар Монпарнас.

Под ногами кирпичный и каменный лом,
Спотыкаясь, блуждаю я здесь,
И на небе, что залито чёрным стеклом,
Ничего не могу я прочесть.

«То ошибка! — я ночи кричу. — Ведь она
Не в Помпее жила, это ложь,
Так зачем этот мрак, не имеющий дна,
Этот каменный, пепельный дождь.

О, не дай же ей, ночь, погибать ни за что,
Разомкнись и её пожалей,
Беспощадной, светящейся лавы поток
С пикардийских вулканных полей».

1937–1940

Марина ЦВЕТАЕВА

— Пора! для этого огня —
Стара!
— Любовь — старей меня!

— Пятидесяти январей
Гора!
— Любовь — ещё старей:
Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! — камней, старей — морей...
Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви.

1940

